

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

183

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

183

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ



Ответственный редактор
И. Т. КРУГЛИКОВА



МОСКВА «НАУКА» 1986

Сборник составлен из статей и публикаций специалистов по средневековой археологии. Тематика статей разнообразна и дает представление о средневековых древностях, открытых в последнее время на территории Восточной Европы. Интересны исследования древнерусских городов, сельских поселений и могильников. В сборнике публикуются новые нумизматические материалы, анализируются памятники прикладного искусства.

Сборник вызовет несомненный интерес у археологов, историков, преподавателей вузов и студентов.

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

СТАТЬИ

А. Е. ЛЕОНТЬЕВ

ВОЛЖСКО-БАЛТИЙСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ В IX в.

Роль Волги как одной из основных торговых артерий Восточной Европы в раннем средневековье неоспорима. Для Северной Руси и Северной Европы IX в. Волга считается основным путем поступления восточного серебра. Основанная на изучении топографии кладов куфических монет и данных письменных источников эта точка зрения общепринята¹. Волжский путь рассматривается как великая, непрерывно действующая на протяжении нескольких столетий трансевропейская магистраль, захватывающая не только основное течение реки, но и крупнейшие ее притоки Оку и Каму с более мелкими реками их бассейна. Однако современные научные данные позволяют утверждать, что древние торговые дороги по Волге не были неизменными. Образование и укрепление в IX—X вв. Древнерусского государства и Волжской Болгарии, гибель Хазарского каганата и связанные с этими процессами изменения в этнической и политической карте Восточной Европы не могли не отразиться на географии и динамике функционирования Волжского торгового пути, что достаточно ясно подтверждается известными археологическими источниками, прежде всего топографией кладов куфических монет.

При картографировании кладов, как правило, придерживаются одного из двух принципов: либо на карту наносятся все известные пункты находок VIII—X вв.², либо эти пункты рассматриваются в пределах отдельных хронологических периодов, выделенных Р. Р. Фасмером³. В первом случае отчетливо выступают конкретные пути движения серебра, но полученная картина не отражает динамики функционирования пути. В свою очередь, периодизация Р. Р. Фасмера основана на изменениях монетного состава кладов, не отражая возможных изменений самих торговых путей. На наш взгляд, заслуживает внимания периодизация В. П. Даркевича, разделившего в исследовании по истории торговли все клады куфических монет на два периода по столетиям — IX и X вв.⁴

Кажущееся простым решение находит подтверждение в конкретном материале. В начале X в. окончательно сформировалось государство Волжских Болгар, а в Волго-Окском междуречье появились многочисленные славянские поселения, возникли древнерусские города. Оба фактора серьезно повлияли на развитие и направление торговых связей Северо-Восточной Руси.

Рассмотрим волжскую магистраль в рамках предложенных периодов — по столетиям. Учитывая характер основного источника — топографию кладов куфических монет — традиционное описание реки «от истоков к устью» приходится изменить на обратное, следуя вероятному пути самого серебра.

Средневековым кудцам путь из Средней Азии и Закавказья по Волге и далее на Каму был известен по крайней мере с VII в. В Прикамье обнаружены клады сасанидских⁵ и византийских⁶ монет этого времени. В IX в. связи с Прикамьем сохраняли свое значение. К этому столетию относятся 4 монетных клада, обнаруженные в бассейне Камы и Вятки

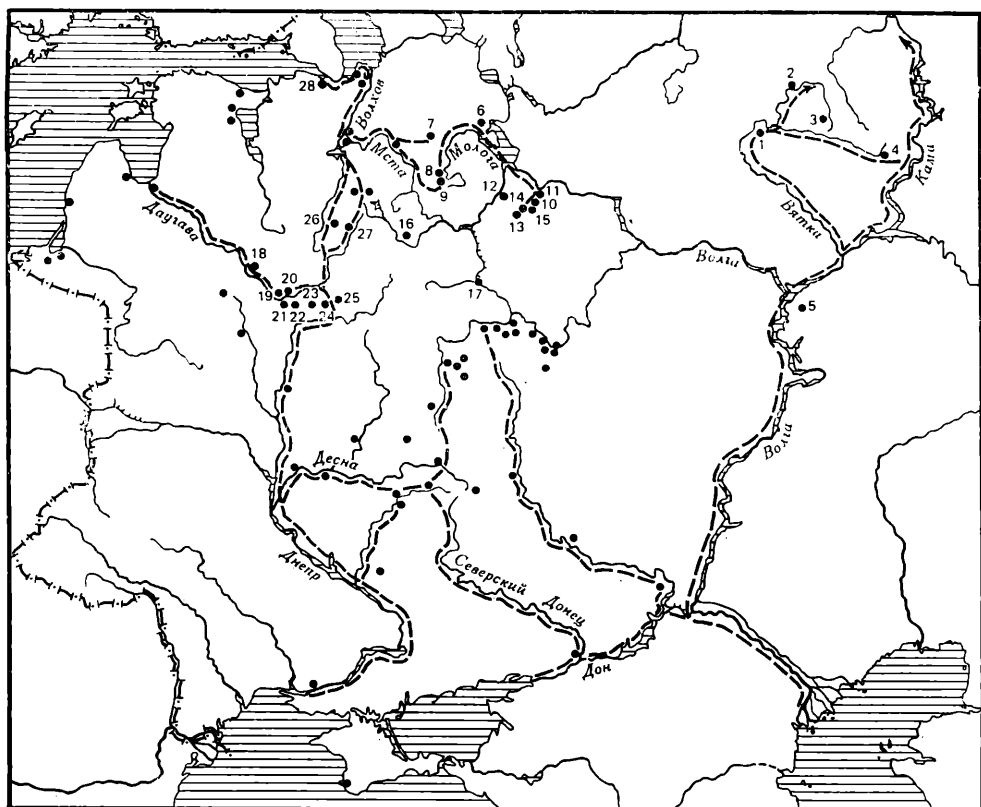


Рис. 1. Клады куфических монет IX в. на территории Восточной Европы (по В. Л. Янину, В. П. Даркевичу, Е. Н. Носову, Т. Н. Никольской, А. В. Фомину) 1 — Вятка; 2 — Лелеки; 3 — Ягшурцы; 4 — Лесогурт; 5 — Элмед; 6 — Панкино; 7 — Иловец; 8 — Кузнецкое; 9 — Загородье; 10—11 — Тимерево; 12 — Углич; 13, 14 — Сарское городище; 15 — Угодячи; 16 — Семенов Городок; 17 — Москва; 18 — Ахремцы; 19 — Лучесы; 20 — Богомолец; 21 — Поречье; 22 — Добрино; 23 — Соболево; 24 — Богушевский; 25 — Кислая; 26 — Зелникове; 27 — Набатово; 28 — Петергоф. Пунктиром указано вероятное направление торговых путей, точками обозначены клады монет, цифрами — упоминаемые в тексте пункты находок;

(рис. 1, 1—4), и многочисленные находки серебряных вещей восточного происхождения⁷. Хорошо известна дорога Волга—Кама и арабским авторам⁸. Однако, как подчеркивают все исследователи, информация поступала восточным географам от болгар. В связи с этим вспомним известный рассказ о земле народа вису, лежащей к северу от низовьев Камы. Большинство историков отождествляют вису с всей Белоозера русских летописей, что позволяет говорить о прямых связях болгар с верхневолжскими областями. Но эта гипотеза основана, в сущности, только на созвучии этнонимов, хотя в специальных исследованиях «вису» арабских источников транскрибируется как ису⁹. Рассказ о северных народах (или странах), известный у многих восточных авторов X—XII вв., в значительной степени повторяющих друг друга, в общих чертах следующий: «На север (или по направлению к полюсу) от болгар находится страна вису (или ису), за нею народ иура и страна мрака; путь туда от болгар 20 дней (или 1 месяц, или 40 дней, или 3 месяца)... Булгары везут в страну вису и иура товары на саях, которые тащат собаки по сугробам снега, сами люди передвигаются на лыжах»¹⁰. Сообщается также о длинном летнем дне, характерном для северных областей, о светловолосых и белокожих обитателях страны Вису¹¹. Важно свидетельство Абу-Хамида ал Гарнати (1150—1153 гг.) о том, что области Вису и Арв платят Булгару дань¹². Это самостоятельное известие автора XII в. и, следовательно, относится к эпохе, когда весь Белоозера в русских источниках уже не упоминается. Нет оснований считать упо-

минание о дани прежней, изжившей себя к XII в. традицией¹³; и в предыдущие века весь никак не могла находиться в зависимости от болгар. Важно и название второй области — Арв, которую вполне можно связывать с летописной Арской землей, арскими князьями XIV—XV вв. на нижней Каме¹⁴. Таким образом, этнонимы весь и вису вряд ли однозначны. Б. Н. Заходер, не рассматривая специально вопрос о тождестве обоих названий, но согласившись, что вису — это весь, предполагает, вслед за В. Ф. Минорским, что вису были на побережье Белого моря¹⁵, а это никак не соответствует данным русских источников. На наш взгляд, прав М. В. Талицкий, связавший термин «вису» с народами Прикамья¹⁶. Видимо, это — собирательное название, относящееся к обширной территории верховьев Камы и Северной Двины. Сообщение Ибн-Йакута о том, что в страну вису болгары ездили по Итилю (Волге), только подтверждает, высказанное предположение. Известно, что арабы считали продолжением Волги Каму¹⁷. Оправдано и свидетельство источников о светловолосых и светлокожих людях. Среди северных групп коми распространен антропологический тип депигментированных европеоидов¹⁸. В сущности, известие о вису — документальное подтверждение существования древнего торгового пути вверх по Каме и далее по рекам в бассейны Северной Двины, Печоры и даже Оби (область Иура?). Связи Волжской Болгарии с далекими северными землями, упоминаемая в источниках меновая торговля хорошо прослеживаются по данным археологии¹⁹.

Выше по течению от устья Камы находки восточного серебра в бассейне Волги отмечены в среднем и верхнем течении Оки. Здесь, на территории вятичей обнаружено 19 монетных кладов IX в.²⁰, происхождение которых обычно связывают с функционированием пути от Болгар по Волге, Оке и Десне к Киеву²¹. Однако как письменные, так и археологические источники позволяют убедительно реконструировать этот путь только начиная с X в.²² Прямых свидетельств торговых контактов Волжской Болгарии с населением Оки в предшествующее время нет. Почти семисоткилометровый отрезок пути от устья Камы вверх по Волге и нижнему течению Оки никакими находками импорта IX в. не отмечен. В. П. Даркевич, отмечая незначительность монетных находок этого столетия на территории Волжской Болгарии, предполагает прямой путь с низовьев Волги на Оку, минуя устье Камы²³, и последующее проникновение куфического серебра на Верхний Дон. Однако более вероятным кажется прямой путь с юга по Дону²⁴, на берегах которого известно 4 монетных клада IX в. Подавляющее число окских кладов этого времени зафиксировано на правом берегу и правых притоках реки (Проня, Осетр, Упа) и по своему расположению обнаруживают явное тяготение к Дону²⁵. Очевидно, с Доном и Северским Донцом связано и появление кладов IX в., в бассейнах левых притоков Днепра²⁶.

Неоднократно указывалось, что клады отмечают не столько торговую дорогу, сколько тяготеющие к ней районы сосредоточения населения²⁷. Поэтому на основании только топографии находок импорта, особенно при рассмотрении обширных регионов, как правило, можно указать лишь наиболее вероятные пути сообщения. Более подробную информацию могут дать письменные источники. Прямое указание на существование традиционного пути по Дону в IX в. есть у Ибн-Хордадбеха²⁸. Б. А. Рыбаков на основании анализа восточных источников показал, что Дон являлся основной магистралью, связывавшей в IX в. землю Вятичей с Востоком (Дон — переволока — Волга — г. Итиль)²⁹.

Выше устья Оки в бассейне Волги клады IX в. известны только в районе Ростова, Углича и Ярославля. Здесь зафиксировано 6 кладов в 4 пунктах. Из них 3 найдены на берегах оз. Неро (Сарское городище, 814-е и 820-е годы; Угодичи, 813 г.), 1 — около Углича (829 г.) и 2 близ Ярославля (Тимерево 864/865 гг.) (рис. 1, 10—15). Считается, что указанные находки свидетельствуют о большой роли местного населения в торговле по Волге с Востоком³⁰. Однако давно отмечено, что кла-

дов на берегах самой Волги от устья Камы до Углича нет³¹. Это обстоятельство наталкивает исследователей на мысль, что торговая дорога проходила глубинами Залесской земли — от Волги по Оке, в Клязьму и Нерль Клязьминскую к Переславскому озеру³². Далее возможны варианты на Нерль Волжскую, или Сару — оз. Неро—Вексу—Которосль в Волгу. Географическая карта предполагает и другие возможные пути.

Но археологические данные не подтверждают использование указанных маршрутов в IX в. В это время слабозаселенное Волго-Окское междуречье пустынно, здесь нет находок восточного импорта. Единственный сомнительный клад IX в. в левобережье Окского бассейна близ Москвы (рис. 1, 17) связан, скорее всего, с рассмотренной выше группой окскодонских находок. По Волге, Оке, Клязьме, Нерли неизвестны и поселения IX в., которые могли быть связаны с предполагаемым путем. За исключением района Муром и оз. Неро, немногочисленные муромские и мерянские поселения располагались на небольших речках в отдалении от возможных путей сообщения³³. Не дают нужной информации письменные источники, противоречивы и данные нумизматики. Согласно А. В. Фомину по Волге на Русь поступали дирхемы из азиатских провинций Халифата. Монеты африканских центров попадали в Восточную Европу западным путем³⁴. Между тем в кладах Угодичей и Сарского городища африканское серебро присутствует, причем в первом случае его количество достигает 49,5 % общего числа монет³⁵. Таким образом, прямой путь попадания в IX в. куфического серебра в район Ярославского Поволжья остается недоказанным.

Далее в бассейне Верхней Волги один клад найден на р. Шексне (Панкино, 864 г.), три — в верховьях р. Мологи (Загородье, 831 г.; Кузнецкое, 870-е годы: Иловец, 864 г.)³⁶ и один на Волге близ г. Старицы (Семенов Городок, 810 г.) (рис. 1, 6—9). В силу всех указанных выше причин оснований связывать появление дирхем в этих областях с торговлей по Волге еще меньше, чем для Ярославского Поволжья.

Северному участку Балтийско-Волжского пути конца VIII—X вв. посвящено специальное исследование Е. Н. Носова. На основании изучения топографии монетных кладов автор пришел к выводу, что основным путем проникновения куфического серебра на побережье Балтики была торговая дорога от Волги через Селигер, далее через реки Явонь и Полу в оз. Ильмень, затем Волхов—Ладога—Нева. Как отмечает Е. Н. Носов, нет никаких данных о существовании восточных путей проникновения серебра в Старую Ладогу ранее предполагавшимися маршрутами Молога—Сясь и Шексна—Свирь³⁷.

Селигерский путь, зафиксированный в письменных источниках для последующих столетий³⁸, выводил с Волги на Новгород. Однако расположение кладов IX в. указывает скорее на древнейший путь в Ильмень по Ловати или по р. Поле с верховьев Западной Двины³⁹, что соответствует летописному свидетельству: «...верх Днепра волок до Ловати по Ловати вйти в Ильмень озеро великое...»⁴⁰. Возможные переходы с Днепра на Западную Двину и далее на Ловать рассмотрены в работах Н. П. Загоскина, П. Г. Любомирова и Л. В. Алексеева⁴¹. В верховьях Западной Двины найдено не менее 10 кладов IX в. (Ахремцы, Лучесы, Богомолец, Поречье, Добрино, Соболево, Богушевский, Кислая, Заликовье, Набатово) (рис. 1, 18—27).

Нельзя полностью отрицать возможность функционирования в IX в. и Селигерского пути, на что может указывать клад у д. Семенов Городок (810 г.) на верхней Волге. Однако монеты в этот пункт попали, скорее всего, с той же Западной Двины или с верховьев Днепра. Как показал Л. В. Алексеев, хорошо известный автору Повести временных лет Оковский лес, где сходились верховья трех великих рек — Волги, Днепра и Западной Двины, был заселен в основном по бассейнам Днепра и Двины. Археологические памятники, топография монетных кладов, данные топонимики подтверждают существование на территории Оковского леса дорог Днепр—Каспля—Зап. Двина—Торопа—Ловать и

Днепр—Вазуза—Волга⁴². Правда, об использовании маршрута по Вазузе в IX в. прямых доказательств нет. Кроме указанных путей, на север по Западной Двине шла прямая дорога на Балтику по крайней мере со 2-й половины IX в.⁴³

Таким образом, наиболее вероятным путем проникновения восточного серебра в район Новгорода и Старой Ладogi в IX в. были не реки волжского бассейна, а северный отрезок пути «Из варяг в греки». Этот вывод не соответствует широко распространенному в науке мнению, согласно которому приоритет в торговых связях Северной Руси с Востоком на раннем этапе принадлежал Волге, а не Днепру⁴⁴, хотя некоторые исследователи считают, что днепровский путь использовался и в IX в.⁴⁵ Куфические монеты могли попадать на Верхний Днепр и дальше не только прямым путем с низовьев реки, а через Северский Донец по Пслу и Сейму, или с Оки через Десну. В пользу возможного сообщения Оки с Северной Русью говорит находка плетеной цепочки европейской работы в Мишневском кладе (869 г.), попавшей сюда, по мнению Г. Ф. Корзухиной, скорее всего из Скандинавии⁴⁶. На городище Супруты (р. Упа, правый приток Оки) найден топор скандинавского происхождения.⁴⁷

Прямым доказательством функционирования пути «Из варяг в греки» можно считать греческую надпись «Захариас» на арабской монете в одном из самых ранних кладов побережья Балтики — Петергофском (804 г.). Предположение авторов публикации о путешествии монеты по Волге через Волжскую Болгарию и Волго-Окское междуречье кажется излишне усложненным. Столь же недоказуема и гипотеза о просвещенном славянине с греческим именем как авторе граффити⁴⁸.

Если восточное серебро в IX в. поступало к Ильменю и на Волхов через верховья Днепра и Западной Двины, то верхневолжские клады можно рассматривать как свидетельство внутреннего обращения серебра в пределах Северной Руси. Территория бассейна Мологи и Шексны, где найдены клады IX в., является юго-восточной окраиной ареала сопки, указывая, таким образом, пограничную зону расселения словен новгородских⁴⁹. Земли по Верхней Мологе принадлежали Новгороду, входя в состав Бежецкого Верха и Бежецкой Пятины. Давние связи с районом Ильменя и Волхова подтверждаются материалами археологических раскопок. На селище Еськи («Езьск» в приписке к Уставной грамоте Святослава Ольговича 1137 г.) найдена стеклянная бусина скандинавского производства: бочонковидная печеночного стекла с пересекающимися белыми волнистыми полосами. Подобные датируются в основном концом VIII—IX вв.⁵⁰ На территории Руси аналогичные известны лишь в Старой Ладoge, где они характерны для слоя Ез⁵¹. В том же слое упомянутого селища обнаружен и староладожский бисер синего и желтого цвета⁵². Такая же скандинавская бусина найдена на селище Курово II. Видимо, к тому же слою памятника относится и дирхем начала IX в. (точная дата чеканки не определена)⁵³. Характерный для Ладogi бисер входил в состав ожерелья из Иловецкого клада. О связях Иловца с Новгородом свидетельствует и находка более позднего времени: свинцовая печать князя Ростислава Мстиславича, княжившего в Новгороде в 1154 и 1157—1158 гг.⁵⁴ Естественно предполагать, что и куфическое серебро в этот глухой район Руси попадало со стороны Новгорода и Старой Ладogi по Мсте или Сяси и Чагодоце.

Появление кладов в районе Углича, Ростова и Ярославля также может быть объяснено контактами с Северной Русью. Летопись называет жившую на озерах Неро и Плещеево мерю среди племен, изгнавших варягов, а Ростов позднее указан в числе городов, подвластных Рюрику. Археологические источники подтверждают летопись. Клады мерянского Сарского городища датируются тем же периодом времени, что и целая серия найденных на поселении вещей балтийского круга древностей. Кроме Старой Ладogi, это единственный пункт на территории Руси, где обнаружены скандинавские изделия начала IX в.⁵⁵ Клад у с. Угодичи

найден на одном из древнейших славянских поселений оз. Неро⁵⁶. В состав клада вместе с монетами входили два массивных серебряных кованых браслета ромбического сечения⁵⁷. Подобного рода украшения имеют европейское происхождение. Аналогичные браслеты, а также кованые серебряные прутки, из которых они изготовлялись, широко представлены вкладах Готланда и Прибалтики эпохи викингов⁵⁸. О том, что серебро тимеревского клада, возможно, вместе с людьми попало на р. Которосль с северо-запада, говорят граффити на дирхемах, среди которых есть скандинавские руны⁵⁹. Того же происхождения и некоторые вещи из ранних погребений ярославских могильников⁶⁰. Сами ярославские курганы являются древнейшими погребальными памятниками древнерусского населения в Волго-Клязьминском междуречье, заселение которых шло со стороны новгородских земель⁶¹.

Рассмотренные материалы позволяют полагать, что основными путями поступления куфических монет на Русь в IX в. были Дон и Северский Донец, выводящие к славянским поселениям в бассейне Оки и Днепра. В северные районы Руси серебро поступало по Днепру, большей частью, очевидно, с Оки через Десну. Историческую обусловленность тесной связи Поочья и Поднепровья в IX в. показал Б. А. Рыбаков⁶². С верховьев Днепра и Западной Двины дороги на Балтику шли либо по самой Двине, либо по притокам на оз. Ильмень—Волхов—Ладожское оз.—Неву. Нижнее Поволжье в сфере восточной торговли использовалось как традиционный путь в Прикамье. Рэки Верхнего Поволжья служили для внутренних связей Северной Руси. Прямой транзитный путь по Волге IX в. не существовал.

- ¹ *Загоскин Н. П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1909; *Рыбаков Б. А.* Торговля. История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948, с. 336; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья (домонгольский период). М., 1956, с. 103—106; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси. — История СССР, 1967, № 3, с. 81—108; *Вилинбахов В. Б.* Балтийско-Волжский путь. — СА, 1963, № 3, с. 126—136; *Свердлов М. Б.* Транзитные пути в Восточной Европе IX—XI вв. — Изв. ВГО, Л., 1969, т. 101, вып. 6, с. 540—545 и др.
- ² *Любомиров П. Г.* Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. — Учен. зап. Саратов. ун-та, 1923, т. 1, вып. 3, с. 5—38.
- ³ *Кропоткин В. В.* Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII—первой половине IX в. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 72—79; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы...
- ⁴ *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. М., 1979, табл. 52.
- ⁵ Там же, с. 147.
- ⁶ *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР. — САИ, М., 1962, вып. Е 4—4, с. 10.
- ⁷ *Даркевич В. П.* Художественный металл..., с. 155, табл. 51.
- ⁸ *Рыбаков Б. А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. — КСИИМК, М., 1952, вып. XLIII, с. 9—11; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, т. 1, с. 100, 101.
- ⁹ *Заходер Б. Н.* Каспийский свод..., с. 28—29; *Попов А. И.* Названия народов СССР. Л., 1973, с. 146—147.
- ¹⁰ *Заходер Б. Н.* Каспийский свод..., с. 28, 29.
- ¹¹ *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 136; *Монгайт А. Л.* Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 гг. — История СССР, 1959, № 1, с. 171.
- ¹² *Монгайт А. Л.* Абу Хамид ал-Гарнати...
- ¹³ *Голубева Л. А.* Везь и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 7, 8.
- ¹⁴ *Монгайт А. Л.* Абу Хамид ал-Гарнати..., с. 172.
- ¹⁵ *Заходер Б. Н.* Каспийский свод... М., 1967, т. II, с. 60.
- ¹⁶ *Талицкий М. В.* К этногенезу коми. — КСИИМК, М.; Л., 1941, вып. IX, с. 7—54; *Даркевич В. П.* Художественный металл..., с. 153.
- ¹⁷ *Рыбаков Б. А.* Русские земли..., с. 12.
- ¹⁸ *Чебоксаров Н. Н.* Этногенез коми в свете антропологических данных. — КСИИМК, М.; Л., 1941, вып. IX, с. 55.
- ¹⁹ *Едемский М.* О старых торговых путях на Севере. — ЗОРСА, СПб., 1913, т. IX, с. 39—43; *Даркевич В. П.* Художественный металл..., с. 153; *Федорова Н. В.* Два серебряных сосуда из района Сургута. — СА, 1982, № 1, с. 183—193.
- ²⁰ *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981, с. 276, рис. 104.
- ²¹ *Любомиров П. Г.* Торговые связи..., с. 30—32; *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961, с. 87—90; *Рыбаков*

- Б. А. Путь из Булгара в Киев: Древности Восточной Европы. — МИА, М., 1969, № 169, с. 186—196.
- ²² Монгайт А. Л. Рязанская земля..., с. 90; Рыбаков Б. А. Путь..., с. 189.
- ²³ Даркевич В. П. Художественный металл..., с. 153.
- ²⁴ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — МИА, Л., 1968, № 152, с. 153.
- ²⁵ Никольская Т. Н. Земля вятичей..., с. 276.
- ²⁶ Любимов П. Г. Торговые связи..., с. 17; Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы..., с. 152.
- ²⁷ Любимов П. Г. Там же, с. 9; Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, с. 30; Кропоткин В. В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII—I-й половине IX в. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 73.
- ²⁸ Заходер Б. Н. Каспийский свод..., т. II, с. 84, 85.
- ²⁹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982, с. 219—222, 281—283.
- ³⁰ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 114, 115.
- ³¹ Любимов П. Г. Торговые связи..., с. 27; Даркевич В. П. Художественный металл..., табл. 52.
- ³² Любимов П. Г. Торговые связи..., с. 27; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, М., 1961, № 94, с. 152; Монгайт А. Л. Рязанская земля..., с. 90; Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 105, 106.
- ³³ Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978, с. 5—10, рис. 1.
- ³⁴ Фомин А. В. Источниковедение кладов с кувшинскими монетами IX—X вв. (по материалам Восточной Европы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982, с. 13.
- ³⁵ Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 92; Леонтьев А. Е. О времени возникновения Сарского городища. — Вестн. МГУ. История, 1974, № 5, с. 74.
- ³⁶ Иловецкий клад в первой публикации был датирован X в.: Урбан Ю. Н., Ивановская Н. И. Работы Калининского отряда Верхневолжской экспедиции. — АО 1969 г. М., 1970, с. 35, 36.
- ³⁷ Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути VIII—X вв. — ВИД, Л., 1976, вып. VIII, с. 106, 107.
- ³⁸ ПСРЛ, т. XV, с. 99, 130.
- ³⁹ Рыбаков Б. А. Торговля..., карта.
- ⁴⁰ Повесть временных лет. М., 1950, ч. 1, с. 11.
- ⁴¹ Загоскин Н. П. Русские водные пути..., с. 130—133; Любимов П. Г. Торговые связи..., с. 22, 23. Алексеев Л. В. «Оковский лес» Повести временных лет. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 5—11.
- ⁴² Алексеев Л. В. «Оковский лес»..., с. 7, рис. 2.
- ⁴³ Носов Е. Н. Нумизматические данные..., с. 105.
- ⁴⁴ Янин В. Л. Денежно-весовые..., с. 103, 105; Авдусин Д. А. Гнездово и Днепровский путь. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 159—160; Дубов И. В. Скандинавия и Волжский путь. — VIII Всесоюз. конф. по изуч. истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Петрозаводск, 1979, ч. 1, с. 137—139; Фомин А. В. Источниковедение кладов..., с. 13.
- ⁴⁵ Свердлов М. В. Трагические пути..., с. 543, 544; Седов В. В. Путь «Из варяг в греки». — В кн.: VII Всесоюз. конф. по изуч. истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Л.; М., 1976, ч. 1, с. 134—136.
- ⁴⁶ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954, с. 21, табл. II, I.
- ⁴⁷ Леонтьев А. Е. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища. — Скандинавский сб., Таллин, 1981, XXVI, с. 146.
- ⁴⁸ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Рождественская Т. В. Новая находка граффити на кувшинской монете. — Вестн. ЛГУ, 1982, № 2, вып. 1, с. 29—31.
- ⁴⁹ Седов В. В. Новгородские сопки. — САИ, М., 1970, вып. Е 1—8, табл. 1.
- ⁵⁰ Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia, с. 800—1000 A. D. Maïmö, 1977, p. 81, 82. Cat., FO 160.
- ⁵¹ Рябинин Е. А. Бусы Старой Ладogi (по материалам раскопок 1973—1975 гг.). — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 170.
- ⁵² Исланова И. В. Раскопки бежецких курганов и городища Еськи. — КСИА, М., 1981, вып. 164, с. 89.
- ⁵³ Леонтьев А. Е. Отчет о работах Волго-Окской новостроительной экспедиции в 1979 г. — Архив ИА АН СССР, P-1.
- ⁵⁴ Урбан Ю. Н., Ивановская Н. И. Работы Калининского отряда..., с. 35—36; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 1, с. 125, тип. 152—155.
- ⁵⁵ Леонтьев А. Е. Скандинавские вещи..., с. 144—148.
- ⁵⁶ Леонтьев А. Е. Поселения мери и славян на озере Неро. — КСИА, 1983, вып. 179.
- ⁵⁷ Корзухина Г. Ф. Русские клады..., табл. II, 2.
- ⁵⁸ Sternberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, II. Lund, 1947, Abb. 1, 23, 31, 33, 3; Urtans V. Senākie depoziiti Latvaja (lids 1200 g). Riga, 1977, S. 168, N 46.
- ⁵⁹ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь..., с. 146.
- ⁶⁰ Фелхнер М. В. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников: Ярославское Поволжье в X—XI вв. М., 1963, с. 75—85.
- ⁶¹ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 125—130.
- ⁶² Рыбаков Б. А. Киевская Русь..., с. 258—291.

ЖИЛИЩА СЛОВЕНСКО-КРИВИЧСКОГО РЕГИОНА VIII—X вв.

Кривичи и словене ильменские — два крупнейших племенных образования восточного славянства — заселяли в VIII—X вв. обширные пространства лесной зоны Русской равнины. Ареал их включал бассейны озер Ильменя и Псковского, верхние и средние части Западнодвинского бассейна, Смоленское Поднепровье и верховья Волги. До славянского расселения эта территория принадлежала на севере прибалтийско-финскому населению, а в бассейнах Днепра и Западной Двины — восточным балтам. Местные племена, как отчетливо свидетельствуют данные археологии и гидронимии, в процессе славянской миграции не покинули мест своего обитания, постепенно славяне территориально смешались с аборигенами. Начался процесс славянизации местного населения¹.

В VIII—X вв. рассматриваемый ареал был далеко не однороден в этническом отношении, что нашло отражение в разнохарактерности домостроительства (рис. 1).

Основным типом жилища здесь в это время были наземные срубные постройки с деревянными полами и отопительными сооружениями, занимавшие угловое положение. В плане они прямоугольные, близкие к квадрату, площадь — 10—20 кв. м.

Такие дома прежде всего хорошо известны по раскопкам в Старой Ладоге. Они характерны как для нижних горизонтов культурного слоя этого памятника, датируемых VIII—IX вв. (горизонт Е), так и для вышележащих отложений X—XIII вв.² Постройки рубились в обло с чашкой или пазом в нижнем бревне и с выпуском остатка от 15 до 30 см. Средние размеры стен 4—5 м. Материал — сосна, реже ель, толщина бревен 10—35 см. Под бревна нижних венцов обычно клались деревянные подкладки, а под углы срубов иногда — плитняковые камни. Пазы между бревнами срубов обычно промазывались глиной. Полы настилались из досок 15—28 см шириной и 2—3 см толщиной, положенных на бревенчатые лаги. Концы последних не врубались в бревна срубов, а укладывались впритык к ним и опирались на подкладки из коротких бревен. Таким образом, полы оказывались лишь слегка поднятыми над землей.

Жилые постройки в Ладогe ставились на специальные фундаментные площадки — невысокие земляные подсыпки, огражденные бревнами, которые не давали грунту расползаться. Бревна фундаментных платформ клались на расстоянии 20—40 см от нижних венцов срубов, параллельно бревнам постройки. По длине они были больше бревен срубов и концы их не имели врубки, а крепились вбитыми в грунт кольями.

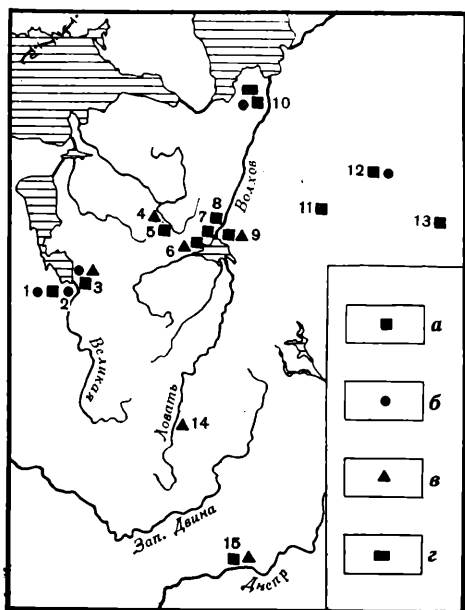
Печи находились в одном из углов жилищ. Они сооружались насухо из камней — крупных и мелких булыжников. Под печей — обычно глиняный, находился на уровне пола. Кладлись печи обычно на опечках размерами примерно 1,2×1,5 м, которые представляли собой навалы камней в несколько слоев, ограниченные горизонтально положенными бревнами.

Жилища этого типа были характерными постройками Новгорода, начиная с самых нижних горизонтов, датируемых X в.³ Для строительства их использовались главным образом сосновые бревна, реже еловые, толщиной 20—30 см. Рубка в обло с выборкой чаши или паза в нижнем бревне. Однако пазы между бревнами в Новгороде не промазывались глиной, а заполнялись мхом. Широко применялись подкладки из обрубков бревен или плах. Полы — досчатые делались на переводинах — лагах, поднятых на 20—40 см над землей.

Печи из камня и глины ставились на столбовых опечках размерами от 1,2×1 м до 2×2 м из трех или четырех столбов, которые на 20—

Рис. 1. Распространение жилищ разных типов в словенско-кривичском регионе

- а — наземные срубные дома с дощатыми полами и с печью в углу;
 б — наземные срубные постройки с глиняными или земляными полами и отопительными устройствами в срединной части;
 в — наземные срубные жилища с углубленными котлованами;
 г — большие дома ладожского типа;
 1 — Изборск;
 2 — Камно;
 3 — Псковское городище;
 4 — Городец под Лугой;
 5 — Малое Конезерье;
 6 — Прость;
 7 — Георгий;
 8 — Новгород;
 9 — Новгородское (Рюриково) городище;
 10 — Ладога;
 11 — Золотое Колено;
 12 — Съезжее;
 13 — Иловец;
 14 — Городок на Ловати;
 15 — Гнездово



40 см вкапывались в грунт и поднимались над землей на 40—60 см. В X в. господствовали однокамерные постройки.

Аналогичные наземные срубные жилища с деревянными полами и печами-каменками в углу исследованы на Новгородском (Рюриковом) городище в слоях с лепной керамикой IX—первой половины X в.⁴ Прослежены остатки фундаментных площадок, окомтурных бревнами, того же облика, что и в Ладоге. Под полом одной из построек открыта хозяйственная яма длиной 2,3 м и глубиной 0,3 м, дно которой было выложено берестой.

Жилые постройки того же типа исследованы в Изборске, где они господствовали со времени основания поселения на рубеже VII и VIII столетий⁵. Это были срубные дома размерами от 3,5×3 до 4×4 м с досчатыми полами и отопительными устройствами, занимавшими один из углов. Печи в Изборске в напластованиях VIII—X вв. были глинобитными. Они имели в плане округлую или овальную форму и размеры от 0,5×0,7 до 1,2×1,5 м. Сооружались печи целиком от основания до свода из глины. В отдельных остатках таких печей зафиксированы следы деревянных каркасов, которыми пользовались при устройстве сводов печей.

На Псковском городище жилые постройки рассматриваемого облика появляются и получают господствующее распространение с IX в.⁶

Подобные жилища широко представлены и на неукрепленных поселениях кривичско-словенского региона рассматриваемого времени. Так, на селище Золотое Колено в среднем течении Мсты, принадлежащем к культуре новгородских сопок, раскопками Е. Н. Носова выявлено три таких срубных постройки⁷. Размеры их 4,4×4,4, 4,6×5,2 и 3,5×4,9 м. В углах жилищ расчищены обожженные камни от печей-каменок.

На поселении на берегу озера Съезжее в северо-восточной части Новгородской обл., датируемом второй половиной I тысячелетия н. э., одно из двух исследованных здесь жилищ принадлежало к рассматриваемому типу⁸. В углу постройки находилась печь-каменка размерами 1,4×1,7 м. Основу последней составляли крупные валуны, а пространство между ними забутовывалось мелкими камнями, которые образовывали под печи. Перед печью имелась хозяйственная яма.

Такие же дома, но в сравнительно плохой сохранности, зафиксированы раскопками в Гнездове под Смоленском⁹. Здесь, по всей вероятности одновременно сосуществовали глиняные печи с печами-каменками.

Жилые постройки описываемого типа исследовались также на поселениях Приильменья Георгий и Прость. На первом поселении, датированном по керамическому материалу VIII—IX вв., исследованы две печи, сложенные из камней, и одна глинобитная, зафиксированы следы промазки глиной пазов между бревнами построек¹⁰.

К этому же типу, по всей вероятности, принадлежат постройки, остатки которых исследовались раскопками на поселениях Иловец, Малом Конезерском и других¹¹.

По своим характеристикам описываемые дома кривичско-словенского региона принадлежат к типичным славянским жилищам второй половины I тысячелетия н. э. Славянские жилища этого времени — срубные постройки, в плане близкие к квадрату, площадью 12—20 кв. м, с отопительными сооружениями, расположенными в одном из углов. В зависимости от положения пола они подразделяются на два вида¹². Для северной части славянской территории в начале средневековья (бассейны Вислы и Одры, а также междуречье нижних течений Одры и Эльбы) свойственны наземные бревенчатые дома, в более южных регионах господствовали квадратные в плане полуземлянки со срубными (реже столбовыми стенками) и с печью или очагом в одном из углов. На стыке этих обширных зон выявляется широкая полоса, где эти оба вида славянских жилых построек сосуществовали.

Кривичско-словенский регион по характеру домостроительства связывается с северными областями славянской территории. Очевидно, предки кривичей и словен ильменских переселились в бассейны Ильменя и озера Псковского откуда-то из бассейнов Вислы и Одры. Судя по типам жилых построек происхождение кривичей и словен ильменских из областей Среднего Поднепровья, Припятского Полесья и Поднепровья полностью исключается.

Наличие в кривичско-словенском регионе в однотипных постройках VIII—X вв. печей двух типов — каменок и глиняных заставляет предполагать две волны миграции славянских племен в процессе освоения ими будущих Новгородской и Псковской земель. Такая мысль высказывалась в археологической литературе и ранее, но была основана на совершенно иных фактах¹³.

Постройки с глиняными печами в кривичско-словенском регионе имеют более западное распространение, в то время как печи-каменки господствуют в восточных районах. В этой связи можно полагать, что славянская переселенческая волна, легшая в основу кривичей, принесла на северо-запад постройки с глиняными печами, а для славянского миграционного потока, расселившегося в Приильменье, были характерны жилища с печами-каменками.

Вторым распространенным типом жилищ кривичско-словенского региона в рассматриваемое время являются наземные срубные постройки с земляным или глиняным полом и очагами, занимавшими центральное положение. Такие постройки с глиняными полами широко представлены в Эстонии и земле латгалов¹⁴. В кривичском регионе они исследовались на городищах Камно, Псковском и Изборском. На городище Камно такие жилища с очагом в середине в VIII—IX вв. были весьма распространены и единственными домами¹⁵. На Псковском городище подобные постройки функционировали в период В (по С. В. Белецкому), датированному также VIII—IX вв.¹⁶ В Изборске же открыто только две постройки с глиняными полами размерами 3,5×3 и 3,5×2,8 м, относящиеся к IX в. Отапливались они очагами округлой формы, обставленные по периметру поставленными вертикально плитняковыми камнями¹⁷.

В более восточных районах кривичско-словенского региона встречены жилые постройки с земляными полами и отопительными устройствами в центре. Такое жилище, в частности, открыто на селище культуры длинных курганов на берегу озера Съезжее. Это была наземная срубная постройка размерами 5,3×6,9 м с очагом в центре. Основу последнего составляли крупные валуны. Сруб был поставлен на столбы — «стулья»,

крыша поддерживалась внутренними столбами, пазы между бревнами промазаны глиной.¹⁸

По-видимому, однотипными постройками были дома с центральным положением очагов, неоднократно зафиксированные в Ладоге.

Жилища рассматриваемого типа, очевидно, являются местными по происхождению. Они были характерны для прибалтийско-финского населения. В Эстонии срубные жилища с земляным или глиняным полом, правда, уже с угловым положением отопительного устройства, были характерны и в XI—XIII вв.¹⁹

При раскопках Псковского городища в напластованиях второй половины I тысячелетия н. э. выявлены наземные срубные постройки с углубленными котлованами внутри. Последние имели подпрямоугольные формы размерами до 3×3,5 м и глубиной 0,2—0,6 м. В некоторых котлованах имелись сдвоенные столбовые ямки, свидетельствующие о том, что стены котлованов обшивались деревом. Развалы каменных очагов обычно при раскопках обнаруживаются на дне котлованов у одной из стенок или в одном из углов. В целом же это были наземные сооружения площадью около 5×5 м. Их основу составляли срубы, поставленные прямо на грунт. Котлованы располагались обычно в средней части построек. Такие жилища были характерны для Псковского городища в VI—VIII вв.²⁰

Подобные жилые постройки с неглубокими котлованами, по-видимому, были исследованы на городищах Городец под Лугой и Новгородском (Рюриковом), а также на селищах Прость, Гнездово. В Городце под Лугой было раскопано несколько котлованов площадью от 7 до 20 кв. м и глубиной 0,3—1 м. В углах, иногда на небольшом возвышении находились печи-каменки диаметром около 1,5 м и высотой до 0,8 м. Датируются эти постройки лепной керамикой второй половины I тысячелетия н. э. (до X в.). Исследователь этого памятника Г. С. Лебедев предположил, что это были полуземляночные жилища²¹. Однако скорее всего их нужно трактовать как наземные постройки с котлованами в середине, поскольку полуземлянки не свойственны северо-западной части Древней Руси.

На селище Прость, уже упоминаемом выше, раскопками исследован котлован размерами 3,9×2,8 м и глубиной 0,25 м с остатками глиняной печи. На Рюриковом городище одно из углублений от жилой постройки имело размеры 5,4×2,2 м при глубине 1 м. В его заполнении найдена лепная керамика и клад арабских дирхемов²². Котлованы — нижние части подобных построек, зафиксированные в других местах этого поселения, датируются концом IX—первой половиной X в.²³ В Гнездово один из котлованов аналогичного жилища имел размеры 2,2×2,2 м при глубине 1 м, которое датировано X в.²⁴

Остатки подобных жилых построек исследованы на поселении Горюк на Ловати в культурном слое X в.²⁵ Это были срубные наземные дома размерами до 8×5 м с ямами-подвалами размерами около 1,6×1,2 м и глубиной до 1 м. Отопительные устройства (печи или очаги определить затруднительно) делались из камня и глины.

Жилища рассматриваемого типа — наземные постройки с неправильными углублениями получили широкое распространение на славянских поселениях раннего средневековья междуречья Вислы и Эльбы. Здесь они встречаются, начиная с VI—VII вв. Постройки анализируемого облика не образуют своего особого региона, а встречаются на обширной территории вместе со славянскими наземными домами без каких-либо углублений. Иногда постройки обоих типов совместно присутствуют на одних и тех же поселениях, но чаще жилища с котлованами образуют отдельные селения.

Жилища с углублениями различных форм выявлены в более чем 50 пунктах — на раннесредневековых славянских поселениях междуречья Вислы и Эльбы. Немецкий археолог П. Донат посвятил этим славянским домам специальную статью²⁶, позднее они были проанализиро-

ваны этим исследователем в монографии, посвященной домостроительству Средней Европы в VI—XII вв.²⁷

Нужно полагать, что жилища рассматриваемого типа были принесены в кривичско-словенский регион переселенцами из междуречья Вислы и Эльбы. В этой связи следует еще раз обратить внимание на некоторые параллели в керамических материалах кривичско-словенского региона и западных областей славянского расселения в раннем средневековье²⁸. Не исключено, что сосуды, найденные в Старой Ладоге, Новгороде, Пскове, Городке на Ловате и других местах и напоминающие горшки фельдбергского, фрезендорфского и торновского типов, в какой-то мере отражают торговые связи кривичско-словенских земель с регионом балтийских славян²⁹. Однако более правомерной представляется мысль В. М. Горюновой, согласно которой появление одинаковых видов раннегончарной керамики в славянских памятниках южного региона Балтики и на поселениях Северо-Западной Руси обусловлено существованием общих исходных форм лепной глиняной посуды³⁰. По-видимому, славяне балтийские, как и кривичи и словене новгородские, происходят из одного праславянского региона, о чем говорят и материалы антропологии³¹.

По раскопкам в Старой Ладоге известен в кривичско-словенском регионе еще один тип жилых построек. Это — наземные срубные строения, характеризующиеся значительными размерами (площадь их от 42 до 120 кв. м) и своеобразным интерьером — отопительные устройства в них всегда помещались в срединной части. Такие жилища открыты в Старой Ладоге уже в самых нижних напластованиях культурного слоя (горизонт Е) вместе с домами описанного выше первого типа.

Одна из интереснейших построек рассматриваемого типа исследована раскопками 1973 и 1981 гг. и на основе дендрохронологического анализа датируется второй половиной IX в.³² Основу ее составлял сруб размерами 10,4×7,45 м (площадь 77,5 кв. м), рубленный в обло из бревен диаметром 18—20 см. Под северо-западным углом постройки зафиксирована строительная жертва — череп коровы. Выявлено, что пол был сложен из досок. В центральной части жилища имелось отопительное устройство — при раскопках расчищено его основание в виде пласта плотной глины размерами 3×1,3 м, ограниченное с четырех сторон каркасом из досок, концы которых были помещены в пазы угловых столбов-стояков. Отопительные сооружения в ладожских больших домах сохранились плохо, что допускает интерпретацию их и как очагов, и как печей. В данном случае, по-видимому, можно говорить о наличии в жилище печи. Вход в постройку находился с южной стороны. Здесь имелся бревенчатый настил, примыкавший вплотную к наружной стороне жилища. Дверной проем начинался с третьего венца сруба. С северной стороны к жилой постройке примыкала хозяйственная, составлявшая вместе единое сооружение (включавшее и боковые галереи) размерами 16,6—17,3×10 м, которое было перекрыто общей крышей.

Большие дома с отопительными устройствами в центре бытовали в Ладогe в VIII—X вв., позднее они не встречаются. Относительно происхождения этих жилищ высказано два предположения. Одни исследователи полагают, что большие ладожские дома являются местными, прибалтийско-финскими по своему происхождению, другие допускают их скандинавское начало. Для окончательного решения этого вопроса нужны дополнительные изыскания.

К началу II тысячелетия н. э. разнообразие в домостроительстве кривичско-словенского региона нивелируется. Господствующей постройкой становится наземный срубный дом с досчатым полом и отопительным устройством в углу. На смену очагам всюду приходят печи. При этом в области расселения словен ильменских и кривичей псковских теперь господствуют печи-каменки, в землях смоленско-полоцких кривичей широкое распространение получили и глиняные печи. Домостроительство наряду с другими элементами материальной культуры свидетельствует о формировании единой древнерусской культуры в ее северном варианте.

- ¹ *Седов В. В.* Новгородские сопки. — САИ, М., 1970, вып. Е 1—8; *Он же.* Длинные курганы кривичей. — САИ, М., 1974, Е 1—8; *Он же.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982, с. 46—66.
- ² *Равдоникас В. И.* Старая Ладога. — СА, 1949, XI, с. 5—54; СА, 1950, XII, с. 7—40; *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. — СА, 1950, XIV, с. 140—161; *Носов Е. Н.* Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги. — КСИА, 1977, вып. 150, с. 10—17.
- ³ *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — МИА, 1963, вып. 123, с. 5—165; *Спегальский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 61—89.
- ⁴ *Пахомов Н. П.* Раскопки Рюрикова городища. — АО 1969 г. М., 1970, с. 24, 25; *Носов Е. Н.* Новгородская областная экспедиция. — АО 1979 г. М., 1980, с. 21; *Он же.* Новые данные о домостроительстве населения I тысячелетия н. э. в Приильменье. — В кн.: Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР: Тез. докл. Междресп. симпозиум. Рига, 1983, с. 31, 32.
- ⁵ *Седов В. В.* Изборск в VIII—X вв. — В кн.: Прибалтика и соседние земли. Таллин, 1985.
- ⁶ *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова: (Археологические данные к проблеме происхождения города). — КСИА, 1979, вып. 160, с. 10—12.
- ⁷ *Носов Е. Н., Конецкий В. Я.* Разведки на средней Мсте и раскопки поселения Золотое Колено. — АО 1974 г. М., 1975, с. 28, 29.
- ⁸ *Носов Е. Н.* Новые данные о домостроительстве..., с. 31.
- ⁹ *Авдусин Д. А., Каменецкая Е. В., Пушкина Т. А.* Раскопки в Гнёздове. — АО 1979 г. М., 1980, с. 43; *Каменецкая Е. В.* Раскопки в Гнёздове. — АО 1980 г. М., 1981, с. 55.
- ¹⁰ *Орлов С. Н., Аксенов М. М.* Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода. — В кн.: Новгородский исторический сборник, 1961, вып. 10, с. 164; *Орлов С. Н.* Славянское поселение на берегу р. Прость, около Новгорода. — СА, 1972, № 2, с. 131.
- ¹¹ *Лебедев Г. С.* Памятники Дремяцкого плато в Верхнем Полулье. — АО 1979 г. М., 1980, с. 17.
- ¹² *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 114, 115; *Donat P.* Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7—12. Jahrhundert. Berlin, 1980.
- ¹³ *Седов В. В.* Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря. — В кн.: Berichte über den II. Internationalen Kongress für Slawische Archäologie. Berlin, 1970, Bd. 1, S. 11—23; *Он же.* Восточные славяне..., с. 66; *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье. — СА, 1981, № 1, с. 56.
- ¹⁴ *Седов В. В.* Жилища Юго-Восточной Прибалтики (I—начало II тысячелетия н. э.). — В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 289, 290.
- ¹⁵ *Глазунов В. В., Плоткин К. М.* Археолого-геофизическое изучение городища Камно. — КСИА, 1978, вып. 152, с. 82—91.
- ¹⁶ *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова..., с. 10.
- ¹⁷ *Седов В. В.* Изборск в VIII—X вв.
- ¹⁸ *Носов Е. Н., Верхорубова Т. А.* Исследование комплекса культуры длинных курганов на оз. Слезжем в Новгородской области. — АО 1976 г., М., 1977, с. 25.
- ¹⁹ *Тыниссон Э.* Некоторые итоги изучения древнеэстонского жилища (по материалам городищ XI—XIII вв.). — Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1980, 1, с. 69—76.
- ²⁰ *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова..., с. 9, 10.
- ²¹ *Лебедев Г. С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977, с. 112—114.
- ²² *Носов Е. Н.* Раскопки поселений близ Новгорода. — АО 1980 г. М., 1981, с. 21.
- ²³ *Носов Е. Н.* Исследования на берегах Волхова. — АО 1981 г. М., 1983, с. 28, 29.
- ²⁴ *Пушкина Т. А.* Работы Гнёздовского отряда. — АО 1981 г. М., 1983, с. 82, 83.
- ²⁵ *Горюнова В. М.* Об изменениях в домостроительстве Городка на Ловати в X—XII вв. — В кн.: Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига, 1983, с. 8, 9.
- ²⁶ *Donat P.* Die unregelmäßigen Gruben und der Hausbau bei den Nordwestslawen. — In: Slavia antiqua, Poznan, 1977, 24, S. 119—140.
- ²⁷ *Donat P.* Haus, Hof und Dorf...
- ²⁸ *Горюнова В. М.* О западных связях «Городка» на Ловати (по керамическим материалам). — В кн.: Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977, т. 1, с. 52—57; *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода. — КСИА, 1976, вып. 146, с. 3—10; *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова..., с. 7, 8.
- ²⁹ *Херрманн И.* Роль острова Рюгена в рамках экономических и культурных взаимоотношений между племенами и народами в Прибалтийских областях. — В кн.: Fenno-ugri et slavi. 1978. Helsinki, 1980, с. 37—41.
- ³⁰ *Горюнова В. М.* О раннекуровой керамике на Северо-Западе Руси. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 44, 45.
- ³¹ *Седов В. В.* К палеоантропологии восточных славян. — В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 151—154.
- ³² *Петренко В. П.* Планировка и застройка Ладоги X в. — В кн.: Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига, 1983, с. 39—43.

ПАХОТНЫЕ ОРУДИЯ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

Большая роль земледелия в экономике государства волжских болгар X—XIV вв. отмечалась многими исследователями. Из письменных источников можно заключить, что земледелие не только удовлетворяло внутренние потребности страны, но и по крайней мере с XI в. давало определенный прибавочный продукт, шедший на экспорт. Отсюда закономерен интерес к изучению земледельческой техники Волжской Болгарии, в частности техники обработки почвы. Исследованию пахотных орудий волжских болгар посвящены специальные работы А. Штукенберга и А. В. Кирьянова¹, их характеристике уделяли внимание А. П. Смирнов, Ш. Ф. Мухаммедьяров, Н. А. Халиков² и некоторые другие авторы. Новые археологические материалы и новый подход к их исследованию³ позволяют существенно дополнить и уточнить имеющиеся выводы по этой проблеме.

Основным источником для суждения о пахотных орудиях волжских болгар являются археологические находки их железных деталей. Ниже приведены основные результаты исследования более 60 наконечников рабочих органов пахотных орудий, чересел и сошных полиц, происходящих с территории Волжской Болгарии и хранящихся в различных музейных собраниях⁴. В большинстве своем они происходят из случайных находок, небольшое число найдено при систематических раскопках и имеет более или менее точную дату. По аналогии с этими последними может быть определен возраст и других находок, что позволит наметить основные вехи в развитии болгарских пахотных орудий. В рассматриваемом материале 14 экз. представлены чересла, 3 — сошные полицы, остальные являются наконечниками рабочих частей пахотных орудий. По предложенной нами классификации⁵ подавляющее большинство наконечников относится к отделу втульчатых; 7 из них принадлежат к группе I (наральники), 13 — к группе III (сошники), 25 — к группе IV (плужные лемехи), 2 экз. относятся к отделу черешковых.

Все втульчатые наральники из болгарских материалов (рис. 1, 1—3) характеризуются небольшими размерами (общая длина $L=11,5-15$ см, средний диаметр втулки $d_1=5,5-6,8$ см, длина втулки $l=5-8$ см, наибольшая ширина лопасти $d_2=6,7$ см); шириной лопасти, не более чем на 1 см превышающей среднюю ширину втулки; тем обстоятельством, что переход от втулки к лопасти оформлен в виде слабо развитых плечиков. Пропорции таких наконечников характеризуются следующими основными отношениями: $\frac{L}{d_1}=2-2,3$, $\frac{L}{d_2}=1,9-2,3$, $\frac{L}{l}=1,6-2,3$. Втулка обычно несколько расширена к тыльной части, лопасть в продольном сечении выгнута в сторону втулки, так что острие лежит на плоскости, образованной нижними гранями этой последней. Исходя из данных о механике движения рабочей части пахотного орудия в почве и этнографических наблюдений, последнее обстоятельство свидетельствует о работе таких наконечников в положении, близком к горизонтальному. Лишь два экземпляра таких наконечников более или менее точно датированы: один происходит из кургана VIII—IX вв. близ святилища Шолом⁶, второй найден на поселении XI—XIII вв. в Лаишевском районе Татарской АССР⁷.

Рассмотренные наральники по своим форме, размерам и пропорциям целиком входят в тип IB1, по принятой нами классификации, не являются характерными только для волжско-болгарских земель и были широко распространены в Центральной и Восточной Европе с первых веков н. э. до средневековья. Они известны, в частности, на памятниках черняховской культуры и некоторых древнерусских поселениях домонгольского времени. Важно отметить, что наконечники этого типа были

найжены на ряде памятников Среднего Поволжья доболгарского времени: в одном из погребений Азелинского могильника, на городище Ош-Пандо в Мордовии, именьковских памятниках⁸. Единичные этнографические параллели таким ральникам можно указать на территории Украины: ими еще в недавнем прошлом снабжались небольшие рала, рабочая часть которых находилась в положении, близком к горизонтальному, но не всегда образовывала развитый полоз⁹. По устройству остова или скелета такие рала относились либо к однорукояточным прямогрядильным¹⁰, либо к генетически связанным с ними более поздним типам. Давнее бытование однорукояточных прямогрядильных рал в Среднем Поволжье доказывается этнографическими данными¹¹. В свете этих материалов мнение А. В. Кирьянова о принадлежности рассматриваемых наконечников из Волжской Болгарии многозубым сохам¹² представляется лишенным оснований, тем более, что сошники многозубых «этнографических» сох¹³ по особенностям формы, размерам и пропорциям не имеют с ними ничего общего.

Один из болгарских черешковых наконечников может быть датирован домонгольским временем¹⁴, другой точной даты не имеет (рис. 1, 10)¹⁵. Общая длина наконечников соответственно 77 и 38,5 см, длина черешка 63 и 27,5 см, длина лопасти 14 и 11 см, ширина лопасти 6 и 5,3 см. Черешок в поперечном сечении подпрямоугольный. Черешковые наконечники спорадически встречаются в некоторых районах Центральной и Восточной Европы на памятниках различного времени. В значительном количестве они найдены на античных памятниках Северного Причерноморья, несколько экземпляров происходят из древнерусских поселений домонгольского времени. Все они характеризуются примерно такими же размерами и формой лопасти, что и болгарские, но имеют обычно более короткий черешок. На основании этнографических параллелей, иконографических данных и некоторых археологических находок можно с большой вероятностью утверждать, что черешковые наконечники применялись для оснащения дополнительных ральников грайдильных кривоградильных рал с полозом. Такие рала изготовлялись из части ствола с отходящим от него суком так, что соответствующим образом обработанная часть ствола служила ральником, а сук — изогнутым грайдилем. Дополнительный ральник устанавливался у таких рал под углом к почве и закреплялся в отверстии, проделанном в грайдиле в месте его наибольшего изгиба¹⁶.

Известные нам сошники с территории Волжской Болгарии принадлежат к четырем типам. Одним экземпляром (рис. 1, 4) представлен наконечник типа IIIA1, характеризующийся симметричной лопастью уже втулки и небольшими размерами ($L=19$ см). Два экземпляра представлены наконечники типа IIIB1 (рис. 1, 5), для которых характерны симметричная лопасть, на большей части своей длины, равная по ширине втулке, и значительные размеры. Длина болгарских наконечников этого типа 27—28 см, ширина втулки 6,8—7 см, длина втулки 9—10 см. Бóльшее распространение имели сошники с лопастью, ширина которой превышает ширину втулки, симметричные (тип IIIB1, 5 экз.; рис. 1, 6) и асимметричные (тип IIIB2, 4 экз.; рис. 1, 7). Длина их 24,5—33 см, диаметр втулки 5,5—8 см, длина втулки 7,5—10 см, наибольшая ширина лопасти 7—9 см. Пропорции характеризуются следующими основными отношениями: $\frac{L}{d_1}=4,1-5$; $\frac{L}{d_2}=3-4,3$; $\frac{L}{l}=2,8-4,1$. [Лопасть в продольном сечении обычно отогнута в противоположную от втулки сторону, поперечное сечение втулки, как и у сошников других типов, округлое. Наиболее ранние датированные находки сошников (типа IIIB1 и IIIB2) происходят из V Семеновского селища конца XII—начала XIII в.¹⁷, золотоордынским временем датируется наконечник типа IIIB2 из Ага-Базара¹⁸, остальные, как и полицы (рис. 1, 8—9), не имеют точной даты. По своим форме, размерам и пропорциям болгарские сошники и полицы не отличаются от аналогичных археологических

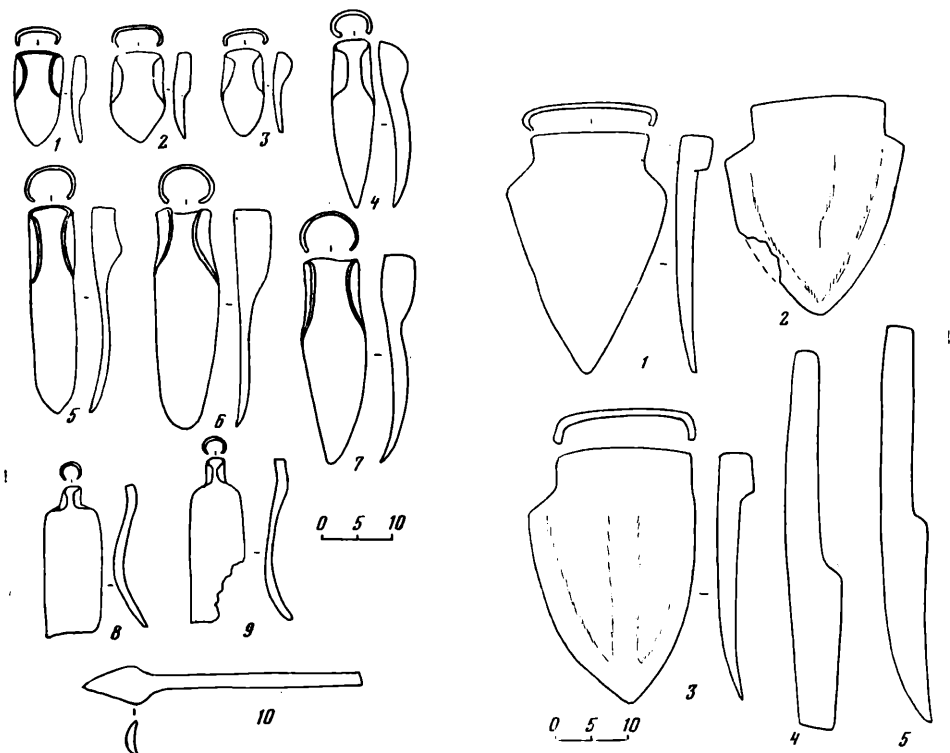


Рис. 1. Наральники (1—3, 10), сошники (4—7) и сошные полицы (8, 9)

1—2 — Лайшевский и Тетюшский уезды б. Казанской губ. (по А. Штукенбергу); 3 — Лайшевский уезд б. Казанской губ. (ГМТР); 4, 5 — местонахождение неизвестно (ГМТР); 6 — Альметьево (ГИМ); 7 — Болгары (ГИМ); 8 — Татарская АССР (ГМТР); 9 — Билярск (Национальный музей Финляндии); 10 — Татарская АССР (ГМТР)

Рис. 2. Плужные лемехи (1—3) и чересла (4, 5)

1 — Тетюшский уезд б. Казанской губ. (ГИМ); 2 — Болгары (кафедра археологии МГУ); 3 — местонахождение неизвестно (ГМТР); 4 — Лайшевский уезд б. Казанской губ. (ГМТР); 5 — Болгары (ГИМ)

находок в других районах лесной зоны Восточной Европы, в том числе древней Руси.

Интерпретация асимметричных наконечников типа ПИВ2 не вызывает сомнений: все исследователи относят их к двузубым сохам, что подчеркивается и асимметричностью их лопасти. Относительно симметричных сошников существуют различные точки зрения: одни исследователи относят их к трехзубым или многозубым орудиям¹⁹, другие — к однозубым²⁰, третьи считают наконечниками обычных двузубых сох²¹. Последнее предположение представляется наиболее вероятным. Действительно, сторонники отнесения всех или части симметричных сошников к многозубым орудиям исходили в таком предположении, по существу, лишь из гипотезы П. Н. Третьякова о происхождении сохи от боронь-суковатки и «исконной многозубости» сохи²², которая в свете этнографических материалов, данных письменных источников и средневековой иконографии представляется весьма сомнительной²³. Отмечалось также, что двузубым орудиям могут соответствовать только асимметричные сошники. Последнее положение не подтверждается этнографическими наблюдениями: среди так называемых коловых сошников обычных двузубых сох, по существу, аналогичным наконечникам типа ПИВ1 из археологических материалов, нередко симметричные. Три важных аргумента говорят в пользу того, что все сошники из археологических материалов, в том числе и болгарские, предпочтительнее считать наконечниками именно двузубых сох. Это, во-первых, то обстоятельство, что единствен-

ная археологическая находка части корпуса древней сохи — рассоха из дореволюционных раскопок в Старой Ладого, относящаяся ко времени около X в., — имела обычную для русской сохи двузубую форму²⁴. Во-вторых, это этнографические и средневековые иконографические источники²⁵, которые не дают оснований говорить ни о сколько-нибудь широком распространении многозубых и однозубых сох, ни о большой их древности. В-третьих, это традиция письменных источников считать сошники парами, восходящая по крайней мере к XIV в.²⁶ Нам представляется, что сошники типов IIIA1 и IIIB1 следует по их назначению сблизить с коловыми сошниками, известными по этнографическим данным²⁷, сошники типа IIIB2 — с перовыми сошниками недавнего прошлого²⁸, а сошники типа IIIB1 рассматривать как переходные от коловых к перовым.

Среди плужных лемехов, найденных на территории Волжской Болгарии, наиболее представительным является тип IVB2 (в нашем материале — 19 экз.; рис. 2, 1). Это массивные и широкие симметричные наконечники длиной 25—37 см с относительно короткой (4,5—8 см) втулкой, ширина которой составляет 14—19 см. Наибольшая ширина лопасти у них колеблется от 18 до 29,5 см. Пропорции этих наконечников характеризуются следующими основными отношениями: $\frac{L}{d_1} = 1,7-2,5$; $\frac{L}{d_2} = 1,2-1,7$; $\frac{L}{l} = 3,9-7,7$. Рабочий конец лопасти в большинстве случаев заостренный, реже — умеренно заостренный, втулка прямая или немного расширена к тыльной части, лопасть в продольном сечении выгнута в сторону втулки так, что ее острие лежит на плоскости, образованной нижними гранями втулки, часто имеет наварку по краям, иногда — по осевой линии²⁹. Большая часть наконечников этого типа происходит из случайных находок. Редкие датированные экземпляры позволяют говорить о бытовании их как в домонгольский³⁰, так и в золотоордынский³¹ периоды. Широкая датировка ранних находок лемехов рассматриваемого типа X—началом XIII в. не позволяет более точно определить время возникновения плуга у волжских болгар, как это нередко делается в литературе³². Отметим в этой связи, что термин «сабан», употребляемый во многих тюркских языках Среднего Поволжья и Приуралья для обозначения пахотного орудия вообще и плуга, в частности, а также производные от этого слова в письменных источниках зафиксированы впервые в XI в.³³

Лемехи типа IVB2 характерны именно для Волжской Болгарии. Только один наконечник этого типа известен в Верхнем Прикамье, куда мог попасть от волжских болгар. От синхронных симметричных лемехов из русских земель (тип IVB1)³⁴ болгарские лемехи существенно отличаются, во-первых, размерами (средняя длина первых 21,8 см, вторых — 33,5 см), во-вторых — пропорциями, в частности — относительно более короткой втулкой (отношение $\frac{L}{l}$ у русских лемехов составляет от 2,4 до 2,9, у болгарских — от 3,9 до 7,7). В генетическом плане русские лемехи связываются с одним типом широколопастных паральников, распространенных на восточнославянской и некоторых сопредельных территориях (тип IB2), болгарские — с другим (тип IB3), представленным на некоторых памятниках салтовского круга³⁵. Существенные различия в размерах русских и болгарских лемехов свидетельствует и о различиях в размерах соответствующих им орудий, что не могло не сказаться на функциональных особенностях этих последних.

Тремя экземплярами в нашем материале представлены близкие к типу IVB2 и генетически связанные с ним лемехи (рис. 2, 2—3), имеющие правостороннюю асимметрию (тип IVB5)³⁶. Их размеры и основные отношения не выходят за пределы вариаций, характерных для болгарских симметричных лемехов ($L = 34-35$ см; $d_1 = 18-19,5$ см; $d_2 = 24,6-25,5$ см; $l = 7,5-8,5$ см; $\frac{L}{d_1} = 1,7-1,9$; $\frac{L}{d_2} = 1,3-1,4$; $\frac{L}{l} =$

= 4—4,6). Вне пределов Волжской Болгарии этот тип лемехов также не известен. Лишь один из таких наконечников из Болгарского городища (рис. 2, 3) датируется золотоордынским временем возраст других может быть определен только по аналогии с ним.

Также тремя экземплярами представлены лемехи типа IVB₄, которые в генетическом плане могут быть связаны с симметричными лемехами типа IVB₁ и находят ближайšie аналогии в материалах XIII—XVI вв. из русских земель³⁷. Форма этих наконечников также характеризуется правосторонней асимметрией лопасти, но пропорции лопасти укороченные, втулка относительно более длинная, чем у типа IVB₅, несколько меньше и абсолютные размеры ($L=29,5-32$ см, $d_1=14-18,5$ см, $d_2=17,5-24$ см). Точной датировки они не имеют и могут относиться к тому же времени, что и их русские параллели. Следует отметить здесь, что такая характерная черта болгарских симметричных и части асимметричных лемехов, как короткая втулка и удлиненные пропорции лопасти, судя по редким археологическим находкам XVI—XVII вв. и этнографическому материалу, исчезает вскоре после XIV в., и плужные лемехи Среднего Поволжья по своим пропорциям становятся неотличимыми от применявшихся в русских землях.

Среди известных нам болгарских ралейников нет таких, которые могли бы применяться у рал, снабженных череслами. Об этом свидетельствует и отсутствие находок чересел на территории Среднего Поволжья, которые могли бы относиться ко времени до появления плуга. На восточнославянских и салтовских памятниках такие находки имеются. Можно предполагать поэтому, что все найденные на территории Волжской Болгарии чересла являлись деталями плугов (рис. 2, 4—5). Длина болгарских чересел составляет от 38 до 65 см, в среднем 49 см, что несколько превышает соответствующие показатели для синхронных чересел из русских памятников (длина от 36 до 52 см, в среднем 44 см). Это обстоятельство еще раз подчеркивает, что болгарские плуги имели большие размеры, чем русские. Некоторые болгарские чересла прямые, большая часть их имеет выгиб вперед в продольной плоскости. Длина режущей части чересел составляет от 19 до 36 см.

Реконструкции средневековых восточноевропейских плугов, в том числе волжско-болгарских, посвящена специальная работа³⁸, что позволяет не останавливаться подробно на этом вопросе. Отметим лишь, что есть веские основания считать плуги Волжской Болгарии близкими по конструкции к сабанам, известным в Среднем Поволжье по описаниям XVIII—первой половины XIX в.³⁹ Как и эти последние, болгарские плуги имели, вероятно, двойную подошву, детали которой составляли одно целое с рукоятками, прямой или искривленный в вертикальной плоскости грядиль, вставлявшийся в левую рукоять, стойку между подошвой и грядилем. Сама конструкция этих орудий — двухрукояточных с грядилем, соединявшимся с одной из рукоятей, — предопределяла наличие одностороннего отвала и асимметричность работы даже при наличии симметричного лемеха⁴⁰. По устройству своего остова или скелета болгарские плуги в принципе не отличались от русских. Их развитие во времени (как и на Руси) шло в направлении усовершенствования формы лемеха, эволюция которого от симметричного (в форме равнобедренного треугольника) к асимметричному (в форме разностороннего, а позднее — прямоугольного треугольника) определялась работой с односторонним отвалом.

Таким образом, древнейшими археологически засвидетельствованными пахотными орудиями волжских болгар следует считать сравнительно небольшие однорукояточные прямогрядильные рала с железными наконечниками типа IB₁, имевшие, очевидно, относительно короткий ралейник, находившийся при работе в положении, близком к горизонтальному. Аналогичные рала применялись еще доболгарским населением Среднего Поволжья и, по-видимому, были заимствованы от него пришельцами-болгарами. К весьма древнему пласту пахотных орудий волжских болгар

следует относить, вероятно, и кривоградильные рала с дополнительным ральником, появление которых в Среднем Поволжье следует связывать скорее всего с влиянием областей, прилегающих к Северному Причерноморью. В период, широко датированный X—началом XIII в., в волжско-болгарских землях появляются новые пахотные орудия — плуги с односторонним отвалом и симметричным лемехом, близкие по устройству корпуса к русским плугам, но несколько больше по размерам и отличающиеся некоторыми характерными чертами устройства лемехов. Есть основания говорить об известной самостоятельности возникновения этих пахотных орудий у русских славян и волжских болгар на базе различных разновидностей однорукояточных прямоградильных рал, но на основе одного и того же принципа «удвоения» рала, в связи с чем восточнославянские плуги изначально получили двойной полоз, детали которого составляли одно целое с рукоятками⁴¹. Судя по количеству находок лемехов и чересел, плуги стали наиболее широко распространенными пахотными орудиями волжских болгар уже в домонгольское время. Домонгольские плуги имели, по-видимому, только симметричные наконечники. В золотоордынский период начали распространяться более совершенные и лучше приспособленные к работе с односторонним отвалом асимметричные наконечники, лопасть которых имела вид разностороннего треугольника. В это время в Волжской Болгарии появляются асимметричные лемехи, аналогичные синхронным русским, что может рассматриваться как определенные следы русского влияния на болгарское земледелие. Не позднее конца XII—начала XIII в. очевидно, также в связи с русским влиянием⁴², в Волжской Болгарии появляются сохи. Наибольшее распространение здесь получили орудия с первыми и переходными к ним сошниками, принадлежащие к типу перекладных сох. Об этом же говорят находки сошных полиц. Сохи с коловыми сошниками были, очевидно, редки. Каких-либо убедительных данных о бытовании у волжских болгар однозубых и многозубых сох источники не содержат. Нет также данных о применении рал с наклонно поставленной рабочей частью. В целом сохи применялись реже, чем плуги.

Широкое распространение сравнительно крупных плугов, приспособленных для работы с оборачиванием пласта на почвах с мощным пахотным слоем, хорошо согласуется с данными анализа палеоботанических материалов⁴³, которые говорят о применении волжскими болгарями различных вариантов залежной и переложной систем земледелия. Последние могли сосуществовать в поздний период и с вариантами паровой системы на старопашотных землях, о чем можно судить, в частности, по наличию в археологическом материале деталей перекладных сох — первых и переходных к ним сошников и сошных полиц.

¹ Штукенберг А. Земледельческие орудия волжских болгар. — Учен. зап. Казан. ун-та, 1896, № 6/7; Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии волжских болгар. — КСИИМК, 1955, 57; Он же. К вопросу о раннеболгарском земледелии. — МИА, 1958, № 61.

² Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951, с. 80—85; Мухамедьяров Ш. Ф. К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV—XVI вв. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959, сб. III, с. 105—112; Халиков Н. А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX—начала XX в. М., 1981, с. 47—51.

³ Краснов Ю. А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы). — СА, 1978,

№ 4; Он же. Средневековые плуги Восточной Европы. — СА, 1979, № 4; Он же. Древние и средневековые рала Восточной Европы. — СА, 1982, № 3.

⁴ Государственный музей Татарской АССР (ГМТР), Чувашский республиканский краеведческий музей, Государственный исторический музей (ГИМ), Археологический кабинет Казанского университета (АКУ), Кафедра археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Национальный музей Финляндии в г. Хельсинки.

⁵ Разделение железных наконечников пахотных орудий на отдели, группы и типы здесь и далее дано по работе: Краснов Ю. А. Опыт построения классификации... Здесь же приведена аргументация, обосновывающая отнесение отдельных групп наконечников из археологических материалов к раз-

- личным видам традиционных пахотных орудий, известных по данным этнографии.
- 6 *Кирьянов А. В.* К вопросу о раннеболгарском земледелии, с. 289, рис. 4.
 - 7 АКУ, 2/202.
 - 8 *Краснов Ю. А.* Древние и средневековые рала... .
 - 9 *Mozynski K.* Kultura ludova slovia. Kraków, 1929, t. I, fig. 125; *Мамонов В. С.* Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре. — СЭ, 1952, № 4, рис. 2; наблюдения автора в Житомирской и Черниговской областях. О реконструкции рала с наконечниками типа ІВ1 см. также: *Краснов Ю. А.* Древние и средневековые рала... .
 - 10 Характеристику основных черт устройства однорукоятчных прямогрядильных рал см.: *Краснов Ю. А.* Древнейшие упругие пахотные орудия. М., 1975, с. 29, 30, 62, 63.
 - 11 Основные черты устройства однорукоятчных прямогрядильных рал — наличие цельной конструкции, сочетающей функции рукояти и ралыка, часто прямой грядиль — явственно прослеживаются в устройстве корпуса легких одноральных сабанов (*Найдич Д. В.* Пахотные и разрыхляющие орудия. — В кн.: Русские: Историко-археологический атлас. М., 1967, табл. VIII, 4; XVI, 3, 4) и так называемых лемехов (*Зеленин Д.* Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907, с. 96—100).
 - 12 *Кирьянов А. В.* К вопросу о земледелии... , с. 15.
 - 13 См., например: *Зеленин Д.* Русская соха... , с. 121, 122, 152; *Супинский А. К.* К истории земледелия на русском Севере. — СЭ, 1949, № 2, с. 138—141.
 - 14 Хранится в школьном музее школы с. Алексеевского Куйбышевского р-на Татарской АССР и найден на территории Алексеевского селища домонгольского периода.
 - 15 ГМТР, без номера. Н. А. Халиковым этот предмет ошибочно отнесен к плужным череслам (*Халиков Н. А.* Земледелие татар... , рис. 5, табл. 1).
 - 16 *Краснов Ю. А.* Древнейшие упругие пахотные орудия, с. 131—132; *Он же.* Об этом типе пахотных орудий эпохи Киевской Руси. — КСИА, 1976, вып. 146; *Он же.* Рало из Токаревского торфяника. — КСИА, 1981, вып. 164.
 - 17 Благодарю А. Х. Халикова за возможность ознакомиться с этими материалами до их публикации.
 - 18 *Ажсенова Н. Д., Краснов Ю. А., Смирнов А. П., Хлебникова Т. А.* Работы Болгарского отряда Поволжской экспедиции. — АО 1967 г., М., 1968, с. 135.
 - 19 См., например: *Левашова В. П.* Средневековое хозяйство. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Тр. ГИМ, 1956, вып. 32, с. 28, 35; *Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв. — МИА, 1959, № 65, с. 315—320, 344—350; *Он же.* К вопросу о земледелии... , с. 14, 15.
 - 20 *Миролубов М. А.* Пахотные орудия Старой Ладogi. — АСГЭ, 1972, № 14, с. 121.
 - 21 См., например: *Чернецов А. В.* О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий. — СА, 1972, № 3, с. 142—143; *Коробушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. Минск, 1979, с. 25, 26.
 - 22 *Третьяков П. Н.* Подсечное земледелие в Восточной Европе. — ИГАИМК, 1932, т. XIV, вып. 1, с. 23—31.
 - 23 *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства (конец XIII—начало XVI в.). М., 1965, с. 53—71.
 - 24 *Равдоникас В. И.* Старая Ладога. — СА, 1950, т. XII, с. 48; *Орлов С. Н.* Остатки сельскохозяйственного инвентаря из Старой Ладogi. — СА, 1954, т. XXI, с. 344, 349.
 - 25 *Зеленин Д.* Русская соха...; *Горский А. Д.* Древнерусская соха по миниатюрам Липецкого летописного свода XVI в. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962; *Он же.* Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр XVI—XVII вв. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965, сб. IV.
 - 26 *Дорошенко В. В.* Сельское хозяйство феодальной Лифляндии (Видземе) в XIII—XVI вв. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959, сб. III, с. 46—47; *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство... , с. 53, 56.
 - 27 *Зеленин Д.* Русская соха... , с. 31—32.
 - 28 Там же, с. 33.
 - 29 *Краснов Ю. А.* Опыт построения классификации... , с. 112, 113.
 - 30 *Кагоцкий В. Ф., Смирнов А. П.* Хулаш. — В кн.: Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972, с. 65, 71—73 (хранятся в ЧКМ); *Матвеева Г. И.* Отчет о раскопках городища Муромский городок в 1973 г. — Архив ИА АН СССР.
 - 31 ГИМ, № 93662.
 - 32 Так, например, А. П. Смирнов и А. В. Кирьянов датировали время появления плуга у волжских болгар X в. (*Смирнов А. П.* Волжские булгары, с. 40; *Кирьянов А. В.* К вопросу о земледелии... , с. 15).
 - 33 *Besim A.* Divani lugot it türk terkumesi. Ankara, 1939—1941, t. I, p. 402; t. II, p. 214; t. III, p. 342, 416.
 - 34 *Краснов Ю. А.* Опыт построения классификации... , с. 112; *Он же.* Средневековые плуги... , с. 69, 70.
 - 35 *Краснов Ю. А.* Опыт построения классификации... , с. 113; *Он же.* Средневековые плуги... , с. 69, 70, рис. 8, I, II.
 - 36 *Краснов Ю. А.* Опыт построения классификации... , с. 113.
 - 37 *Чернецов А. В.* Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий. — КСИА, 1976, вып. 146, с. 35, рис. 1, 16, 17; 2, 12.
 - 38 *Краснов Ю. А.* Средневековые плуги...

- ³⁹ Рычков П. Письма о земледельчестве в Казанской и Оренбургской губерниях. — В кн.: Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758, май; Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1795, с. 126, 127; Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. СПб., 1806, т. II, кн. 1, с. 8, 65, 66; Фирстов Г. В. Земледельческие орудия восточной полосы России. Казань, 1854.
- ⁴⁰ Нелишне отметить здесь, что симметричный лемех, близкий по размерам к «археологическим» наконечникам типа IVB2, автор имел возможность видеть в Ядринском районе Чувашской АССР. По сообщению информатора, лемех был изготовлен в 70-х годах XIX в., им оснащались обычный деревянный плуг (чуваш. — акапус) с односторонним отвалом.
- ⁴¹ Краснов Ю. А. Средневековые плуги..., с. 66, 68.
- ⁴² Наиболее ранние находки сошников, отмечающие время возникновения сохи, сделаны в Старой Ладоге, Новгороде и некоторых памятниках Верхнего Поволжья. Эти памятники оставлены разноэтничным населением, ведущим компонентом в котором были славяне. Более поздние находки сошников сделаны в основном на памятниках, оставленных русским населением. Это дает основание присоединиться к старой точке зрения, считающей соху достоянием русской (восточнославянской) культуры (Зеленин Д. Русская соха..., с. 121).
- ⁴³ Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии..., с. 5—8; Туганав В. В. Состав и характеристика культурных и сорных растений Билярских полей. — В кн.: Исследования Великого города. М., 1976, с. 240—245.

Н. А. МАКАРОВ

О НЕКОТОРЫХ КОМПЛЕКСАХ СЕРЕДИНЫ — 3 ЧЕТВЕРТИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИОНЕЖЬЕ И НА Р. СУХОНЕ

В Юго-Восточном Прионежье, как и на Севере Восточной Европы в целом, наименее изученными остаются в настоящее время памятники I тысячелетия н. э. Финальный этап существования позднекаргопольской культуры С. В. Ошибкина отнесла к IV в. до н. э.¹, а наиболее ранние средневековые памятники в этом регионе относятся к X в. Даже если признать, что верхняя дата позднекаргопольской культуры несколько занижена², между позднекаргопольскими памятниками и памятниками эпохи средневековья существует хронологический разрыв протяженностью около тысячелетия. Разбирая вопрос о генезисе культуры веси, Л. А. Голубева указала на наличие в бассейне Шексны и Мологи нескольких памятников, содержащих материалы I тысячелетия н. э. и дала краткую характеристику этих материалов³. Цель настоящей работы — дать обзор комплексов и отдельных находок, происходящих в основном с сопредельных территорий: из бассейна озер Лача, Воже и верхнего течения Сухоны, а также из бассейна Белого озера, где в последние годы появились новые пункты с находками этого периода (рис. 1). Несмотря на разрозненность и слабую документированность некоторых материалов, они могут дать определенное представление о характере древностей I тысячелетия н. э. в регионе.

В 1928—1929 гг. тотемский краевед А. Н. Черницын провел небольшие раскопки на поселении Усть-Царева, находящемся в среднем течении Сухоны на левом ее берегу, при впадении в Сухону р. Царевы. Черницын заложил на поселении 9 траншей и вскрыл площадь около 100 кв. м. Полевая документация А. Н. Черницына весьма несовершенна, однако материалы раскопок сохранились в Тотемском краеведческом музее и дают основание считать, что исследованный им памятник представлял исключительный интерес.

Из отчета Черницына можно заключить, что общая мощность культурного слоя на поселении составляла 20—40 см, достигая в западинах

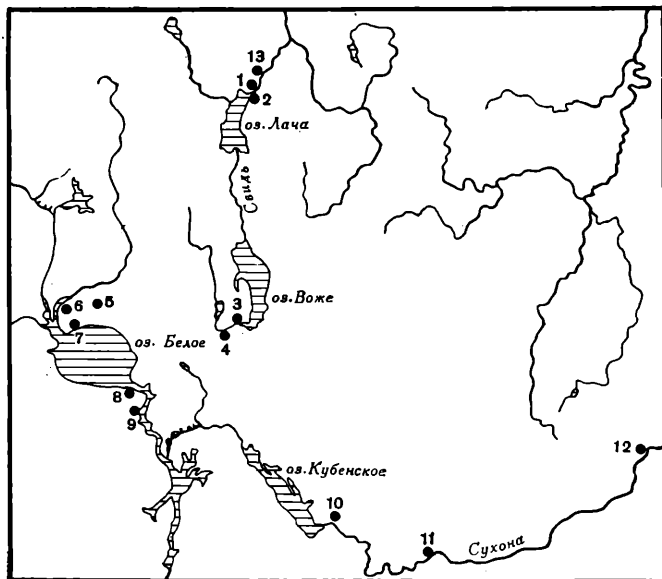


Рис. 1. Памятники середины—третьей четверти I тысячелетия н. э. в юго-восточном Прионежье и на р. Сухоне

- 1 — Каргополь;
- 2 — Кубенино;
- 3 — Селище;
- 4 — Гостинный берег;
- 5 — Егорьевка;
- 6 — Никольское III;
- 7 — Водоба;
- 8 — Белоозеро;
- 9 — Волохово;
- 10 — Клыжово;
- 11 — Двиница;
- 12 — Усть-Царева;
- 13 — Надпорожье

60 см. Слой этот стратиграфически не расчленился. При раскопках были встречены остатки двух очагов, сложенных из дикого камня. Металлические предметы, обнаруженные на поселении, происходят как из верхней части культурного слоя, так и из его подошвы⁴. Наиболее любопытной находкой является массивная серебряная фибула подковообразной формы с гнездами для эмали на слившихся дисках и железной иглой (рис. 2, 1). Г. Ф. Корзухина назвала эту вещь самоделкой и отметила удивительную грубость отливки, тем не менее фибула прекрасно вписалась в типологию украшений с выемчатыми эмалями, предложенную исследовательницей, и была датирована V в.⁵ Другое украшение, найденное на Усть-Царевском поселении, — бронзовая подвеска треугольной формы, смонтированная из пятнадцати выпуклых круглых бляшек. Края подвески в некоторых местах обломаны, к основанию ее припаяно ушко, на котором крепится костылек от цепочки. От второго ушка сохранилось лишь основание (рис. 2, 2). Наличие ушек, к которым, надо полагать, были прикреплены шумящие привески, придает украшению сходство с многочисленными треугольными подвесками, спаянными из спиральных завитков, распространенными у финно-угров Поволжья и Прикамья. Однако на самом деле предмет представляет собой половинку бантовидной накладки, превращенную в подвеску. Семь подобных накладок происходят с дьяковских городищ⁶, одна найдена в могильнике Ябара в Эстонии⁷ и одна в кургане в Кетахака в Финляндии⁸. Традиционная датировка этих накладок III—V вв. была недавно пересмотрена И. Г. Розенфельдт, предложившей датировать их IX в.⁹ Не исключая возможности отнесения накладок ко времени несколько более позднему, чем V в., следует заметить, что датировка находок из Эстонии и Финляндии IX в. вступает в противоречие с общей датировкой обоих памятников, с которых они происходят¹⁰, и не может быть принята. Еще один бронзовый предмет, найденный на поселении, — четырехгранный стержень со скругленными сужающимися концами. О датировке и назначении этого предмета судить трудно, скорее всего это заготовка или полуфабрикат какого-то изделия (рис. 2, 3). Среди железных вещей нож длиной около 20 см с узким клинком, без уступа на спинке при переходе от клинка к черешку (рис. 2, 4). Нож заметно отличается как от экземпляров 1 половины I тысячелетия, имеющих изогнутую спинку, так и от ножей с узким клиновидным лезвием и уступом на спинке, распространенных в лесной полосе Восточной Ев-

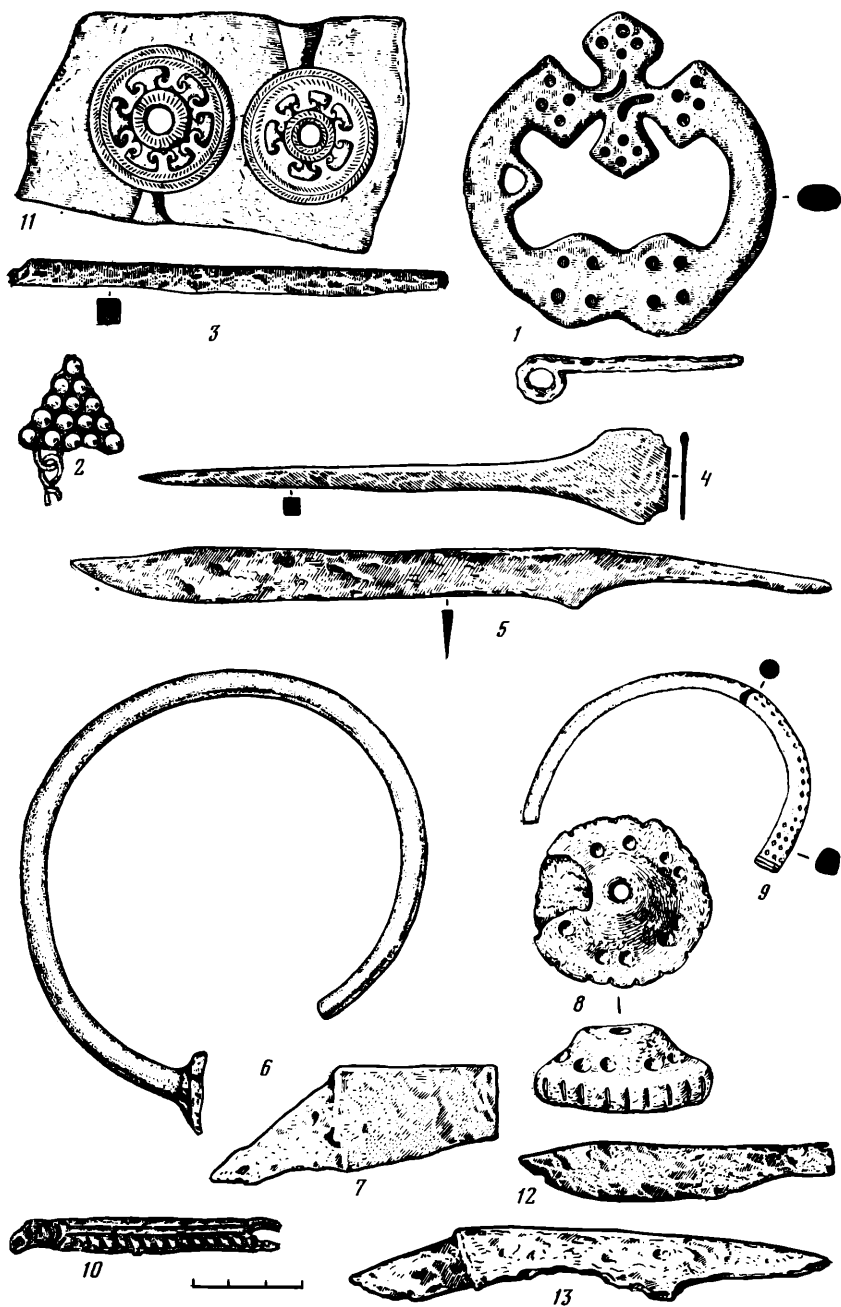


Рис. 2. Находки середины—третьей четверти I тысячелетия н. э. в юго-восточном Прионежье и на р. Сухоне

1—5 — Усть-Царева; 6—8 — Белоозеро; 9 — Надпорожье; 10 — Водоба; 11 — Каргополь; 12, 13 — Никольское III; 1 — серебро; 2, 3, 6, 9, 10 — бронза; 4, 5, 7, 12, 13 — железо; 8 — глина; 11 — камень

ропы в X в. Аналогичные ножи, найденные на Сарском городище, А. Е. Леонтьев выделил в особую группу, указав, что аналогии им известны в верхних слоях дьяковских городищ и датировав наиболее поздние находки концом X—началом XI в.¹¹ Довольно большая серия ножей подобного типа происходит с Березняковского городища¹². Последний металлический предмет — железный стержень с четырехугольным сечением длиной 14 см, один конец которого заострен, а другой раскован и оформлен в виде лопаточки (рис. 2, 5). Аналогичные стержни с лопаточкой

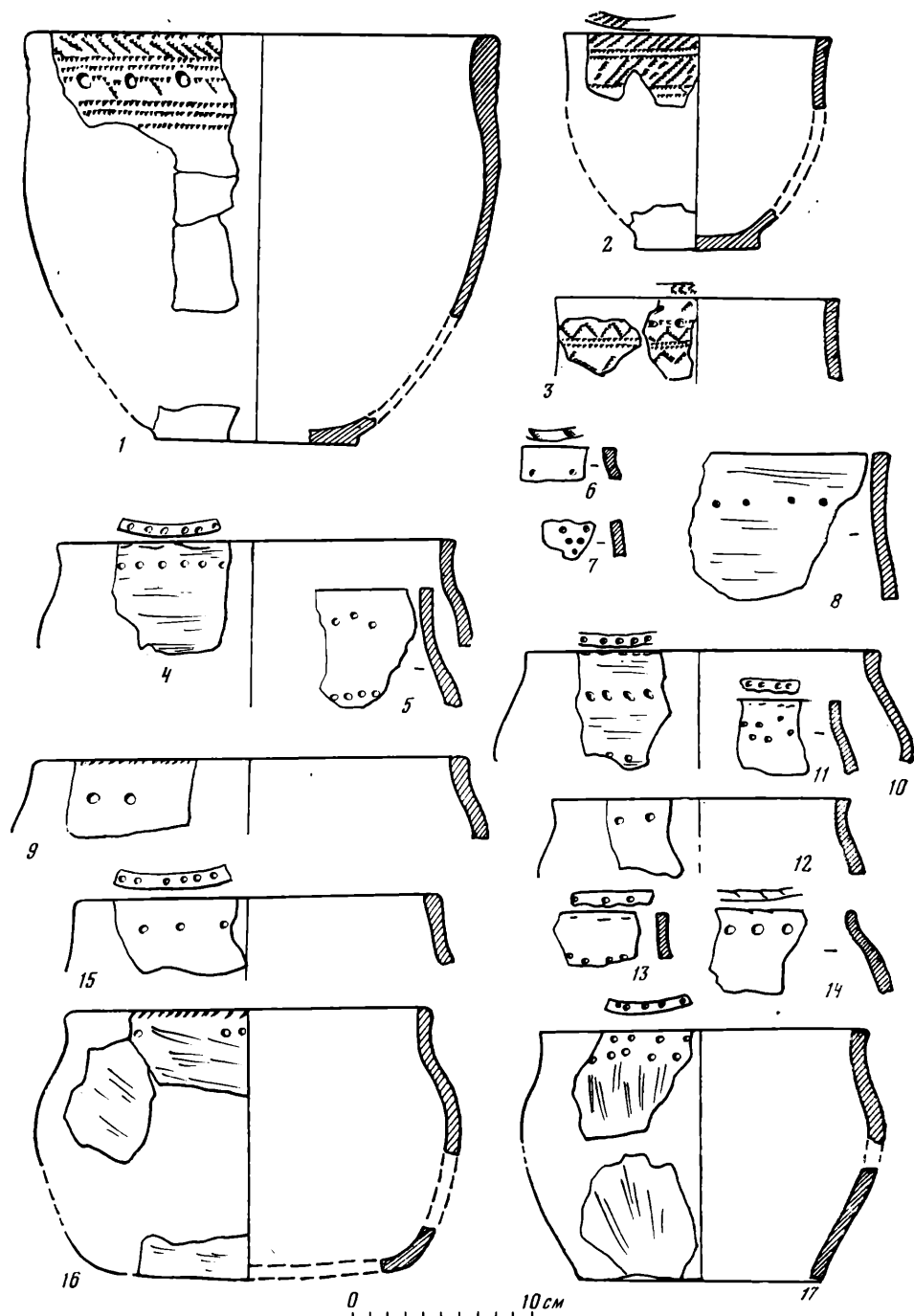


Рис. 3. Керамика середины—третьей четверти I тысячелетия н. э. из юго-восточного Прионежья и бассейна р. Сухоны

1—3 — Никольское III; 4, 5 — Селище; 6—8 — Усть-Царева; 9 — Кубенино; 10—14 — Белоозеро; 15 — Надпорожье; 16 — Гостинный берег; 17 — Клыново

найлены в курганах Приладожья, на поселении Крутик в Белозерье, в муромских и мордовских могильниках. Наиболее ранней следует признать находку с Березняковского городища. Л. А. Голубева полагает, что эти предметы имеют отношение к выплавке цветных металлов, поскольку их часто находят вместе с тиглями, льячками и шлаками¹³, но на Усть-Царевском поселении подобные находки отсутствуют. Металлические

предметы из Усть-Царевы могут рассматриваться как хронологически единый комплекс. Период, в течение которого эти вещи могли сосуществовать, ограничивается серединой—3-й четвертью I тысячелетия.

Помимо металлических предметов в составе коллекции содержится около 40 фрагментов керамики, поверхность которых покрыта расчесами или штриховкой или носит следы небрежного заглаживания. Толщина черепка 0,4—0,7 см, тесто рыхлое, с примесью крупных зерен дресвы, которые иногда выступают на поверхность. Слабая, неглубокая штриховка покрывала поверхность сосудов не полностью, наиболее отчетливо она прослеживается на придонных частях. Примерно половина фрагментов принадлежит венчикам сосудов, украшенных ямочными вдавлениями (рис. 3, 6—8). Вдавления располагаются на срезе венчика, шейке и плечике сосудов, образуя одинарный или двойной горизонтальный пояс или фигуры в виде треугольников. О форме сосудов судить трудно, ясно лишь, что они имели слабопрофилированную верхнюю часть с пологим плечиком и плоское дно. Эта керамика относится к тому же комплексу, что и металлические предметы. Из раскопок А. Н. Черницына происходят также 20 фрагментов керамики с сетчатой поверхностью и кремневые отщепы, принадлежащие, вероятно, ко второму, более раннему комплексу. Чтобы выяснить вопрос о соотношении штрихованной и сетчатой керамики в культурном слое, мы заложили шурф на сохранившемся участке поселения. В шурфе была встречена лишь керамика со штрихованной и небрежно заглаженной поверхностью. Основная часть поселения с наиболее мощным и насыщенным культурным слоем, примыкавшая к берегам Сухоны и Царевы, в настоящее время полностью разрушена¹⁴.

Керамика, сходная с усть-царевской, найдена вместе с металлическими вещами середины I тысячелетия н. э. и еще на одном памятнике в Белоозере. Материалы этого периода обнаружены преимущественно в нижнем слое раскопок южной группы (раскопы 33, 37, 39, 40). Л. А. Голубева указала наиболее важные датирующие предметы, происходящие из этого комплекса: нож с горбатой спинкой, имеющей уступ в средней части, массивную кольцевидную фибулу с прилитыми усиками, конусообразную привеску с треугольными прорезями¹⁵ (рис. 3, 6, 7). К этому перечню можно добавить грузик дьякова типа — случайную находку, хранящуюся в фондах Белозерского музея (рис. 3, 8). Ножи с горбатой спинкой датируются временем не позднее V в.¹⁶ Грузик усеченно-конической формы с плоским основанием и слабо выраженным перехватом в середине может быть отнесен к типу 2, по классификации К. А. Смирнова, и датирован в пределах II—V вв.¹⁷ Время бытования конических беспетельчатых привесок с треугольными прорезями И. Г. Розенфельдт ограничивает V—VI вв.¹⁸ Фибулы с усиками, длина которых не превышает $\frac{1}{3}$ диаметра кольца, относятся, по В. М. Вихляеву, к VI—VII вв., а по И. Г. Розенфельдт, к VII в.¹⁹ Таким образом, время существования этих предметов падает на середину I тысячелетия и комплекс может быть датирован V—VI вв.

Основную массу керамики, которую Л. А. Голубева охарактеризовала как «позднекаргопольскую», составляют фрагменты сосудов, поверхность которых покрыта легкой неглубокой штриховкой или носит следы грубого заглаживания. Помимо характера обработки поверхности, она отличается от лепной керамики X—XII вв. более рыхлым тестом и своеобразным орнаментом (рис. 3, 10—14). Сосуды украшены ямочными вдавлениями по краю венчика, плечико или шейке. На плечике и шейке вдавления располагаются в виде одинарного или двойного пояса, иногда с разрывами. По краю венчика сосуды, помимо ямок, орнаментировались глубокими насечками. Большинство сосудов имело прямой венчик с горизонтально срезанным краем и пологое, низкое плечико, лишь у двух сосудов плечико было выпуклым. Дно сосудов было плоским.

Упомянем еще два пункта, где можно предполагать совместную встречаемость штрихованной керамики и металлических вещей середины I тысячелетия н. э. В фондах ГИМ хранятся фрагменты штрихованной

керамики, принадлежащие слабопрофилированному сосуду с глубокими ямочными вдавлениями на шейке (рис. 3, 15), собранные М. Е. Фосс в верховьях Онеги на левом ее берегу у д. Надпорожье²⁰. Оттуда же происходит и другая случайная находка, хранящаяся в Каргопольском краеведческом музее, — обломки бронзового браслета с расширяющимися концами (рис. 2, 9)²¹. Скорее всего и керамика, и браслет происходят из культурного слоя разрушенного поселения, остатки которого были зафиксированы нами в 1978 г. недалеко от впадения в Онегу ручья Студенец²². Браслет изготовлен из массивного дрота, полукруглого в сечении, сохранившийся конец его орнаментирован тремя поперечными линиями и шестью рядами мелких ромбических вдавлений. Большинство подобных браслетов, найденных в Прибалтике, Финляндии и Волго-Камском районе, происходят из комплексов середины — 3-й четверти I тысячелетия н. э.²³ И. Г. Розенфельдт справедливо датировала наиболее поздние находки IX—X вв.²⁴, однако стоит отметить, что в сводке браслетов IX—XII вв., происходящих с территории Финляндии, подобные браслеты отсутствуют²⁵. Браслет из Надпорожья по орнаменту более всего напоминает образцы из Эстонии и Финляндии и вслед за ними может быть датирован серединой — 3-й четвертью I тысячелетия н. э.

Поселение Водоба II находится в приустьевой части р. Водобы, впадающей в Белое озеро с севера. Во время раскопок поселения в 1956—1957 гг. был исследован участок площадью около 120 кв. м с перемешанным культурным слоем, содержащим керамику эпохи неолита, бронзы и железного века. Среди материалов типологически выделен поздний комплекс, к которому автор раскопок И. К. Цветкова отнесла фрагменты плоскодонных сосудов, поверхность которых покрыта штриховкой. К этому же комплексу была отнесена плоская бронзовая фигурка, изображающая какое-то существо с вытянутым туловищем, возможно, рыбу (рис. 2, 10). Фигурка имеет удлиненную, опущенную вниз голову с хищной пастью и глазом в виде кружка и раздвоенный хвост, вдоль туловища проходят две длинные черты, изображающие позвоночник, а поперек — ряд коротких линий, изображающих ребра. И. К. Цветкова привела данные анализа, свидетельствующие о том, что фигурка изготовлена из уральского металла, и справедливо указала на принадлежность ее к кругу приуральских культовых изображений, однако сочла возможным датировать поздний комплекс поселения, а вместе с тем и бронзовую фигурку, временем не позднее конца II тысячелетия до н. э.²⁶ Это плохо согласуется с общей датировкой приуральского культового литья, большинство образцов которого относится к I тысячелетию н. э. Изображения рыб, найденные у д. Скрипуново в бывш. Пермской губ., которые И. К. Цветкова рассматривала как наиболее близкие аналогии фигурке из Водобы, В. Н. Чернецов относил к VI—IX вв.²⁷, а фигурки из Лозьвинского клада, изображающие бобров, этот же исследователь отнес к усть-полуйскому времени (IV в. до н. э.—I—II вв. н. э.)²⁸. Фигурка из Водобы, занимающая по своим стилистическим особенностям промежуточное положение между двумя этими группами изображений, может быть условно датирована в рамках 1-й половины — середины I тысячелетия н. э.

Совместная встречаемость фрагментов сосудов с поверхностью, открытой легкой штриховкой и орнаментом в виде ямочных вдавлений, с вещами середины—3-й четверти I тысячелетия н. э. позволяет датировать этим или близким временем аналогичную керамику, обнаруженную на ряде памятников Юго-Восточного Прионежья. Она найдена на озере Лача (Кубенино)²⁹ (рис. 3, 9), на двух поселениях на р. Модлоне, впадающей в оз. Воже (Селище, Гостинный берег) (рис. 3, 4, 5, 16)³⁰, в двух пунктах в верхнем течении Сухоны (Двинаца, Клыжово) (рис. 3, 17)³¹, в Северном Белозерье, на оз. Дружинском (Егорьевка) и в верховьях Шексны (Волохово)³². Количество фрагментов, происходящих из каждого из этих пунктов, в том числе и из тех, которые подвергались раскопкам, не превышает двух-трех десятков. Штриховка на поверхности черепка легкая, неглубокая, на некоторых фрагментах она мало заметна.

На фрагментах венчика и шейки она, как правило, горизонтальная, а в придонной части вертикальная. Ямочный орнамент украшает чаще всего шейку сосуда и срез венчика, последний орнаментировался также гребенчатым штампом. В ряде случаев фрагменты дают возможность судить о форме сосудов. Так, в шурфе, заложенном А. Я. Брюсовым на поселении Гостинный берег, найдено около 30 фрагментов приземистого широкодонного горшка с низким плечиком и почти прямым венчиком. Максимальное расширение приходится на третью четверть высоты сосуда, считая снизу. Днище сосуда плоское, однако переход от стенки к днищу лишен уступа-ребра. Сосуд изготовлен из рыхлого теста с крупными зернами дресвы. Край венчика украшен глубокими вдавлениями, напоминающими насечки, на шейке сосуда располагается поясok из круглых ямок, сгруппированных по две. Несколько крупных фрагментов подобных же сосудов обнаружено А. Я. Брюсовым на стоянке Селище. Один из них (рис. 3, 5) имел низкое пологое плечико и прямой венчик, ямочные вдавления образовывали два пояса на его шейке и плечике. Плечико другого сосуда более выпуклое, форма его была, по-видимому, ближе к баночной, на край венчика и шейку сосуда были нанесены ямочные вдавления (рис. 3, 4). На поселении Клыжово найден развал сосуда, представлявшего собой приземистый широкодонный горшок с пологим плечиком и слабо выделенной шейкой. Максимальное расширение также приходилось на третью четверть высоты. На поверхности сосуда хорошо заметна небрежная вертикальная штриховка. Ямочные вдавления располагались в области шейки сосуда, несмотря на хаотичность их расположения, орнамент напоминает двухрядный поясok. Ямками был орнаментирован и край венчика.

Еще одна интересная находка, относящаяся к рассматриваемому периоду, — каменная литейная формочка, обнаруженная в Каргополе при земляных работах и хранящаяся в Каргопольском краеведческом музее (рис. 2, 11). Формочка предназначена для отливки двух круглых блях диаметром 3,6 и 3,9 см, каждая из которых состояла из двух ложноплетеных плоских колец, соединенных волутами. Подобные украшения имели широкое распространение в древностях финно-угорских племен Среднего Поволжья и Волго-Окского района, они найдены в Кошибеевском, Борковском, Младшем Ахмыловском, Холуйском и Безводнинском могильниках³³. Подобная бляха встречена на Березняковском городище, сходное украшение, несколько отличающееся от остальных блях по числу и способу соединения колец, происходит с поселения у д. Городище на Шексне под Череповцом³⁴. Диаметр большинства блях значительно превышает размеры украшений, отливавшихся в каргопольской формочке, исключение представляет пряжка из Березняков, имеющая небольшие размеры. Внешний край блях оформлялся обычно в виде ободка из маленьких плоских дисков, но на каргопольской формочке углубления для их отливки отсутствуют, что указывает на то, что эти диски отливались отдельно и напавались на бляху. Большинство подобных украшений происходит из комплексов, датирующихся V—VII вв.³⁵, эта дата может быть принята и для каргопольской литейной формочки.

Среди памятников I тысячелетия н. э. особое место занимает могильник с погребениями по обряду трупосожжения, остатки которого были обнаружены нами на р. Кеме в Северном Белозерье. При исследовании курганной группы Никольское III, относящейся к XI в., в кургане 15 было встречено два скопления кальцинированных костей. Одно из них находилось у края насыпи, причем часть костей залегала в слое гумусированного подзола непосредственно под дерном за пределами насыпи, а другая часть — на уровне древнего горизонта в слое подзола, перекрытом полой насыпью. Всего собрано около 100 г кальцинированных костей, здесь же был найден железный нож с уступом на горбатой спинке. Длина ножа 13 см, лезвие его сильно сработано (рис. 2, 12). Второе скопление костей было полностью перекрыто насыпью, оно находилось в углублении, круглом в плане, диаметр которого составлял 1,5 м. Углубление было вре-

зано в древнюю поверхность на 0,32 м и заполнено золой, угольками и кальцинированными костями (около 100 г). Единственная находка — железный нож с прямой спинкой длиной 8 см. По определению Г. П. Романовой, кальцинированные кости из обоих скоплений принадлежат человеку³⁶. Вероятно, к этому же могильнику относилось трупосожжение, открытое М. Е. Арсаковой в 1927 г. во время первых раскопок Кемских курганов. Кальцинированные кости были встречены в кургане 1 на уровне древнего горизонта³⁷, кости сохранились в фондах Череповецкого музея и определены Г. П. Романовой как человеческие.

Рядом с курганом 15 располагался курган 14, под насыпью которого на уровне древнего горизонта был расчищен круглый в плане очажок диаметром около 1 м, сложенный из растрескавшихся камней, между которыми собраны черепки, принадлежавшие трем сосудам (рис. 3, 1, 2, 3). Два сосуда частично поддаются реконструкции: они имели плоское узкое дно, широкое устье, раздутое тулово и слабопрофилированную верхнюю часть. Максимальный диаметр сосудов несколько превышал их высоту. Сосуды были изготовлены из плотного теста с примесью песка, поверхность фрагментов, происходящих от придонных частей, покрыта легкой, почти не заметной штриховкой, но поверхность остальных фрагментов гладкая, хорошо заглаженная. Ямочные вдавления и оттиски гребенчатого штампа образовывали композицию в виде широкой ленты, опоясывавшей верхнюю часть сосудов. Ямки, оттиски гребенчатого штампа, поставленные наклонно, и зигзагообразные линии были заключены между несколькими рядами горизонтальных линий, оттиснутых гребенчатым штампом. Отпечатки таких же штампов, поставленные наклонно, украшали венчики сосудов, этими же отпечатками было орнаментировано и дно одного из сосудов с внутренней стороны. Поскольку погребения и очажок с керамикой перекрыты насыпями разных курганов, синхронности их формально не может считаться доказанной. В пользу их одновременности свидетельствует, однако, близость обеих насыпей и отсутствие подобных комплексов под насыпями курганов, раскопанных в других частях могильника. Возможно, что очажок был предназначен для совершения каких-то поминальных обрядов, но, вероятнее всего, он принадлежал небольшому временному поселению, рядом с которым и были совершены погребения. Точная датировка обоих объектов затруднительна. Существование двух типов ножей, найденных в погребениях, наиболее вероятно для середины I тысячелетия н. э. Сосуды, близкие по форме и орнаментике, происходят из Карелии, где они датируются I—III вв. н. э. или несколько более ранним временем³⁸, и из Финляндии, где они относятся к поздне римскому времени³⁹.

Предлагая для могильника широкие хронологические рамки I половины—середины I тысячелетия н. э., следует учитывать, что скорее всего он относится к концу этого периода. Погребения этой эпохи остаются почти неизвестными не только в Юго-Восточном Прионежье, но и во многих сопредельных областях лесной полосы Восточной Европы. Могильник сохранился лишь благодаря тому, что оказался перекрыт насыпями позднейших курганов. Открытие могильника дает новые свидетельства того, что обряд погребения, при котором сожженные кости помещались непосредственно на поверхности земли или в неглубоких ямах, получил в лесной полосе Восточной Европы в I тысячелетии н. э. широкое распространение.

Небольшой объем материала позволяет сделать лишь несколько общих замечаний о культуре населения рассматриваемого региона в середине—3-й четверти I тысячелетия н. э. Во-первых, можно считать установленным, что в этот период здесь отсутствуют как городища, так и большие грунтовые могильники с погребениями в глубоких ямах, подобные могильникам Волго-Камья. Поселения этого периода представляют собой небольшие открытые селища, топография которых часто совпадает с топографией памятников XI—XII вв. Большинство рассмотренных комплексов едино в культурном отношении, наиболее отчетливо это единство прояв-

ляется в керамике, для которой характерна поверхность, покрытая легкой штриховкой и ямочный орнамент на шейке и плечиках сосудов. Несколько особняком стоят лишь сосуды из Никольского III, это обстоятельство может объясняться как некоторыми культурными различиями, так и несколько более ранней датой этого комплекса. Если для некоторых типов вещей, найденных в Юго-Восточном Прионежье, таких, как бантовидные накладки, конические привески с прорезями, кольцевидные фибулы с усиками, можно вслед за Л. А. Голубевой привести многочисленные параллели в позднедьяковских материалах, то штрихованная керамика имеет мало общего с керамикой, встреченной в верхнем слое городищ дьякова типа. Она имеет западные аналогии⁴⁰. Это вполне согласуется с известным положением о том, что до появления славян Юго-Восточное Прионежье было заселено племенами прибалтийско-финского происхождения.

Большой интерес представляет вопрос о культурном соотношении памятников середины—3-й четверти I тысячелетия н. э. и последующего периода — рубежа I—II тысячелетий и первых веков II тысячелетия н. э. Прежде всего стоит отметить, что поселения, существовавшие непрерывно с середины I тысячелетия н. э. до начала II тысячелетия н. э. неизвестны, хотя случаи топографического совпадения памятников двух периодов могут быть указаны. Неизвестны пока на Севере и грунтовые могильники, содержащие погребения 2-й половины I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э. Непосредственного восхождения памятников начала II тысячелетия, в культуре которых явно выражены финно-угорские черты, к местным памятникам более раннего периода на Севере пока не прослежено. Однако широкодонные горшки с низким пологим плечиком и сосуды, форма которых напоминает баночную, имеют многочисленные аналогии среди керамики X—XI вв., происходящей из Юго-Восточного Прионежья, Приладожья и юго-западных районов Белозерья, из чего можно заключить, что элементы местной культуры явились одним из слагаемых при формировании культуры Юго-Восточного Прионежья в X—XI вв.

¹ *Ошибкина С. В.* Племена Восточного Прионежья в эпоху раннего металла. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966, с. 20; *Она же.* Краткая характеристика позднекаргопольской культуры. — КСИА, 1975, вып. 142, с. 24.

² *Косменко М. Г.* Комплексы эпохи железа и раннего средневековья на многослойном поселении Муромское VII. — В кн.: Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск, 1982, с. 82.

³ *Голубева Л. А.* К проблеме этногенеза веси. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 142—147.

⁴ *Черницын А. Н.* Раскопки в Тотемском у. Вологодской губ. в 1923 г. — Архив ЛОИА, ф. 2, 1928, № 127, л. 8—26; *Он же.* Отчет о раскопках на Усть-царевской стоянке. — Архив ЛОИА, ф. 2, 1929, № 143, л. 1—5; *Он же.* Кудринский финский могильник. — Архив ЛОИА, ф. 2, 1930, л. 16—19.

⁵ *Корзухина Г. Ф.* Предметы с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. — САИ, 1978, вып. E1—43, с. 30, 56.

⁶ *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982, с. 116.

⁷ *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родо-

вого строя на Северо-Востоке Эстонии. Таллин, 1955, с. 101, 102.

⁸ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finlands. Helsinki, 1973, s. 35, taf. 17, 136.

⁹ *Розенфельдт И. Г.* Древности ..., с. 117.

¹⁰ *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники..., с. 105—107; *Kivikoski E.* Die Eisenzeit..., s. 35.

¹¹ *Леонтьев А. Е.* Классификация ножей Сарского городища. — СА, 1976, № 2, с. 34, 39—41.

¹² Эрмитаж, ОИПК, № 1403/127, 259, 312, 326, 346.

¹³ *Голубева Л. А.* Женщины-литейщицы: Докл. на заседании сектора славяно-русской археологии 6 мая 1982 г.

¹⁴ *Макаров Н. А.* Отчет о разведках и раскопках в Архангельской и Вологодской областях в 1982 г. — Архив ИА АН СССР, л. 13.

¹⁵ *Голубева Л. А.* Веси и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 71, 75; *Она же.* К проблеме этногенеза..., с. 145, 146.

¹⁶ *Смирнов К. А.* Дьяковская культура. — В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 38.

¹⁷ *Смирнов К. А.* К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища. — В кн.: Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971, с. 96.

- ¹⁸ Розенфельдт И. Г. Древности ... с. 19, 22.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ ГИМ, инв. № 76711.
- ²¹ Обломки браслета поступили в музей в 1979 г. от В. В. Шевелева. Сохранились сведения о находке в этом же месте двух погребений, каменных орудий, керамики и монет, сделанной в 1920-е годы при строительстве мельницы (Сергиевский Г. П. Экскурсия на Студенец. — Север, 1927, № 2 (6), с. 179—180).
- ²² Ошибкина С. В. Отчет о работе Северной экспедиции в 1978 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, л. 41.
- ²³ Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 chr. Tartu, 1929, S. 430—436; Kivikoski E. Die eisenzeit. . ., S. 21—22, 69, taf. 4, 26, taf. 90, 459.
- ²⁴ Розенфельдт И. Г. Древности. . ., с. 85.
- ²⁵ Korkeakoski-Väisänen K. Manner-suomen viikinki — ja ristire tkiasan ranpenenkaat ja Niiden ornamenttiika. — Karhunhammas. Turku, 1981, vol. 5.
- ²⁶ Цветкова И. К. Неолитические поселения в районе Белого озера. — В кн.: Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961, с. 67—70.
- ²⁷ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. — МИА, 1957, N 53, с. 202, 203, т. XXIX, 11—14.
- ²⁸ Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени. — МИА, 1953, N 35, с. 161—162, 177, табл. XVI, 6, 7, табл. XVIII, 6.
- ²⁹ Керамика из раскопок, произведенных в 1940 г. В. И. Смирновым, хранится в Архангельском областном краеведческом музее (коллекция КБ, № 7064). Материалы раскопок А. Я. Брюсова хранятся в ГИМ (инв. 76711, оп. 134, № 527).
- ³⁰ ГИМ, инв. № 76711, оп. 1435, № 35, инв. № 86471, оп. 1047, № 458.
- ³¹ Ошибкина С. В. Отчет о работе. . ., л. 53; Макаров Н. А. Отчет о разведках. . ., л. 12.
- ³² Макаров Н. А. Отчет о разведках в Архангельской и Вологодской областях в 1980 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, № 7956, л. 10, 12.
- ³³ Древности бассейнов рек Оки и Камы. — МАР. СПб., 1901, 25, табл. IX, 27, табл. XV, 4; Архипов Г. А. Происхождение марийского народа по археологическим данным. — В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967, рис. 8, 6; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, N 94, с. 122, 123, рис. 57, 9; Краснов Ю. А. Безводнинский могильник, 1980, с. 54, 55, рис. 23, 3, с. 207, рис. 36, 1, 2.
- ³⁴ Череповецкий краеведческий музей, коллекция № 2395/94.
- ³⁵ Горюнова Е. И. Этническая история. . ., с. 68; Краснов Ю. А. Безводнинский могильник. . ., с. 93—108.
- ³⁶ Макаров Н. А. Отчет о разведках и раскопках в Вологодской области в 1981 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, № 8153, л. 39—41.
- ³⁷ Арсакова М. Е. Дневник раскопок курганов Кемской группы Кемского района Череповецкого округа в 1927 г. — Архив Череповецкого краеведческого музея, л. 1.
- ³⁸ Косменко М. Г. Комплексы эпохи железа. . ., с. 75, рис. 4, 1; Он же. Многослойное поселение Кудоба XI на Сямозере. — В кн.: Новые археологические памятники Харелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980, с. 128, рис. 9, 17.
- ³⁹ Kivikoski E. Die Eisenzeit. . ., taf., 23, 195.
- ⁴⁰ Орлов С. Н. Памятники эпохи раннего железного века и средневековья в долине р. Волхова. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху средневековья. Л., 1982, с. 95—98; Jaanits L., Laul S., Lougas V., Tonisson E. Eesti esiajalugu. Tallin, 1982, lk. 173, 194, 235; Salo U. Frühromische Zeit in Finnland. — SMYA, 1968, vol. 67, S. 175—178, taf. 9, 8, 9; 17, 5, 19; 41, 9.

А. В. КВЯТКОВСКАЯ

КАМЕННЫЕ МОГИЛЬНИКИ БЕЛОРУССКОГО ПОНЕМАНЫ

Изучение каменных могильников на территории белорусского Понеманья началось в конце XIX в. Работами В. А. Щукевича и Э. А. Вольтера на протяжении 1884—1894 гг. в десяти могильниках вскрыто 185 погребений¹. Исследователи отмечали различия в конструкциях каменных надмогильных кладок, в погребальном обряде и инвентаре. Был сделан вывод о наличии двух типов погребений. Однако последовательного разграничения памятников на каменные курганы и могилы все же проведено не было. Вещевой инвентарь из исследованных могильников большей частью безвозвратно утерян².

В 30-х годах единичные погребения изучались в каменных могильниках у деревень Путилковичи (Докшицкий р-н, Витебская обл.), Домжа-

рицы и Халхолица (Борисовский р-н, Минская обл.), во время разведочных работ по рекам Вилии и Березине А. Д. Коваленей³.

В 1936 г. на могильнике, состоящем из курганов и каменных могил у д. Подрось Волковысского р-на Гродненской обл., Я. Фитцке вскрыты шесть могил. В 1962 г. эти материалы опубликовала Д. Ясканис⁴.

В 1955 г. Ф. Д. Гуревич раскопала одно из погребений каменного могильника у д. Клепачи (оз. Бездонное) Слонимского р-на Гродненской обл.⁵ В 1962 г. в каменном могильнике у д. Дедиловичи (Борисовский р-н, Минская обл.) В. Н. Рябцевичем раскопаны три погребения⁶.

При составлении археологической карты каменных могильников Понеманье мною использованы сведения из работ Э. А. Вольтера⁷ и В. А. Щукевича⁸, археологических карт Ф. В. Покровского⁹ и Г. В. Штыхова¹⁰, материалы разведочных работ автора 1981 и 1982 гг.¹¹ В 1982—1983 гг. проведено анкетирование сельских советов Гродненской обл., в пределах которой в основном распространены рассматриваемые памятники. В результате удалось учесть сведения не менее чем о 89 могильниках рассматриваемого типа (рис. 1).

Ареал распространения каменных могильников в Белорусском Понеманье очерчивается следующим образом: на севере граница его проходит по р. Вилии и ее притокам Нарочи и Илии; на востоке отдельные памятники известны на р. Березине и ее притоке Схе; юго-восточная граница проходит по верховьям притоков Немана—Сервечи, Шаре, и ее притоке Гривде; на юго-западе отдельные памятники известны по рекам Мухавец и Лесная; на западе каменные могильники зафиксированы в верховьях р. Свислочь (левый приток Немана) и далее распространяются в пределы Польши; на северо-западе единичные памятники выходят на территорию Литовской ССР, а в основном расположены вдоль правых притоков Немана—Котры, Дитвы, Жижмы, Гавьи и в верхнем течении р. Ошмянки—правому притоку Вилии.

На очерченной территории каменные могильники располагаются неравномерно, а группами. В первую группу можно выделить памятники на правобережье Немана (до р. Березины), где известно до 34 могильников.

Вторая группа находится на левобережье Немана и его притоках (40 могильников). В этой группе, как и в первой, отмечено неравномерное расположение памятников. Незначительное количество памятников известно вдоль р. Вилии и на Березине. Здесь отмечены единичные могильники или группирующиеся по два-три. Выделенные территориальные группы памятников различаются между собой конструктивными особенностями надмогильных каменных кладок, погребальным инвентарем и хронологией. Неодинакова также и степень их изученности.

Для могильников выбирались места на возвышенностях, чаще всего с песчаным грунтом. В среднем они насчитывают до 60—80 погребений. Известны лишь два могильника (Клепачи и Кукли), где количество погребений достигает 150—180. Могилы располагаются чаще всего рядами и тянутся в направлении север—юг. Как было установлено в ходе раскопок на могильнике у д. Клепачи, более древние погребения располагались в центре кладбища. На могильнике у д. Миневщина Волковысского р-на Гродненской обл. на больших камнях, стоящих в голове погребений, имеются изображения в виде крестов разнообразной формы, нескольких кругов, расположенных один над другим и заключенным в них крестом. Здесь же обнаружен каменный идол. На могильнике у д. Клепачи только на одном камне, стоящем в голове погребения, отмечен крест. На могильнике у д. Лозы на камнях имеются трудноопределяемые надписи.

Устройство могильных ям (за исключением формы) на протяжении всего периода существования каменных могильников оставалось неизменным. Поэтому при выделении типов и вариантов могил учитывался основной признак — форма каменной кладки над погребением. Для определения хронологических рамок того или иного типа каменных могил привлекались данные об особенностях погребального обряда (наличие и

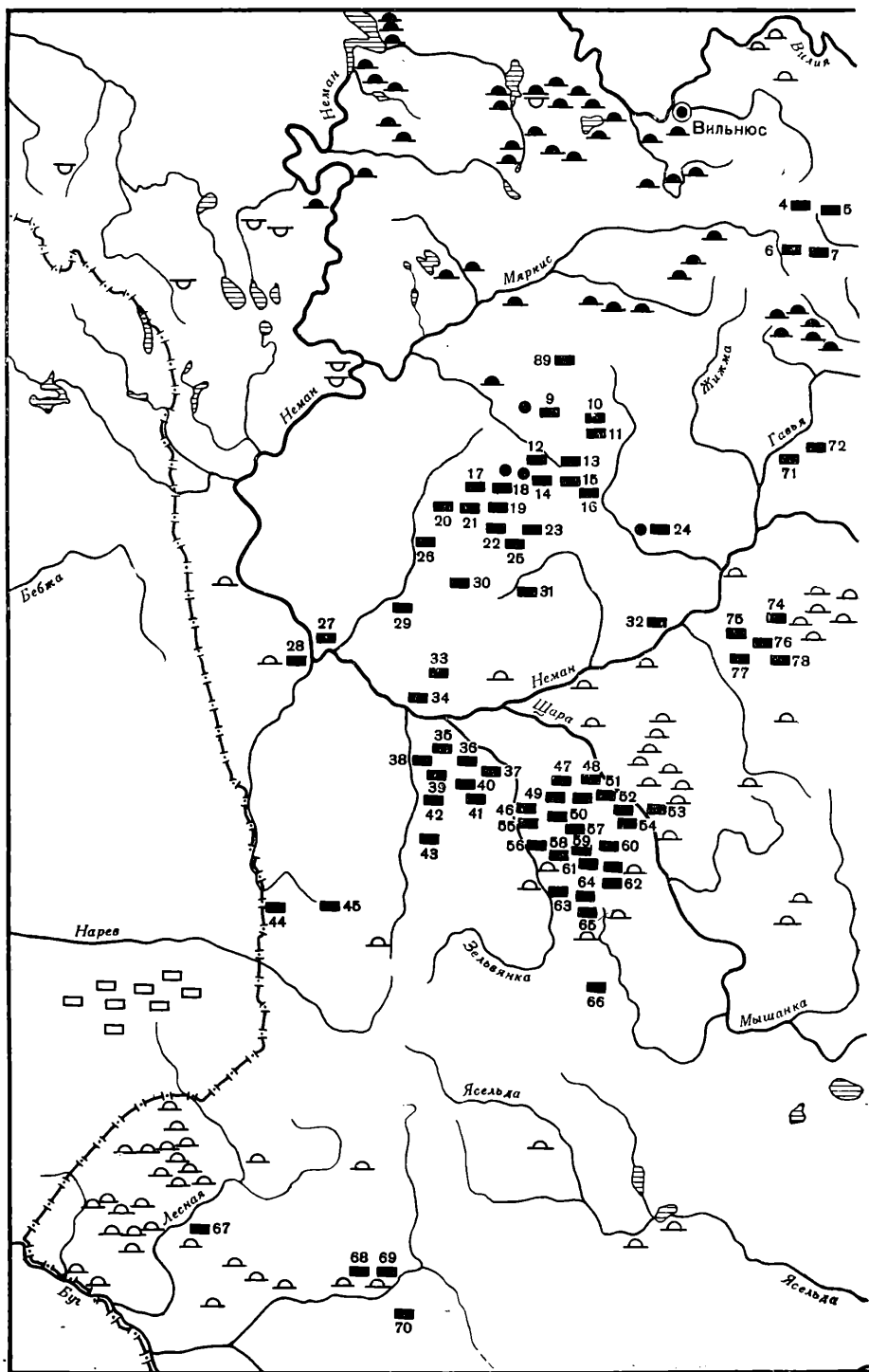
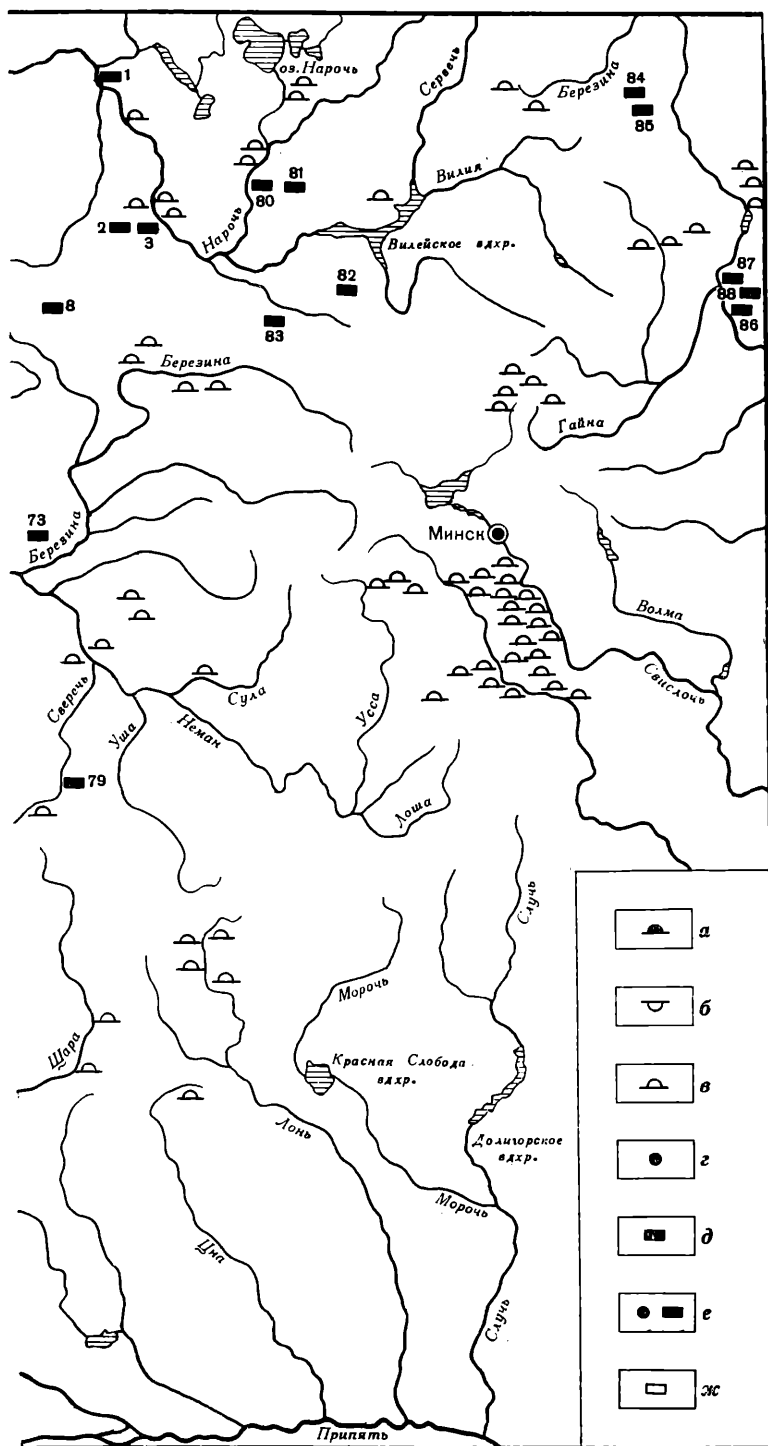


Рис. 1. Карта распространения каменных могильников в Белорусском Полесье

- a* — восточнолитовские курганы;
- б* — ятвяжские курганы;
- в* — дреговичские курганы;
- г* — каменные курганы;
- д* — каменные могильники;
- е* — каменные курганы и каменные могилы;

- ж* — каменные могильники Подляшья;
- 1 — Нестанишки;
- 2 — Олешинки;
- 3 — Большая Мысса;
- 4 — Курганы;
- 5 — Дукели;
- 6 — Гордиевцы;

- 7 — Жодовка;
- 8 — Маркиняты;
- 9 — Цузели;
- 10 — Соболюнцы;
- 11 — Пашковичи;
- 12 — Штэвенцы;
- 13 — Апоновцы;
- 14 — Дворчань;



- 15 — Козляны;
- 16 — Кукли;
- 17 — Довбенъки;
- 18 — Вензовщина;
- 19 — Первомайская;
- 20 — Веребъи;
- 21 — Угольничи;
- 22 — Зеняпиши;
- 23 — Сырни;
- 24 — Косовщина;

- 25 — Кляшняни;
- 26 — Кульбачино;
- 27 — Коматово;
- 28 — Колпаки;
- 29 — Монтуны;
- 30 — Лешанка;
- 31 — Корсаки;
- 32 — Збляны;
- 33 — Острино;
- 34 — Новоселки;

- 35 — Дыхновичи;
- 36 — Даниловцы;
- 37 — Лозы;
- 38 — Новоселки;
- 39 — Подрось;
- 40 — Миневщина;
- 41 — Мачулино;
- 42 — Оранцы;
- 43 — Хотьковцы;
- 44 — Ятвек;
- 45 — Великая Свентица;
- 46 — Деркачи;
- 47 — Климовичи;
- 48 — Старое Село;
- 49 — Гольнка;
- 50 — Снежная;
- 51 — Пустоборы;
- 52 — Куцейки;
- 53 — Ягнешичи;
- 54 — Шуляки;
- 55 — Клепачи;
- 56 — Шейки;
- 57 — Ростевичи;
- 58 — Кошели;
- 59 — Ивашковичи;
- 60 — Збочно;
- 61 — Клепачи;
- 62 — Юхновичи;
- 63 — Рудавка;
- 64 — Малая Крокотка;
- 65 — Лопухово;
- 66 — Коссово;
- 67 — Гурки;
- 68 — Зосимы;
- 69 — Закросница;
- 70 — Киселевцы;
- 71 — Дульки;
- 72 — Сеньковичи;
- 73 — Купровичи;
- 74 — Каменка;
- 75 — Зорой;
- 76 — Зорой;
- 77 — Корица II;
- 78 — Кузьмичи;
- 79 — Ольшаны;
- 80 — Иже;
- 81 — Касуты;
- 82 — Латыголь;
- 83 — Илья;
- 84 — Путилковичи;
- 85 — Волча;
- 86 — Дедиловичи;
- 87 — Домжарицы;
- 88 — Халханица;
- 89 — Коная

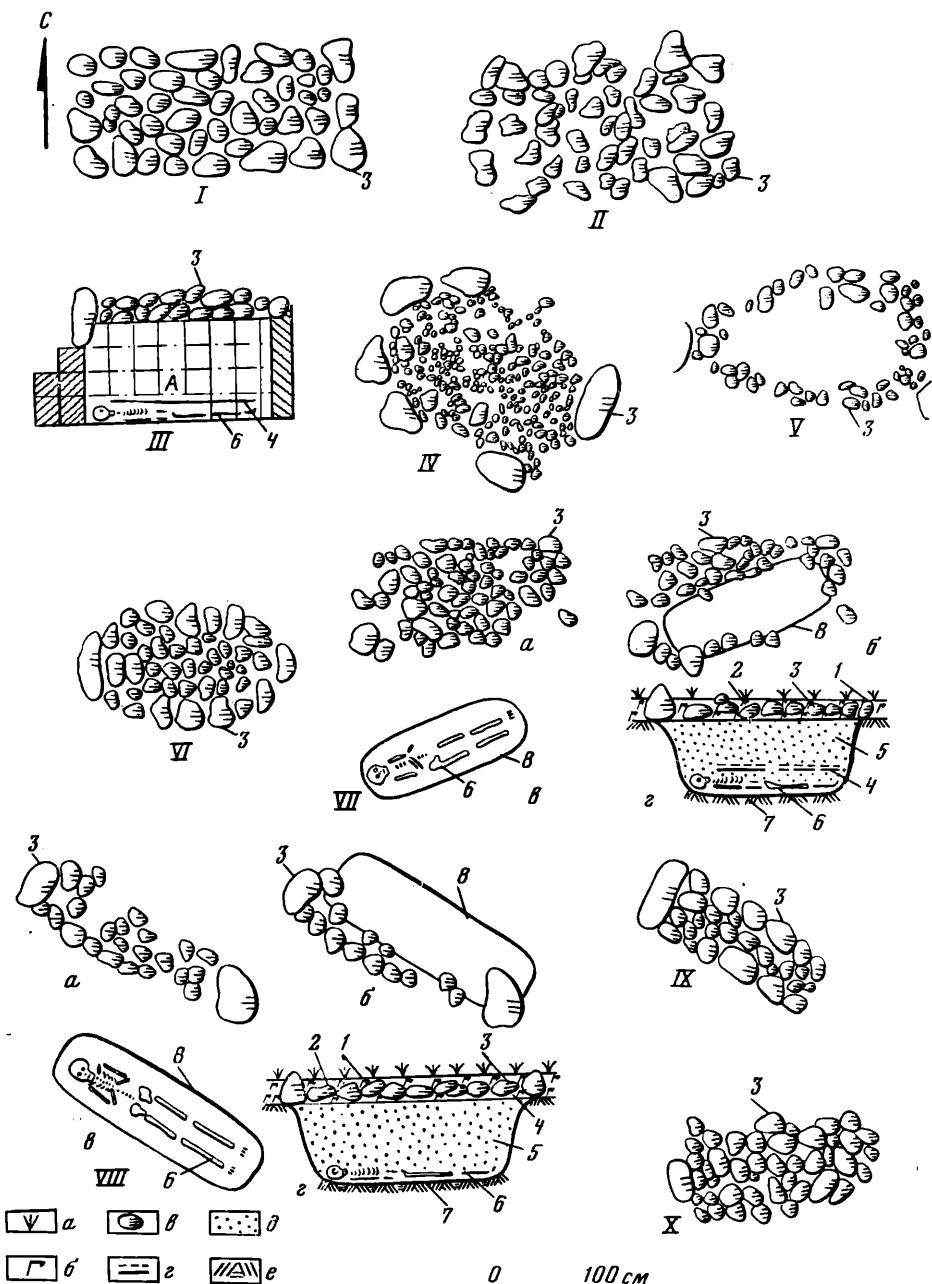


Рис. 2. Типология каменных могил

a — дери; *b* — гумус; *c* — камни; *г* — угли; *д* — песок; *e* — материк; 1 — Вензовщина (по Э. А. Вольтеру); II — Апоновцы (по В. А. Шукевичу); III — Дворчаны (профиль, по В. А. Шукевичу); IV; V — Подрось (по Я. Фитцке); VI — Пузели, Дворчаны; Верёбы (по В. А. Шукевичу); VII — Клепачи; VIII—X — Млинещина

мощности угольной прослойки в заполнении могильных ям или отсутствии ее), а также погребальный инвентарь.

Тип I (рис. 2, I, II). Надмогильная кладка прямоугольной формы, выполненная из одного, реже двух слоев камней. По краям она обрамлена камнями чуть больших размеров. Камни вымостки уложены плотно. Размеры кладок на могильнике у д. Вензовщина варьируют в пределах от $4,2 \times 2,4$ м до $2,1 \times 1,2$ м¹²; у д. Дворчаны — от $2 \times 1,5$ м до $1,8 \times 1,15$ м¹³; у д. Апоновцы — $2,6 \times 1,5$ м¹⁴. На могилах у деревень Дворчаны¹⁵ и Вен-

зовщина¹⁶ с западной стороны стоял камень больших размеров. Форма могильной ямы — четырехугольная (рис. 2, III), глубина различна: у д. Вензовщина от 0,9 до 1,6 м; у д. Дворчаны от 1 до 1,3 м; у д. Апоновцы — от 0,6 до 1,3 м. В заполнении могильных ям исследователи отмечали значительные угольные прослойки. Каменные кладки типа I отмечены на могильниках группы 1. Среди могил типа I выделяется группа погребений на горизонте, залегавших непосредственно под камнями кладок (вариант 1а). Каменные кладки этих могил прямоугольной формы, сооружены из одного слоя камней, уложенных весьма плотно (рис. 2, IV, V). Размеры кладок от 2,6×1,7 м до 3,3×1,4 м.

Тип II. Кладки овальной формы. Выполнялись они из одного, реже — двух слоев камней. Границы кладок обозначались камнями чуть большей величины, чем камни вымостки. С западной стороны могил, т. е. в голове погребений, всегда стоял большой камень. Иногда такой же камень, но чуть меньших размеров, стоял и в ногах погребений (рис. 2, VI). Такие кладки отмечены на могильниках у деревень Пузели¹⁷, Дворчаны¹⁸, Веребьи¹⁹. К сожалению, сведения о размерах их известны только для могильника у д. Дворчаны — 2×1,5 м. Глубина могильных ям: у д. Пузели — 0,75—0,85 м, у д. Дворчаны — 1 м, у д. Веребьи — 1—1,2 м. В заполнении могильных ям отмечены угольные прослойки. Кладки этого типа отмечены на могильниках, располагающихся на правобережье Немана, в границах распространения первой группы памятников.

Тип III. Чаще всего эти кладки имеют вид бессистемного нагромождения камней. Как было подмечено на могильниках у д. Клепачи и д. Миневщина, кладки смещены в ту или иную сторону по отношению к могильным ямам (рис. 2, VII б, VIII б). Часты случаи отсутствия могильных ям и соответственно погребений под каменными кладками. Отмеченные черты характерны для могильников левобережья Немана, в границах распространения второй группы памятников. Как было установлено в ходе исследований на могильнике у д. Клепачи, надмогильные кладки выполнялись из камней, уложенных в один слой. Вымостки чаще всего имели неопределенную форму. В голове погребений всегда стояли камни чуть больших, чем сама вымостка, размеров, либо большие тесаные с боков и имеющие треугольную форму, суженные сверху. Размеры кладок варьируют в пределах от 2,1×1,1 м до 2,8×1,3 м (рис. 2, VII). Чрезвычайно редко встречаются кладки в форме вытянутого прямоугольника, выполненного в три-четыре уложенных параллельно ряда камней, со стоящими большими камнями с западной и восточной сторон кладки (рис. 2, IX). Размеры их от 2×0,9 м до 1,9×0,8 м. Очень часто кладки имели нарушенный разобранный вид. Могильные ямы имели прямоугольную форму с закругленными углами и суживались к донной части. Глубина могильных ям от 0,58 до 1—1,12 м.

В могильнике у д. Миневщина надмогильные кладки чаще всего имели вид вытянутого прямоугольника и выполнялись из камней средней величины, уложенных в три—пять горизонтальных рядов. У кладок с восточной и западной стороны всегда стояли камни больших размеров (рис. 2, VIII—X). Большой камень, стоящий с западной стороны, как правило, обработан и имеет конический верх. Размеры кладок от 1,8×0,9 м до 2,1×1 м. Могильные ямы прямоугольной формы с закругленными углами и сужающиеся к донной части. Глубина могильных ям — от 0,88 до 1,11 м.

В могилах неоднократно встречались куски досок от гробов. В двух случаях удалось проследить конструкции домовин. Гроб из могилы 7 в раскопе 2 на могильнике у д. Миневщина сооружен из досок и бревен. Боковые стенки его выполнены из досок (сохранившаяся длина 0,9 м, ширина 0,1 м, толщина 0,02 м). Таких досок было три, следовательно, высота гроба составляла 0,3 м. Торцовые стенки гроба выполнены из бревен диаметром 0,1 м, длиной 0,6 м (три бревна). В результате гроб имел ящикообразную форму. Гроб хорошей сохранности обнаружен в погребении на могильнике у д. Ивашковичи. Устройство гроба следующее: три

доски шириной 0,3 м, длиной 1,6 м, толщиной 0,025 м были соединены между собой посредством двух маленьких досок, шириной в верхней части 0,3 м, в нижней (у дна) 0,25 м под незначительным углом. Функцию крышки выполняла четвертая большая доска длиной 1,8 м, шириной в верхней части (у головы покойного) 0,75 м и внизу 0,6 м, толщиной 0,025 м. В гробу находился скелет ребенка, лежащий слегка на боку.

В ходе раскопок в могильнике у д. Клепахи выявлен процесс совершения ритуала: в могильную яму опускали умершего, в большинстве случаев в гробовище. Положение скелетов было всегда на спине, в вытянутом положении, головой на запад, иногда с отклонением на юг. Два детских погребения были ориентированы на север и северо-восток. Положение головы различное: лицом вверх, повернута к правому или левому плечу. Положение рук также различно: сложены на груди, на животе, левая рука на правом плече, правая — вдоль тела, руки скрещены на груди, левая рука на локте правой, правая — на левом плече и пр. В центральной части могильника над костяками встречены угли, располагавшиеся либо над всеми костями, не доходя до черепа, либо в ногах погребенного. Мощность угольной прослойки составляла 0,05—0,12 м. В одном случае большое угольное пятно располагалось рядом с могилой и мощность его составляла 0,35—0,4 м.

Погребальный инвентарь в могилах незначителен. Это украшения: височные кольца, серьги, перстни, булавки от головного убора, одна поясная пряжка, кусочки ткани, обнаруженные на голове. Большинство погребений безынвентарны.

После совершения погребального ритуала яму засыпали, на поверхности ее (под камнями кладки) отмечены фрагменты керамики, присутствие которых можно, очевидно, объяснить как результат поминальной тризны. Затем сооружали каменные кладки, а само погребение отмечали большими тесаными с боков камнями. На могильнике обнаружены случаи подзахоронений, чаще всего — детских.

В могильнике у д. Миневщина отмечен следующий погребальный обряд: выкапывали могильную яму; погребения всегда совершали в гробах. Положение умерших было постоянным — на спине, в вытянутом положении, головой на юго-запад или северо-запад, очень редко — на запад. Положение головы различно: лицом вверх, повернута к левому или правому плечу. Положение рук также различно: правая — на животе, левая на правом плече, левая — на животе, правая вдоль тела и пр. В заполнении могильных ям угли не обнаружены. Они выявлены на поверхности могил (под каменными кладками) в слое темной земли вместе с фрагментами керамики. Чаще всего угли располагались в восточной части погребений. Погребения безынвентарны. Только в двух случаях под каменными кладками вместе с фрагментами керамики обнаружены два перстня. Погребальный ритуал завершался сооружением каменных кладок, причем с западной и восточной сторон всегда ставили большие тесаные камни.

Состав могильного инвентаря позволяет проследить связь с изменениями в конструкции могил и отдельных элементах погребального обряда и выявить четыре этапа эволюции этих памятников.

I этап — X—XII вв. В погребениях обнаружены проушные широколезвийные топоры (Дворчаны и Пузели); калачевидное кресало (Пузели); поясные пряжки (Дворчаны и Пузели); крестовидная булавка с привеской в виде лунницы (Дворчаны); перстнеобразные полутораоборотные височные кольца (Дворчаны); браслет из серебряной пластины, тисненый с орнаментом в виде ложной зерни на лицевой стороне (Пузели); узкомассивный браслет (Дворчаны); пластинчатые браслеты (Дворчаны); перстни витые со сканой перевитью (Дворчаны)²⁰.

II этап — XIII—XIV вв. Могильный инвентарь представлен втульчатými наконечниками копий (Дворчаны); дулезвийным кресалом овальной формы (Дворчаны); поясными пряжками (Дворчаны, Клепахи); многобусинными височными кольцами (Дворчаны, Пузели); бляшками от головного убора различных форм (Дворчаны, Пузели); витым браслетом

с раскованными концами (Дворчаны); браслетом, плетеным из семи бронзовых проволочек (Дворчаны); перстнями, плетеными из четырех—шести проволочек (Дворчаны); тордированными перстнями (Дворчаны); пластинчатыми перстнями (Дворчаны, Миневщина, Клепачи); бубенчиками (Дворчаны); ключами символического характера (Пузели, Дворчаны)²¹.

III этап — конец XIV—XV в. Погребальный инвентарь представлен височными кольцами с тремя каплевидными привесками (Клепачи); булавками типа «пус йеппи» (Клепачи); серьгами в виде вопросительного знака (Пузели, Клепачи); перстнями в виде печаток (Дворчаны, Клепачи); бубенчиками (Дворчаны); крестиками (Дворчаны, Пузели)²².

IV этап — конец XV—начало XVII в. Изредка встречаются пластинчатые перстни (Миневщина, Клепачи), перстни в виде печаток (Клепачи); оковки для кошельков (Пузели, Дворчаны). Большинство погребений безынвентарны.

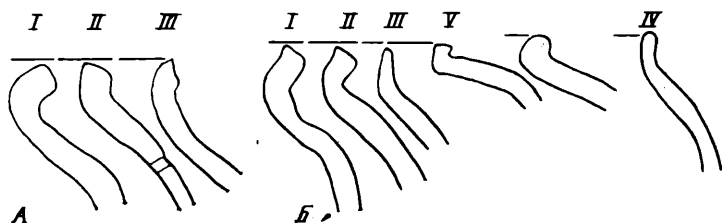


Рис. 3. Венчики глиняных сосудов из могильников Клепачи (А) и Миневщина (Б)

При исследовании могильников В. А. Щукевичем и Э. А. Вольтером под каменными надмогильными кладками зафиксированы фрагменты керамики. К сожалению, этот материал не нашел отражения при характеристике погребального инвентаря. Отсутствует керамика и в фондах музеев. Вследствие этого характеристика керамического материала дана по двум могильникам: у деревень Клепачи и Миневщина.

Керамический материал из Клепачей выделен в три типа. К первому типу отнесены сосуды, имеющие плавно изогнутую шейку и среднеотклоненный венчик, край которого косо срезан. Сосуды второго типа почти не имели шейки, по внутренней стороне венчика проходила канавка. К третьему типу отнесены сосуды, край венчика которых слегка отогнут и срезан, с внутренней стороны проходит неглубокая канавка. Горшки, аналогичные посуде I типа, в большом количестве встречаются на территории Лидского замка в слоях XIV—первой половины XV в.²³ Точных аналогий сосудам II и III типов в опубликованной литературе не найдено, но по профилировке их можно отнести ко времени не позднее XV в. (рис. 3, А).

Керамика из могильника у д. Миневщины по форме верхней части подразделяется на пять типов. К первому типу относятся сосуды, имеющие горизонтально срезанный край венчика, по внутреннему краю которого проходит желобок. Шейка плавно изогнута, переход от нее к тулову осуществляется через выраженный уступ. Сосуды второго типа напоминают сосуды I типа (по форме края венчика), но в отличие от них имеют маленькую шейку, плавно переходящую в тулово. Третий тип представлен сосудами, имеющими небольшой почти прямой венчик, край которого закруглен. К четвертому типу отнесены сосуды, имеющие толщину стенок не более 0,5 см, плавно изогнутую шейку и отогнутый наружу край венчика. Сосуды пятого типа по форме верхней части резко отличаются от всех предыдущих типов, так как не имеют шейки. Округленный либо слегка заостренный венчик насажен прямо на пологое плечико (рис. 3, Б). Горшки, близкие по пропорциям к сосудам типа I, найдены в слоях XV в. в Орешке²⁴. Этим же временем можно датировать горшки типа II, аналогии которым имеются в Новгороде²⁵. Сосуды типов III—V существенно отличаются от предыдущих двух типов. Аналогии им широко известны

в слоях XVI в. как на территории Белоруссии (Мирский замок)²⁶, так и на смежных территориях (Польша)²⁷.

Касаясь проблемы возникновения каменных кладок над погребениями в Белорусском Понеманье, можно с большей долей уверенности предполагать, что предшественниками каменных могил являлись каменные курганы. Связь между могилами и курганами в погребальном обряде была отмечена еще В. А. Щукевичем. Именно моменты сходства помешали исследователю провести четкую границу между типами погребений и выделить собственно курганы. Существующие различия в погребальном инвентаре легко объясняются хронологическими изменениями. Необходимо отметить, что отдельные черты погребального обряда (угольные проσόйки в заполнении могильных ям) с течением времени постепенно исчезают. Так же обстоит дело и с погребальным инвентарем, полностью исчезающим к началу XVII в., что связано с распространением и утверждением христианского погребального обряда. Длительный период применения в надмогильных сооружениях камня можно объяснить огромным значением его в верованиях белорусов. На это справедливо указывал еще М. В. Мелешко²⁸.

- ¹ Общая характеристика исследованных каменных могильников дана В. А. Щукевичем в статье: *Szukiewicz W. Niektóre zabytki przedhistoryczne w powiecie Lidzkim.* — In: *Księga pamiątkowa na uczczenie setnej rocznicy urodzin Adama Mickiewicza (1798—1898).* Warszawa, 1898, t. II, s. 214—227. Работы Э. А. Вольтера не получили освещения ни в отчетах, ни в публикациях. Сведения о них имеются только в газетных сообщениях. (Правительственный Вестник, 1889, № 185; Виленский Вестник, 1888, № 204, 206; 1889, № 168, 1890, № 21; см. также: ЗРАО. СПб., 1890, т. 4, вып. 3/4, с. 386.)
- ² Погребальный инвентарь из раскопок В. А. Щукевича находится в фондах Гос. Эрмитажа, ГИМа и историко-этнографического музея в Вильнюсе. В Гос. Эрмитаже имеется несколько предметов из могильника у д. Дворчаны (раскопки 1895 г.). Однако в отчете В. А. Щукевича указывалось, что эти вещи происходят из погребений, вскрытых на всаханной части могильника, где каменные надмогильные кладки были уничтожены. А потому судить о том, из какого типа погребений — курганов или могил — происходят вещи — невозможно. В фондах ГИМа находится коллекция предметов погребального инвентаря из могильника у д. Дворчаны (раскопки 1894 г.). В фондах историко-этнографического музея (г. Вильнюс) имеется коллекция предметов из могильников у деревень Пузели, Дворчаны, а также из грунтового могильника у д. Нача (ур. Ланкишки). Весь вещевой материал — депаспортизован.
- ³ *Каваленя А. Зьм.* Археологічныя росшукі у вярхоў'ях раёк Друці Усяж-Бук і Лукомкі. — Працы сэкцыі археалогіі. Менск, 1932, т. 3, с. 234.
- ⁴ *Rocznik Białostocki.* Białystok, 1962, s. 337—361.
- ⁵ *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусско-Понеманья. М.; Л., 1961, с. 193.
- ⁶ *Рябцевич В. Н.* К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в

XIV—XV ст. — Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965, 2, с. 133.

⁷ Виленский Вестник, 1888, № 204.

⁸ Реферат В. А. Щукевича об археологических местностях в Лидском и Трокском уездах: (Труды Вилен. отд-ния Моск. предварительного комитета по устройству в Вильне IX AC). М., 1895, с. 97—100; *Szukiewicz W. Niektóre zabytki...*, s. 216.

⁹ *Покровский Ф. В.* Археологическая карта Виленской губернии. Вильна, 1893, Археологическая карта Гродненской губернии. Вильна, 1895.

¹⁰ *Штыгов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Минск, 1971.

¹¹ *Квятковская А. В.* Отчет о полевых работах в 1981 г. — Архив ИИ АН БССР (отдел археологии), д. 734; *Она же.* Отчет о полевых работах в 1982 г., д. 785.

¹² Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, д. 43/1889, лл. 58, 76.

¹³ Архив ЛОИА АН СССР, д. 90/1894, лл. 30, 36.

¹⁴ Архив ЛОИА АН СССР, д. 3а/1888, л. 47.

¹⁵ Архив ЛОИА АН СССР, д. 90/1894, л. 28.

¹⁶ Архив ЛОИА, АН СССР, д. 103/1890, л. 2.

¹⁷ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, д. 103/1890, 13а/1888, л. 49.

¹⁸ Архив ЛОИА АН СССР, д. 90/1894, л. 34—36.

¹⁹ Архив ЛОИА АН СССР, д. 103/1890, л. 43.

²⁰ Хронология подобных находок приведена в следующих изданиях: *Lietuvos archeologija.* Vilnius; *Mokslas,* 1979, t. 1, p. 55, pav. 14, 5; p. 63, pav. 23, 1; p. 88, pav. 19, 4; *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск. Минск, 1975, с. 31, рис. 9, 11; *Седова М. В.* Ювелирные изделия Новгорода (X—XV вв.). М., 1981, с. 29, рис. 6, 6; с. 104, рис. 37, 2; с. 105, рис. 38, 7; с. 107, рис. 40, 16; с. 123, рис. 45, 17; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982, с. 203, табл. XXIX, 1, 2, 8, 15.

²¹ Аналогии см.: *Lietuvos archeologija,*

- р. 88, раv. 19, 4; р. 85, раv. 15, 2, 16, 3, 9; р. 90, раv. 21, 1, 2, 6, 7, 15, 16, 19—21; р. 91, раv. 22, 4; р. 104, раv. 3, 8; *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск, с. 31, рис. 9, 15; *Седова М. В.* Ювелирные изделия... , с. 95, рис. 34, 9; с. 123, рис. 45, 17.
- ²² *Седова М. В.* Ювелирные изделия... , с. 15, рис. 3, 1, 2; с. 154, рис. 61, 17—20; *Lietuvos archeologija...*, р. 105, раv. 4, 1, 2; р. 136, раv. 14, 5.
- ²³ *Трусов О. А.* Отчет о полевых исследованиях, проведенных в июле 1980 г. в Лидском замке. — Архив Специальных научно-реставрационных производственных мастерских (СНРПМ), объект 129/76, кн. I.
- ²⁴ *Кирпичников А. Н.* Древний Орешек. Л., 1980, рис. 16, 28.
- ²⁵ *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55, рис. 1, тип. IV Г.
- ²⁶ *Трусов О. А.* Археологический отчет о полевых исследованиях, проведенных в июле 1980 г. в Мирском замке. — Архив СНРПМ, объект 5/68, кн. II.
- ²⁷ *Historia kultury materialnej Polski w zaryguie.* Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1979, t. III, z. 3/4, s. 163.
- ²⁸ *Мялешка М. В.* Камень у верований і паданнях беларусау. — Запіскі адзелу гуманітарных навук, Менск, 1928, кн. 2, с. 10—18.

И. А. ОЗЕРЕ

ПРИВЕСКИ-АМУЛЕТЫ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ КУРЗЕМЕ X—XV вв.

Курземе — западная часть современной Латвии. В X—XV вв. этот регион характеризуется значительным разнообразием погребальных обрядов. Для куршей, занимавших юго-западную часть его, свойственны грунтовые могильники с труположениями (Бунка), ареал которых достигает р. Тебра, а на востоке — р. Венты. Курши занимали и северо-западную часть Литвы. Примерно в X—XI вв. обряд труположения сменяется трупосожжением, а в XIV—XV вв. труположения распространяются снова, что связано с влиянием христианства. В среднем течении р. Абава в X—начале XI в. встречаются курганные могильники (Криеву Капи), принадлежавшие, очевидно, курземским ливам. Ими же, а в низовьях Венты вендами, оставлены грунтовые могильники с труположениями (Тукумс), датируемые XI—XIII вв. В северной и центральной частях Курземе, где соприкасались куршские и ливские племена, с XII в. складывается смешанная культура, для которой характерны грунтовые могильники с труположениями с куршским погребальным инвентарем (Лаукмуйжа)¹.

В могильниках Курземе интересную категорию находок составляют привески-амулеты — бубенчики, миниатюрные предметы быта, зооморфные, круглые монетовидные привески, крестики и крестообразные привески, раковины каури и зубы животных.

Среди привесок-миниатюрных предметов быта имеются гребни, топоры, ножи. Привесок-ножей найдено только три (мог. Ранкю Капениеки — 2 экз., Маткуле — 1 экз.). По форме они сильно отличаются от настоящих ножей. Одна привеска из Ранкю Капениеки сделана в виде длинного ножа с выступами к рукоятке, рукоятка расширена, в конце ее маленькое отверстие². Вторая привеска-нож³ — узкая бронзовая пластинка с округленным концом, рукоятка сломана. Третья привеска — случайная находка из Маткуле⁴ — более напоминает меч: рукоятка сравнительно короткая, в конце имеется расширение с отверстием для подвешивания (рис. 1, 1).

Привесок-гребней в Курземе найдено 22. Они сделаны из бронзовой пластины (лишь одна фрагментарная привеска из Гобдзиви вырезана из кости). Все привески-гребни очень простые, часть спинки широкая, зубья короткие, обычно отмеченные только короткими насечками. По форме они подразделяются на две группы: 1) прямоугольные с прямой, реже с изогнутой или вогнутой спинкой; 2) трапециевидные с прямой или изогнутой спинкой (рис. 1, 2, 3). Очень редко встречаются привески-

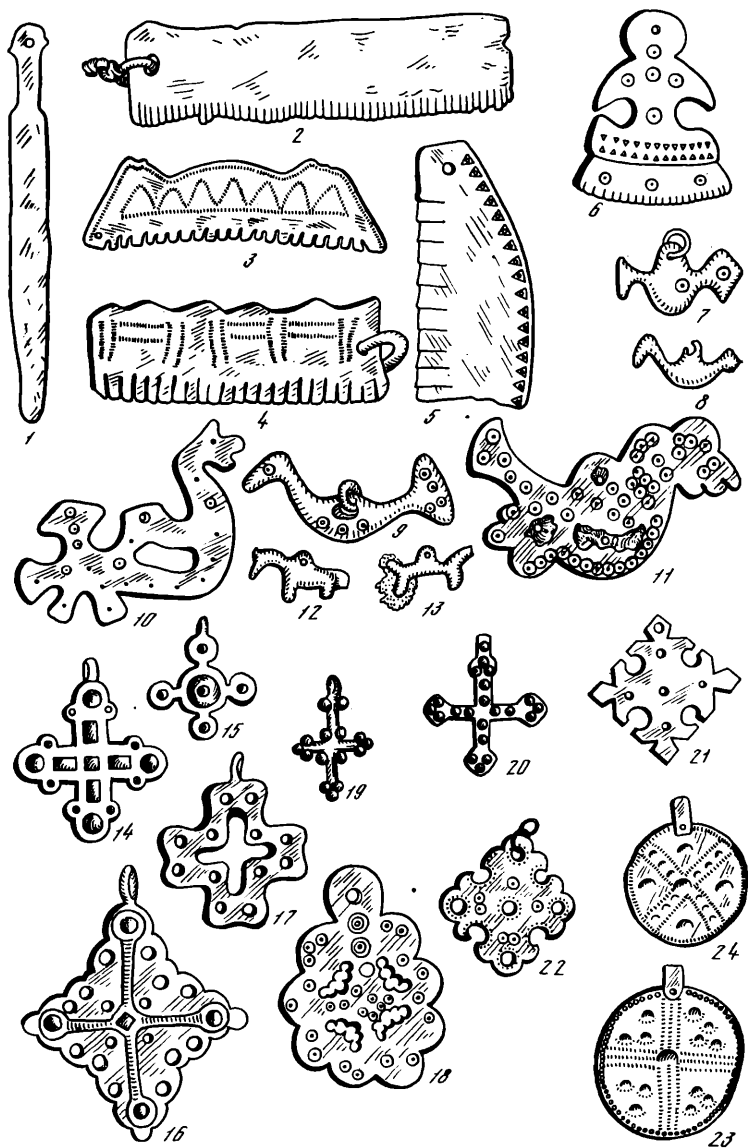


Рис. 1. Привески-амулеты из могильников Курземе X—XV вв.

1, 15 — Маткуле (А 9306, 138, 100); 2, 5 — Дири (LM13042, 13059); 3, 10 — Ранкю Капениеки (7623, 47, 7613, 17); 4 — Тилтини (А 10465, 12); 6, 11, 18 — Зуннас (А7266, 1, 10, 12); 7—9, 12, 13, 22 — Алсунгас Калнини (А11668, 32; А11726, 11; А11743, 4; А11741, 49; А11669, 14; А11728, 1); 14, 20, 21, 23 — оз. Вилкумуйнас (А10994, 1192, 1189, 1188, 1177); 16 — Медзе (LM8960); 17, 19 — Пасилциемс (ГЭ, 890/179, ГИМ, 29/146); 24 — Ленес (8514, 25)

гребни других форм: прямоугольной с волнистой спинкой (Тилтини), сегментовидной (Дири), с утолщенной, переходящей в рукоятку спинкой (Ранкю Капениеки)⁵ (рис. 1, 4, 5). У части привесок-гребней спинки украшены рядами мелких зубчиков, которые идут параллельно краю или образуют зигзаги. Эти элементы могут и комбинироваться. Очень редко встречаются другие способы орнаментации: ряд треугольников с кружком в центре, решетчатый узор, чередующиеся вертикальные и горизонтальные ряды мелких зубчиков.

В Курземе привески-гребни найдены только в куршских могильниках с трупосожжениями и обычно являются составной частью инвентаря мужских погребений. Они появляются не ранее XI в., позднейшие известны из могильника Рони (XIV в.). Похожие привески-гребни из мо-

гильника Прижмонты (Литовская ССР) В. Нагевичюс датировал XII в.⁶ В XI—XII вв. привески этого вида известны и у видземских ливов⁷, но последние отличаются более сложной конструкцией и зооморфным украшением спинки. Привески-гребни, очевидно, так же как на Руси⁸, служили амулетами-оберегами от болезней, хотя латышские народные верования не сохранили таких сведений.

Очень редкой находкой в Курземе являются привески-топорики. Одна из них является случайной находкой из Зуннас⁹ (рис. 1, 6). Это довольно массивная привеска, отлита из бронзы. Топорик имеет широкое лезвие, от которого отходит выступ кверху, узкий переход к обуху, одинаково в обе стороны расширенную часть проушка и округленное навершие с отверстием. Привеска украшена концентрическими кружками, двумя рядами маленьких треугольничков и рядом коротких, вертикальных насечек. Похожие топорики, датирующиеся X—XII вв., известны из территории даугавских ливов¹⁰.

Две привески-топорики найдены в захоронении по обряду трупосожжения могильника Дарвдеджи (рубеж XIV—XV вв.)¹¹. Оба топорика широколезвийные, с треугольным и прямоугольным лезвием. Одна привеска украшена концентрическим кружком. Похожие топорики найдены на Талсинском городище в слоях X—XII вв. и на посаде при Сабильском посаде (XI—XIII вв.). Такие находки известны и на территории видземских ливов, замгалов¹², а также славян¹³. Привеска-топорик — частая находка в Скандинавских странах¹⁴.

Привески-топорики были типичными мужскими украшениями-амулетами¹⁵. Топор у латышей был символом и оружием бога грома (Pērkons), так же как символ Перуна у славян, Тора у скандинавов¹⁶. С этим связана и символика орнаментации на топориках — концентрические кружки — символ солнца. Солнце, в свою очередь, считалось источником огня, грома, молнии¹⁷.

Зооморфные привески в Курземе представлены птичками и коньками, которые подразделяются на два типа: объемные и пластинчатые ажурные. В могильниках с трупосожжениями (Алсунгас Калнини, Ранкю Капениеки) и в качестве случайных находок найдено 12 объемных птичек-привесок. Они принадлежат к двум вариантам. Первый вариант: голова в виде пересеченного ромба, хвост ромбовидный, тулово короткое, сжатое, на спине округлое ушко для подвешивания, точкой с обеих сторон отмечены глаза (рис. 1, 7). У двух птичек бока и хвост украшены концентрическими кружками. Три привески первого варианта найдены в могильнике Алсунгас Калнини, похожая обнаружена в Ленес¹⁸. Птички-привески второго варианта более вытянутой формы, шея длинная, голова маленькая, форма хвоста, вероятно, сегментообразная (у всех хвост обломан) (рис. 1, 8). Три привески орнаментированы косыми насечками и концентрическими кружками. Известны 6 птичек-привесок этого варианта (Ранкю Капениеки, Алсунгас Калнини, Силмалциемс, Упесвагари)¹⁹. Похожая по форме, но больших размеров птичка-привеска найдена в Алсунгас Калнини²⁰. Бока и хвост птички украшены концентрическими кружками, также отмечены и глаза (рис. 1, 9). Фрагментарная птичка-привеска найдена в оз. Вилкумуйжас²¹. От вышеописанных она отличается тем, что ее сечение не овальное, а ромбовидное.

Из описанных птичек-привесок одна найдена в женском погребении, четыре в мужских (Алсунгас Калнини), остальные являются случайными находками. Судя по находке вместе с коньковой привеской в погребении 3 Алсунгас Калнини, объемные птички-привески могут быть датированы не ранее XI—XII вв. На Талсинском городище подобные привески найдены в слоях конца XI—XIV вв. Точно такие же привески обнаружены и в Литве, где также появляются не ранее XI в.²²

Пластинчатых ажурных птичек-привесок в Курземе найдено четыре. Две из них схожи по форме (Ранкю Капениеки, Ленес²³). У них маленькая голова, на ней хохолок, клюв раскрыт, шея длинная, две короткие ножки, хвост состоит из одной или двух частей. На спине округлое

ушко для подвешивания. У обеих в тулове имеется отверстие неправильно овальной формы, привески украшены концентрическими кружками (рис. 1, 10). Третья птичка-привеска этого типа найдена в Зуннас²⁴. От первых она отличается большей массивностью, отверстие в тулове нечеткое, привеска густо украшена концентрическими кружками (рис. 1, 11). В Маткуле найдена единственная в Курземе очень упрощенная двуглавая птичка-привеска²⁵.

Пластинчатые ажурные птички-привески найдены и в слоях конца XI—XIV вв. Талсинского городища и Сабильского посада, но в Латвии более характерны для земгалов и даугавских ливов²⁶. Привески такой же формы известны и в Литве²⁷, похожие найдены на землях Древней Руси²⁸, в Финляндии²⁹, где датируются второй половиной X—XII вв.

Коньковые привески в Курземе немногочисленны: пять объемных и одна пластинчатая ажурная. Две объемные привески найдены в могильнике Алсунгас Калнини³⁰, одна из них в женском погребении вместе с объемной птицевидной привеской. Такая же привеска происходит из Маткуле³¹. Все три коньковые привески очень маленькие, изящной формы. У коньков длинная, изогнутая шея, голова маленькая, на ней уши, ноги короткие, неотделенные, хвост прямоугольный (рис. 1, 12, 13). У всех коньков на спине округлое ушко для подвешивания. В Маткуле найдена еще одна подвеска³², отличающаяся от первых упрощенной формой, украшенная косыми насечками. Еще более стилизованная привеска найдена в Пасилциемс³³. Этот конек-привеска, кроме ушка на спине, имеет отверстия в хвосте и ногах.

В Латвии объемные коньковые привески найдены преимущественно на территории даугавских ливов, но несколько экземпляров обнаружено и на землях латгалов. Прямые параллели эти привески имеют в Эстонии и Финляндии³⁴. Коньковые привески нередко найдены вместе с монетами XI—XII вв. или хорошо датируемыми предметами этого же времени, поэтому В. Урганс относит эти привески к XI—XII вв.³⁵

Единственная пластинчатая ажурная коньковая привеска на Талсинском городище³⁶.

Найденные в Курземе зооморфные привески были не только украшениями, но имели и функцию амулетов. Культ водоплавающих птиц более характерен финно-уграм³⁷. Утка (и вообще водоплавающие птицы) была связана с воззрениями о сотворении мира, она являлась прародительницей всего сущего на земле. Утка связана и с культом Солнца³⁸. Культ водоплавающей птицы очень древний, в Латвии изображения птиц известны по находкам неолитической стоянки Сарнате³⁹, в латышских народных верованиях сохранилось очень мало сведений об этом культе. Птица обычно связывается со счастьем, благополучием, предсказыванием погоды⁴⁰.

Конь был символом благополучия, здоровья, солнечного света и утренней звезды⁴¹. Конь тесно связан и с культом Солнца⁴², и в этой связи выступает как символ плодородия. Учитывая это значение и то, что большинство коньковых привесок в Латвии найдено в женских погребениях, можно предположить, что эти привески были женскими украшениями-амулетами. В Прикамье, где они также являлись женскими амулетами, коньковые привески должны были, кроме обеспечения плодородия, и оберегать грудь и лоно женщины от всего дурного⁴³. На функцию оберега курземских коньковых привесок указывают и строительные жертвы голов коней на Талсинском городище⁴⁴.

Большую группу образуют крестики и крестовидные привески — в Курземе их известно около 33. Типологию крестиков, найденных в Латвии, а также вопросы, связанные с их символикой, разработал Э. С. Мугуревич⁴⁵.

Больше всего найдено крестиков с выемчатой эмалью с трехлопастными (Ранкю Капениеки, оз. Вилкумуйжас, Пасилциемс) и круглыми концами (оз. Вилкумуйжас, Маткуле, Пасилциемс, рис. 1, 14, 15). На территории Древней Руси трехлопастоконечные крестики датируются XI—

XIII вв., а в Латвии XII—XIII вв. Круглоконечные крестики датируются XII в.⁴⁶ Случайными находками являются три ажурных крестика. Крестик со стилизованным растительным узором, датирующийся концом XII в., найден в Медзе⁴⁷ (рис. 1, 16), похожие крестики известны также из Талсинского городища. Местной формой крестовидных привесок является крестик с четырехугольными округленными концами и крестовидным отверстием в центре, датируется XII—XIV вв.⁴⁸ (рис. 1, 17, Пасилциемс). В Зуннас найден один из трех известных в Латвии крестиков с якоробразными концами (рис. 1, 18), датирующийся XII—XIII вв. Аналогий вне Латвии этим крестикам не известно⁴⁹. Крестики с перекладчатыми концами и с имитацией филигранной техники найдены в могильниках Пасилциемс (3 экз.) и оз. Вилкумуйжас (1 экз.). Там же найдены и два крестика этого же типа с имитацией филигранной работы на самой привеске (рис. 1, 19, 20). Эти крестики импортированы и датируются XII—XIII вв. Параллели им известны на Руси, в Эстонии⁵⁰. Условно к типу крестиков с перекладчатыми концами, где зернь заменена кружковым орнаментом, можно отнести три привески (Пасилциемс, Алсунгас Кантики)⁵¹. Эти крестики меньше обычных размеров, кружковый орнамент слабо выражен.

В Курземе найдено много крестовидных привесок, происходящих из ромбовидных и являющихся подражаниями крестикам с округленными или трилистными концами (рис. 1, 21). Встречены также две привески, подражающие крестикам с утолщенными концами. Почти все крестовидные привески украшены концентрическими кружками. Янтарные крестики известны только из детского погребения могильника с труположениями Лаукмуйжа. Это три разные по форме и размерам привески, датирующиеся XII—XIV вв.⁵²

Все крестики из погребений Курземе более характерны для восточной части Латвии, а также бассейна р. Лиелупе. Они в какой-то мере свидетельствуют о распространении православия на территории Латвии, в чем большую роль играл даугавский торговый путь⁵³. В Курземе крестиков и крестовидных привесок сравнительно немного. Они найдены главным образом в центральной и северной ее частях. Возможное влияние христианства при этом нельзя преувеличивать. Нахождение крестиков в погребениях не обязательно свидетельствует о том, что здесь погребен христианин — крестики и крестовидные привески встречены и в погребениях по обряду трупосожжения, носили крестики и крестовидные привески часто вместе с другими привесками-амулетами. Крестики из Талсинского городища и Сабильского посада могут быть более верными свидетельствами влияния христианства, но определить, когда крестик был христианским символом, а когда языческим амулетом, почти невозможно. Семантика креста очень древняя и имеет несколько ступеней развития. Сначала он связан с символикой огня, с солнцем как небесным огнем. В связи с символикой солнца крест приобретает значение бессмертия и возрождения. Как символ огня, крест имел и функции очищения, и отпугивания злых духов⁵⁴. По мнению В. П. Даркевича, крест у древних славян служил амулетом, оберегающим владельца со всех четырех сторон⁵⁵.

Следующую группу привесок, связанных с языческими культами, образуют бубенчики. Их находки распространены равномерно по всей Курземе. Они имеют шарообразную или грушевидную форму. Шарообразные бубенчики с крестообразной прорезью почти во всех случаях имеют прямоугольное, часто длинное ушко для подвешивания. Большинство из них украшены концентрическими нарезками по середине, косыми — на створках. В отдельных случаях они еще дополнительно орнаментированы концентрическими кружками. Такие бубенчики найдены вместе с крестиком с эмалью XII—XIII вв. (Ранкю Капениеки), а также в погребениях могильника XIII—XIV вв. Лаукмуйжа. Шарообразные бубенчики с линейной прорезью почти всегда имеют округлое ушко для подвешивания. Они часто украшены 1—3 концентрическими нарезками. По аналогии

с находками в Древней Руси такие бубенчики датируются XII—XIV вв., а с тремя концентрическими нарезками — XI—второй половиной XIII в.⁵⁶

Грушевидные бубенчики с крестообразной прорезью имеют и округлые, и прямоугольные ушки. Иногда они украшены концентрическими нарезками, а створки — косыми. Бубенчики этой группы найдены в погребениях с трупосожжениями XI—XIV вв., а также в погребениях с труположениями XIV—XV вв. Такие же бубенчики найдены и в Литве в погребениях XIII—XV вв.⁵⁷ В Новгороде грушевидные бубенчики с косякой нарезкой на створках⁵⁸ являются наиболее ранними и датируются от середины X до середины XII в.⁵⁹ Очень редки в Курземе грушевидные бубенчики с линейной прорезью.

Бубенчики в Курземе, очевидно, как и в других областях Латвии, были составной частью женского нагрудного украшения, а в мужские погребения попали как жертвоприношения. Бубенчики имели и магическое значение. Они своим звоном должны были отпугивать злых духов⁶⁰.

Весьма распространенными в Курземе были круглые (монетовидные) привески. Обычно они сделаны из бронзы, редко из серебра и имеют приклепанные ушки для подвешивания. Круглые привески всегда украшены выпуклыми точками или концентрическими кружками, а также рядами мелких зубчиков. Часто эти элементы комбинируются. Наиболее распространенной является следующая композиция: в центре — прямой, реже косой крест из двух рядов мелких зубчиков. Зубчики образуют и кайму привески. Посередине большая выпуклая точка, в секторах выпуклые точки или концентрические кружки (рис. 1, 23, 24). Реже встречается узор с другой композицией. В Пасилциемс найдены привески, украшенные орнаментом из четырех волот. Такие же привески характерны кривичам в XI в.⁶¹ Круглые привески на территории Латвии известны у земгалов, латгалов, но особенно характерны даугавским и гауяским ливам. В отличие от этих, курземские привески имеют менее сложный орнамент. Круглые привески были составной частью нагрудного украшения, но, возможно, имели и магическое значение. На это указывает также их орнаментация. Круг с крестом в центре или концентрические круги были одним из наиболее распространенных символов солнца⁶².

Сравнительно мало в погребениях Курземе найдено привесок из раковин каури — 60 экз. В трех случаях они образовали ожерелье (Зуннас, Кандава). В одно ожерелье входило еще и несколько стеклянных бус. Привески-раковины каури в Курземе можно датировать XI—XIII вв. Это, по мнению Э. Мугуревича, время наибольшего прилива каури в Латвию⁶³. Ношение раковин каури тесно связано с культом змеи, сохранившимся до XVII—XVIII вв.⁶⁴ Привески из каури, очевидно, служили амулетами-оберегами. На это указывают сведения о почитании змеи в Прибалтике. Змея в этих верованиях играет роль покровительницы дома, приносит счастье, связана с представлениями о доброй силе⁶⁵.

Привески из клыка медведя найдены в Зуннас и в грунтовом могильнике с труположениями г. Тукумс. Особенно много привесок этого вида найдено в слоях конца XI—XII вв. Талсинского городища и в Сабильском посаде. Это явление можно рассматривать как ливское влияние. В качестве случайных находок из раннесредневековых памятников известно несколько привесок-клыков животных в бронзовой оковке, иногда к ним еще подвешены бубенчики. Ношение привесок-клыков связано с верованиями, что медведь — священное животное⁶⁶.

Почти все рассмотренные привески-амулеты более характерны средней части Курземе. Выделяются три группы памятников, где сконцентрированы все виды привесок (рис. 2). Первая локализуется в среднем течении р. Венты (Ленес, Ранкю Капениеки, Рони и др.), другая — левобережье нижнего течения р. Вента (Алсунгас Калнини, Кантики, Пасилциемс, Дарвдеджи, Силмалциемс и др.), третья — в среднем течении р. Абава (оз. Вилкумуйжас, Талси, Зуннас, кладбище Маткуле). Привески-гребни распространены на территории до р. Вента. Можно гово-

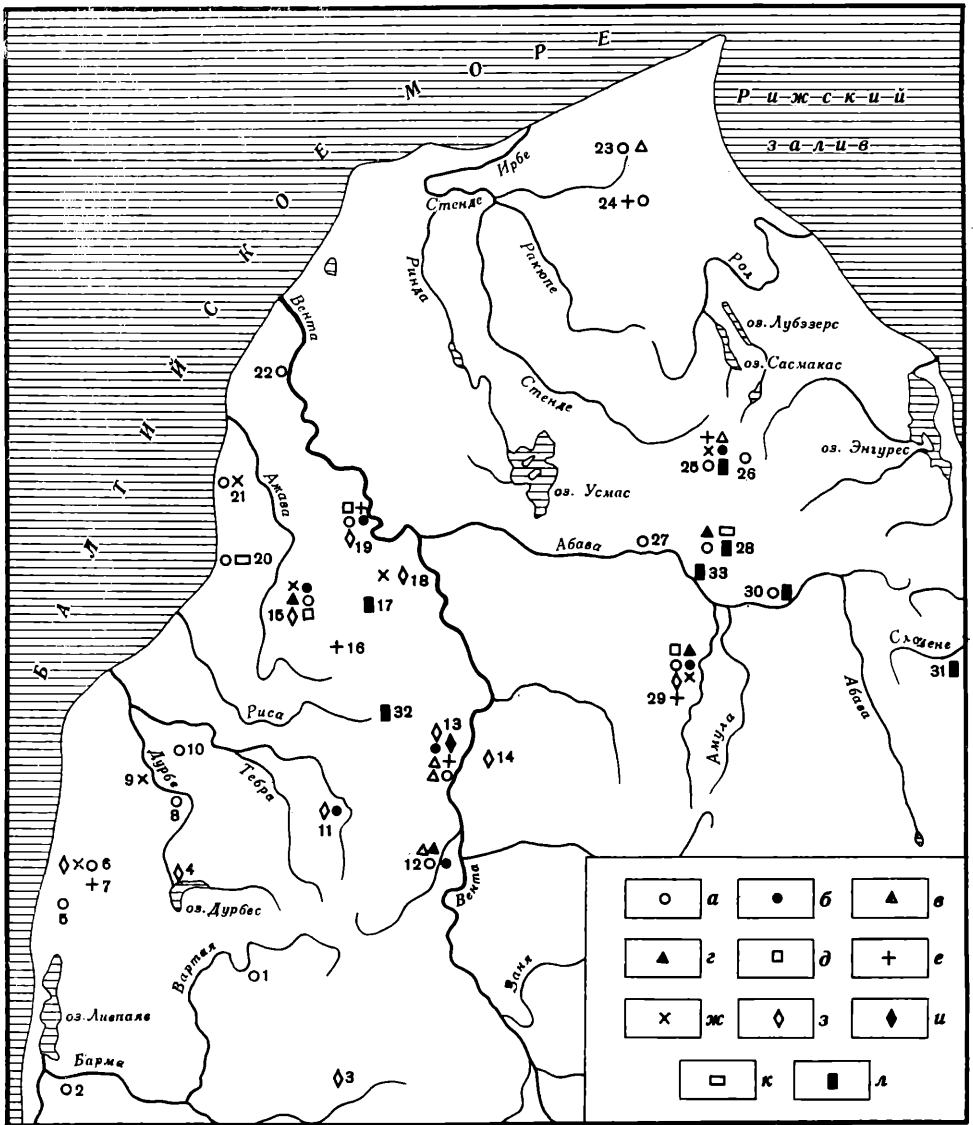


Рис. 2. Карта распространения привесок-амулетов в Курземе X—XV вв.

а — бубенчики; б — круглые монетовидные привески; в — объемные птички-привески; г — пластинчатые птички-привески; д — объемные конышковые привески; е — крестики; ж — крестовидные привески; з — привески-гребни; и — привески-ножи; к — привески-топорики; л — раковины каури; 1 — Бунна; 2 — Ница; 3 — Тлттини; 4 — Дири; 5 — Капседе; 6 — Страутини; 7 — Медзе; 8 — Струнгас; 9 — Вецвагари; 10 — Гарбадес Зунди; 11 — Рони; 12 — Ленес; 13 — Ранкю капе-ниек; 14 — Гобдзини; 15 — Алсунгас Калнини; 16 — Кантики; 17 — Иванде; 18 — Лиеливанде; 19 — Пасилциемс; 20 — Дарвдеджи; 21 — Силмалциемс; 22 — Варвес Стрика; 23 — Упесвагари; 24 — Лаукмуйжа; 25 — оз. Вилкумуйжас; 26 — Талси; 27 — Вега; 28 — Зуннас; 29 — кладбище Маткуле; 30 — Кандава; 31 — Тукумс; 32 — Калвенес Сермули; 33 — Тояты

рять, что это характерная для куршей привеска в XI—XIV вв. На это указывает и тот факт, что полные аналогии им известны только в Литве. Также местной формой можно считать и объемные птички-привески, что нельзя сказать о конышковых привесках. Ношение зооморфных привесок, вероятно, обусловлено ливским влиянием.

В памятниках Курземе X в. привесок почти нет, их количество и разнообразие в куршских могильниках возрастает начиная с XI в. Именно с этого времени в погребениях появляются зооморфные привески, крестики, привески — предметы быта. Это можно связать с продвижением куршей на север и взаимодействием их с ливами, для которых, судя по дау-

гавским и гауяским материалам, характерны разные формы привесок. Начиная с XIV—XV вв. количество привесок в погребениях резко уменьшается. Сохраняются лишь бубенчики, привески-клыки. Это, очевидно, связано с влиянием христианства.

- ¹ Latvijas PSR arheoloģija. Rīga, 1974, lpp. 186—188; *Taugaļciņš A. Z.* Балтийские племена на территории Литвы в I тыс. н. э. — В кн.: Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига, 1980, с. 80—88; *Мугуревич Э. С.* Проблема вендов в период раннего феодализма в Латвии. — In: *Berichte über den II Internationalen Kongreß für Slavische Archäologie.* Berlin, 1973, Bd. 2, S. 291—299.
- ² A 7624: 17; *Moora H.* Pirmatnējās kopienas iekārtaun agrā-feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīga, 1952, lpp. 125, 126.
- ³ A 7627: 27.
- ⁴ A 9306: 138.
- ⁵ A 10465: 12; LM 13042; A 7629: 2; Latvijas PSR arheoloģija, tab. 49, 20.
- ⁶ *Nagevičius V.* Das Gräberfeld von Prižmonti. — CSAB, Rīga, 1931, S. 349, Taf. VIII, 3, 4.
- ⁷ Latvijas PSR arheoloģija, tab. 53, 19.
- ⁸ *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979, с. 58; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982, с. 267.
- ⁹ A 7266: 1; Latvijas PSR arheoloģija, tab. 50, 7.
- ¹⁰ Latvijas PSR arheoloģija, tab. 53, 11; *Bähr F. K.* Die Gräber der Liven Dresden, 1850, Taf. X, 1; Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga 1896. R., 1896, Taf. 27, 15.
- ¹¹ *Šnore E.* Izrakumi agro vēsturisko laiku kapulaukā Fūrkalnes pag. Darvedžog. — SM, 1937, II, lpp. 63, att. 7, 25, 29.
- ¹² Latvijas PSR arheoloģija, tab. 53, 10; tab. 59, 11, 12.
- ¹³ *Седов В. В.* Восточные славяне..., с. 267, табл. XXVII, 3; *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981, с. 26.
- ¹⁴ *Baulsen P.* Axt und Kreuz in Nord- und Osteneurora. Bonn, 1956, S. 206.
- ¹⁵ *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 60.
- ¹⁶ *Даркевич В. П.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. — СА, 1961, № 4, с. 91—102; *Иванов В. В.* К этимологии балтийского и славянского названия бога грома. — *Вопр. славянского языковедения*, 1958, вып. 3, с. 101, 112.
- ¹⁷ *Даркевич В. П.* Топор как символ Перуна..., с. 95; *Paulsen P.* Axt und Kreuz..., S. 11.
- ¹⁸ A 11668, 32; A 11668, 33; A 11669, 13; У 8514, 27.
- ¹⁹ У 7644, 20; A 11726, 11; A 11681, 30; A 9137, 3; A 7868, 25, 26.
- ²⁰ A 11743, 4.
- ²¹ A 10994, 1172.
- ²² *Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII amžiuje.* Vilnius, 1981, t. 2, p. 64, 136, pav. 5, 7. О. Кунцене считает зооморфные привески импортом из Новгорода, что, по-видимому, не совсем верно.
- ²³ A 11673, 7; A 8514, 26; Latvijas PSR arheoloģija, tab. 49, 19.
- ²⁴ A 7266, 10; Latvijas PSR arheoloģija, tab. 50, 8.
- ²⁵ A 9309, 1.
- ²⁶ *Ginters V.* Daugmales pilskalna 1936, g. izvakumi. — SM, 1936, 4, lpp. 102, att. 17, 7, 8.
- ²⁷ *Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII amžiuje*, p. 64, 136.
- ²⁸ *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения..., с. 21, табл. 5; *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 28, рис. 8; *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. Л., 1981, с. 12.
- ²⁹ *Хирвилуото А.* Связи между Финляндией и районом Рижского залива в эпоху викингов и крестовых походов. — В кн.: *Финно-угры и славяне.* Л., 1979, с. 106, рис. 2.
- ³⁰ A 11741, 49; A 11669, 14.
- ³¹ A 9306, 122.
- ³² A 9306, 123.
- ³³ ГИМ, 29/38а.
- ³⁴ *Хирвилуото А.* Связи между Финляндией..., с. 106.
- ³⁵ *Ūrtāns V.* Plastiskie bronzas zirdzini. — АЕ, 1974, XI, lpp. 212, 214.
- ³⁶ *Ūrtāns V.* Plastiskie bronzas zirdzini..., lpp. 214.
- ³⁷ *Zariņa A.* Dažu Mārtiņšalas kapsētas kapu senlietu kompleksi ar stilizētu dzīvnieki figūru piekariņiem. — АЕ, 1974, XI, lpp. 251.
- ³⁸ *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения..., с. 55.
- ³⁹ *Zariņa A.* Dažu Mārtiņšalas kapsētas..., lpp. 251.
- ⁴⁰ *Zariņa A.* Dažu Mārtiņšalas kapsētas..., lpp. 250.
- ⁴¹ *Ūrtāns V.* Plastiskie bronzas zirdzini, lpp. 215; *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения..., с. 56.
- ⁴² *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения..., с. 56; *Седов В. В.* Восточные славяне..., с. 267.
- ⁴³ *Голубева Л. А.* Коньковые привески верхнего Прикамья. — СА, 1966, № 3, с. 82.
- ⁴⁴ *Karņups A.* Dzīvnieku gaidvaskausi Talsu pilskalnā. — SM, 1937, 4, lpp. 98, 107.
- ⁴⁵ *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия...; *Мугуревич Э. С.* Krustiņveida piekariņi: Latvija laika 110, 11. līdz 15 as. — АЕ, 1974, XI, lpp. 220—239.
- ⁴⁶ *Мугуревич Э. С.* Krustiņveida piekariņi..., lpp. 220; *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия..., с. 63; *Журжалина Н. П.* Датировка древнерусских привесок-амулетов. — СА, 1961, № 2, с. 132; *Мальм В. А.* Крестики с выемчатой эмалью. — В кн.: *Славяне и Русь.* М., 1968, с. 117; *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 51.

- ⁴⁷ *Mugurēvičs E.* Krustinveida piekarņi. . ., lpp. 224; LM 8960.
- ⁴⁸ *Ibid.*, lpp. 222; 890/179.
- ⁴⁹ *Ibid.*, lpp. 223; A 7266/12.
- ⁵⁰ *Ibid.*, lpp. 225; *Седова М. В.* Ювелирные изделия. . ., с. 51.
- ⁵¹ ГИМ, 27/46а; ГЭ, 890/149; У 9553, 10.
- ⁵² А 9437, 5, 6, 7; *Mugurēvičs E.* Krustiņveida piekarņi. . ., lpp. 230, att. 2, 39, 41, 42.
- ⁵³ *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия. . ., с. 74; *Mugurēvičs E.* Krustiņveida piekarņi. . ., lpp. 231.
- ⁵⁴ *Даркевич В. П.* Символика небесных светил в орнаменте Древней Руси. — СА, 1960, № 4, с. 58.
- ⁵⁵ *Даркевич В. П.* Символика небесных светил. . ., с. 56.
- ⁵⁶ *Журжалина Н. П.* Датировка древнерусских привесок. . ., с. 138; *Седова М. В.* Ювелирные изделия. . ., с. 156.
- ⁵⁷ *Kunciene O.* Sariņ senkapis. — In: Lietuvos archeologija. Vilnius, 1979, p. 93, pav. 22; *Volkaitė-Kulikauskienė R., Luchtanas A.* Narkūņ senkapio. 1976 m. tyrinejimai. — In: Lietuvos archeologija, p. 107, pav. 4.
- ⁵⁸ *Журжалина Н. П.* Датировка древнерусских привесок. . ., с. 140.
- ⁵⁹ *Седова М. В.* Ювелирные изделия. . ., с. 156.
- ⁶⁰ Latvijas PSR archeoloģija, lpp. 190; *Седов В. В.* Восточные славяне. . ., с. 267.
- ⁶¹ *Седов В. В.* Восточные славяне. . ., с. 256.
- ⁶² *Даркевич В. П.* Символика небесных светил. . ., с. 59, 60.
- ⁶³ *Мугуревич Э. С.* Находки раковин каури на территории Латвии. — Изв. АН ЛатвССР, 1962, № 7, с. 41.
- ⁶⁴ *Мугуревич Э. С.* Находки раковин каури. . ., с. 46.
- ⁶⁵ *Гуревич Ф. Д.* Украшения со звериными головками из Прибалтийских могильников: К вопросу о культе земли в Прибалтике. — КСИМК, 1947, вып. 15, с. 68—75.
- ⁶⁶ Latvijas PSR archeoloģija, lpp. 217; *Седов В. В.* Восточные славяне. . ., с. 267.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

РЕЗНАЯ РУКОЯТЬ САБЛИ XV в. ИЗ ТВЕРИ

Опубликованная в свое время А. К. Жизневским резная рукоять сабли (рис. 1, 2)¹ до Великой Отечественной войны хранилась в музее г. Калинин и в настоящее время утрачена. Она привлекает к себе внимание тем, что украшена большим числом отдельных, преимущественно зооморфных изображений. Эта черта рукояти заставляет видеть в ней уникальный памятник, заслуживающий специального внимания. В свое время А. К. Жизневский датировал рукоять XV в., причем обосновывал свою датировку сходством сюжетов резьбы и изображений на тверских монетах. Учитывая специфику резьбы по кости и монетных штемпелей, такую аналогию трудно назвать удачной. Кроме того, набор образов на рукояти обнаруживает близость с монетными типами удельного периода лишь самого общего характера, и неисключительно с тверскими.

В настоящее время можно указать более важные аналогии для датировки рукояти. Это также произведения косторезного ремесла — три посоха, украшенные богатым и разнообразным, по преимуществу зооморфным декором, датируемые двумя последними десятилетиями XV в.² Хотя они украшены, в отличие от рукояти сабли, прорезными изображениями, их декор, по существу, основан на том же принципе сплошного использования практически всей украшаемой поверхности множеством отдельных мелких изображений. Есть и более конкретные черты сходства. На обоих резных посохах Оружейной палаты имеется по одному изображению двуглавого орла. Подобное изображение представлено и в резьбе рукояти. На рукояти одного из посохов Оружейной палаты изображена человеческая голова в короне; на рукояти сабли таких голов две. Сходны и детали некоторых традиционных образов в резьбе посохов и рукояти сабли. Например, грифоны (крылатые четвероногие), которые в искусстве домонгольского периода изображались преимущественно с птичьими головами, в резьбе по кости XV в. всегда имеют звериные головы.

О декоре рукояти сабли в настоящее время мы можем судить по иллюстрации в книге А. К. Жизневского. Кроме этого рисунка, сохранилась фотография рукояти в альбоме тверских древностей, поднесенном в 1892 г.

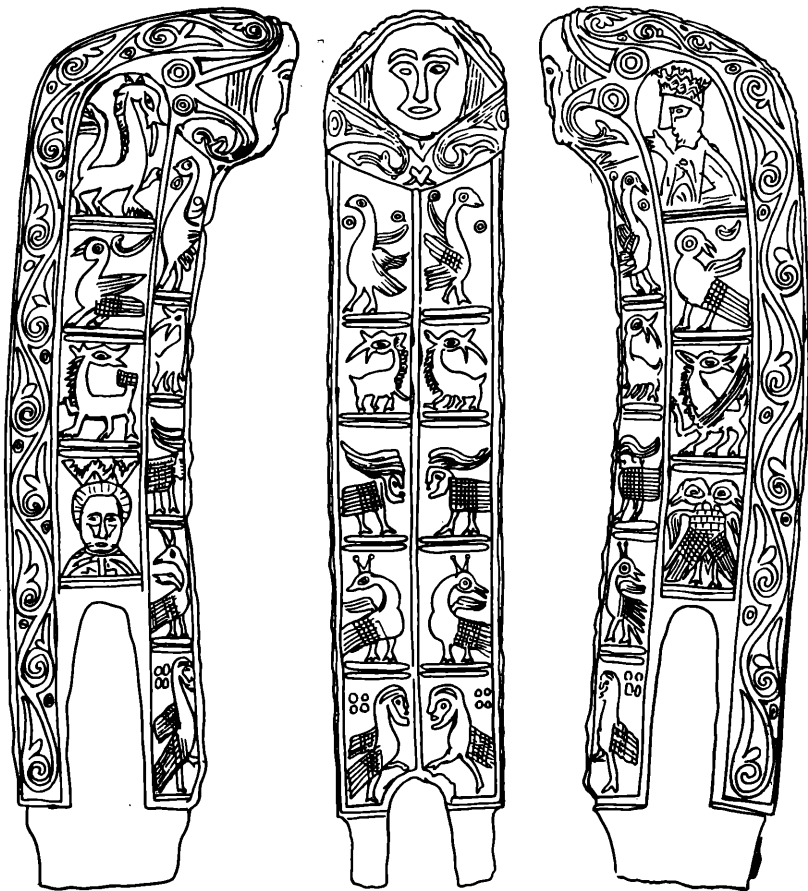


Рис. 1. Резная рукоять сабли из Твери (по А. К. Жизневскому)

великому князю Владимиру Александровичу. Этот фотоальбом, о существовании которого мне любезно сообщил Ю. М. Лесман, в настоящее время хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина³.

Отметим, что и фотография рукояти с двух сторон и ее рисунок с трех сторон не вполне соответствуют описанию А. К. Жизневского. Согласно его описанию, изображения на рукояти «кроме орнамента, состоят из 22 фигур». Между тем на прилагаемом рисунке видно лишь 19 отдельных изображений. Можно предполагать, что еще три изображения находились на четвертой (задней) грани рукояти.

Согласно описанию А. К. Жизневского, рукоять была изготовлена из мамонтовой кости. Трудно сказать, насколько бесспорно в данном случае его определение. Мамонтовая кость действительно использовалась русскими косторезами.

Вместе с тем известно, что обычно для изготовления рукоятей использовался моржовый клык, т. е. тот же материал, из которого изготовлены три уже упоминавшихся посоха. Вот что пишет по этому поводу Герберштейн: «Охотники гоняются за этими животными (моржами. — А. Ч.) из-за одних только зубов их, из которых москвиты, татары, а главным образом турки искусно изготовляют рукоятки мечей и кинжалов и используют ими скорее в качестве украшения, чем для нанесения особенно тяжелых ударов (как баснословят некоторые)», «наши земляки считают эти зубы за рыбы и так их называют»⁴. В этом сообщении Герберштейна важно указание на распространение резьбы по моржовому клыку в «Московии»; интересно его сообщение о существовании поверья,



Рис. 2. Фотография рукояти (из фотоальбома «Тверская старина»)

приписывающего оружию с подобными рукоятками особые боевые свойства. Рыбьим зубом называли моржовый клык не только земляки Герберштейна, но и русские.

А. К. Жизневский полагает, что рукоять принадлежала мечу или охотничьему ножу. С этим трудно согласиться. Рукояти подобной формы наиболее характерны для сабель, хотя в XVII в. встречаются и у палашей. Длина рукояти — 2,5 вершков (около 11 см), толщина — около $\frac{3}{4}$ вершка (примерно 3,5 см).

Головка рукояти, по описанию А. К. Жизневского, завершается «головой, по-видимому, львиной». Более внимательное рассмотрение завершения рукояти сабли приводит к иной трактовке. Эта голова имеет вполне человеческие черты и никаких дополнительных признаков, сближающих ее с львом, не имеет. Особенности оформления головки сабли позволяют истолковать контекст, в котором она представлена.

Окружающие голову орнаментальные элементы образуют вокруг нее стилизованную пасть змея-дракона (возле углов «пасти» имеются условные изображения глаз, подтверждающие правильность такой трактовки). Изображение человеческой головы в пасти чудовища — чрезвычайно популярный мотив романского искусства, отражающий идею гибели грешника в пасти дьявола. Подобная символика была известна и на Руси. Звери, из пастей которых высовываются человеческие головы и другие части тела, нередко изображались в связи с темой Страшного суда⁵. Попадавшие на Русь произведения романского искусства, на которых

представлены человеческие головы в пасти чудовищ⁶, понимались здесь в соответствии с замыслом западных мастеров. Об этом свидетельствует надпись на Сигтунских (Корсунских, Магдебургских, Плоцких) дверях Новгородского Софийского собора, на которых рядом с львиной маской, в пасти у которой видно несколько человеческих голов, написано «ад пожирае грешных»⁷. Характерно, что в отличие от других надписей на дверях, которые являются переводом помещенных рядом латинских, эта надпись не имеет латинского двойника и, очевидно, представляет собой оригинальный русский комментарий.

В применении к объекту, на котором имеется данное изображение, — оружию оно отражает характерное средневековое представление о войне, как божьем суде, причем, вероятно, в какой-то степени воспринималось как амулет, наделенный вредоносной магической силой по отношению к противнику владельца оружия и охранительной по отношению к нему самому. Подобное завершение придает всей рукояти и вообще всей сабле в целом зооморфный облик змея-дракона. Представление о сказочном оружии-чудовище известно в древнерусской литературе — это «меч-самосек аспид-змей» царя Навуходоносора в «Сказании о Вавилонском царстве»⁸. Этот чудесный меч к тому же был наделен чертами меча-кладенца (Навуходоносор замуровывает его в стену и завещает не использовать).

В домонгольское время подобные навершия рукоятей мечей и сабель на Руси неизвестны, но в XVI—XVII вв. зооморфные завершения рукоятей сабель встречаются. Они придают всему оружию облик чудовища, наносящего удары своим хвостом. Единственный случай придания на Руси зооморфного облика оружию в более раннее время — это стилизованное изображение меча, нацарапанное на восточной монете X в.⁹ При этом навершие меча зооморфных черт не имеет, а удлинившееся перекистие приобретает вид крыльев. Очевидно, и в данном случае изображение отражает популярный фольклорный образ меча-самосека, который сам собой вылетает из ножен и рубит противника.

Образ змея считался на Руси по преимуществу демоническим. Тем не менее нет оснований считать, что оружие, украшенное подобным образом, рассматривалось как что-то демоническое. Древнерусская символика нередко допускала отвлечение от основного общеизвестного значения образа. Об этом свидетельствует, например, известное сравнение князя со змеем у Даниила Заточника: «якоже змий страшен свистанием своим, тако и ты, княже, страшен множеством вои»¹⁰. В этом тексте символика образа змея включает прежде всего представление о воинской доблести, воспринимаемой как прямая аналогия хищности лютых зверей и сказочных чудовищ.

Наличие на рукояти более мелких изображений, находящихся как бы на теле змея, — черта, исторически восходящая к древним языческим представлениям о мировом змее. В приложении к представлениям XV в. такое сочетание образов могло отражать менее конкретные представления об огромном волшебном существе. Возможно также, что мелкие существа на «теле змея» отражают представления об оборотничестве (можно вспомнить легенды о колдунах, при сожжении тела которых необходимо было бросать в огонь всех мелких животных, которые выползали из трупа, — иначе колдун избегал смерти)¹¹.

Рассмотрим отдельные изображения животных на рукояти. Поскольку в их расположении прослеживается стремление к своеобразной симметрии, они будут рассматриваться попарно, вначале на обеих боковых гранях рукояти, затем на двух смежных гранях в ее передней части.

На каждой боковой грани представлено по четыре отдельных изображения, вытянутых в один вертикальный ряд. Все эти изображения, кроме двух верхних, вписаны в прямоугольные рамки. Верхние изображения ограничены сверху полукруглыми завершениями. Нижние изображения отделяются от верхних двойной выпуклой чертой. От изображений на передних гранях и от орнамента, украшающего тыльную часть рукояти,

ряды изображений на боковых гранях отделены одиночными линиями.

Рассмотрим изображения в этих рядах попарно, начиная сверху вниз.

1 — зверь вправо с поднятой передней лапой. Подобная поза неоднократно встречается в резьбе посохов. Отличительная особенность зверя — очень длинная шея, вероятно, обусловлена формой рамки, в которую вписано изображение.

2 — полуфигура человека влево в короне. Правая рука приподнята (жест обращения?). По повороту фигуры и жесту составляет симметричную пару с изображением 1.

3 — сидящая птица влево. Сзади головы — неясный объект в виде кривой линии — схематический полумесяц?

4 — птица влево, голова повернута назад; сзади головы — изображение, подобное имеющемуся рядом с птицей 3. Птицы поставлены в аналогичных местах как подобные объекты, что подтверждается и наличием в обоих случаях «полумесяцев». Различное положение голов птиц связано с представлением о симметрии.

5 — зверь влево с приподнятой лапой, голова повернута назад.

6 — существо в той же позе и с теми же чертами, за исключением одной детали — в данном случае оно с крыльями (т. е. грифон). Парность этих двух изображений сомнения не вызывает.

7 — оплечное изображение человека в короне, анфас.

8 — двуглавый орел. Имеет интересные иконографические особенности. Крылья очень малы; хвостов два, по обе стороны от ног (и небольшой «рудимент» хвоста между ногами). Таким образом, тип животного — «сиамского близнеца» здесь показан более ярко, чем на обычных изображениях двуглавого орла, и при этом трактован уникально. Это один из аргументов в пользу того, что, появившись на Руси, иконография двуглавого орла не сразу была в полной мере осознана как качественно новая политическая эмблема, и в ней в значительной мере видели сказочное существо. Изображения 7 и 8 перекликаются как два фронтальных и симметричных.

Отметим, что и верхняя пара — 1 и 2 и наиболее нижняя в этом ряду — 7 и 8 состоят из образов человека в короне и животного. В одном случае человек сопоставлен с «лютым зверем» — наиболее популярной феодальной эмблемой Древней Руси, во второй — с двуглавым орлом, новой эмблемой, в дальнейшем гербом Русского централизованного государства.

Изображения на смежных передних гранях занимают большую длину, так как их не загораживали боковые расширения перекрестия сабли. Здесь в двух вертикальных рядах размещено по пять изображений. Они отделяются друг от друга и от других частей рукояти так же, как и изображения на боковых гранях. Они вписаны в прямоугольные рамки, за исключением наиболее верхних, имеющих трапецевидную форму. Нижние рамки имеют срезанные углы, образованные пазом для соединения рукояти с клинком и перекрестием. Линии, разделяющие верхние изображения от нижних, не совпадают с разделяющими изображения на боковых гранях. В отличие от боковых граней, на которых парность и симметрия изображений, занимающих аналогичные места, отражается лишь в их отдельных чертах, смежные изображения передних граней объединены точной зеркальной симметрией.

9, 10 — стоящие птицы с длинными шеями, спиной друг к другу. По сторонам голов по кружку (астральные символы — звезды?).

11, 12 — четвероногие, близкие № 5, идущие друг к другу, с головами, повернутыми назад.

13, 14 — длинноволосые сирины лицом друг к другу.

15, 16 — сидящие птицы с головами, повернутыми назад. На головах — характерные венчики (павлины?).

17, 18 — идущие навстречу друг другу сирины. Волосы на головах не показаны. Вероятно, это в отличие от 13, 14 не женские, а мужские си-

рины. В резьбе посохов Оружейной палаты также представлены сирины мужского пола. Сзади голов сиринов фигура из четырех точек.

Отметим, что устойчивое стремление резчика к симметрии, повторяемости в пределах каждой пары, сочеталось с тенденцией варьировать позы существ, расположенных в разных ярусах, с тем, чтобы избежать их однообразия, во всяком случае, у смежных изображений. Действительно, верхний ярус — положение спиной друг к другу, затем — фигуры движутся навстречу, но головы повернуты назад, далее движение опять направлено навстречу, причем головы ориентированы также, затем поза четвертой пары повторяет композицию второй, а пятой пары — позу третьей.

Сравнение изображений боковых и передних граней показывает, что первые были более идеологически значимыми (здесь имеются изображения людей в коронах и двуглавый орел). Это связано с тем, что боковые грани рукояти были в большей степени на виду. Более осмысленные ряды изображений менее строго подчиняются требованиям симметрии. Это вполне естественно, так как симметрия — характернейшая черта орнаментального, декоративного начала в искусстве. Расположение изображений в наиболее осмысленных боковых рядах показывает, что наиболее значимые пары изображений, включающие коронованных людей, завершают эти вертикальные ряды сверху или снизу, тогда как изображения центральной части этих рядов, по существу, идентичны декоративным образам передних граней рукояти.

Кроме рассмотренных сюжетных изображений, рукоять украшена с тыльной стороны двумя продольными орнаментальными бордюрами. Основной мотив — вьюн был популярен в древнерусском прикладном искусстве на протяжении ряда столетий. Трактовка вьюна на рукояти не имеет специфических черт и не дает оснований для конкретизации представлений о резьбе рукояти.

Наличие в резьбе рукояти изображения двуглавого орла, коронованных голов и общий характер зооморфных образов, как уже говорилось, находят аналогию в резьбе посохов Геронтия и Оружейной палаты. По своему значению декор рукояти также вполне определенно связывается с идеей власти. Учитывая сравнительно небогатый декор на немногочисленных сохранившихся образцах оружия, принадлежавших русским князьям середины XV—начала XVI в.¹², следует полагать, что данная резная рукоять с необычно богатым для своего времени декором принадлежала весьма влиятельному человеку. Как известно, в XIV—XV вв. в роли важнейшей регалии княжеской власти выступала сабля (именно «сабля золота», а не меч упоминается в заветах великих князей московских)¹³. Можно полагать, что сабля, для которой была изготовлена рукоять со столь богатым и идеологически значимым декором, была связана с владетельным князем. Учитывая наличие на рукояти двух изображений в коронах, одно из которых соотносено с двуглавым орлом, а другое — с «лютым зверем», можно предполагать, что сабля принадлежала сыну или внуку Ивана III, сидевшим в Твери. При этом данные изображения можно интерпретировать как отражение власти двух князей, один из которых находился в вассальной зависимости от другого.

Изготовление рукояти сабли должно датироваться после 1486 г. (падение независимости Твери). Такая дата соответствует и особенностям декора рукояти в общем контексте эволюции светских образов резьбы на предметах, связанных с идеей власти. На посохе Геронтия (1481 г.) и первом посохе Оружейной палаты ни один персонаж, представленный в резьбе, короны не имеет; она появляется лишь на втором посохе Оружейной палаты, наиболее позднем из этих трех объектов. По-видимому, рукоять следует датировать тем же или несколько более поздним временем.

Основное значение резной рукояти сабли конца XV в. из Твери состоит в том, что это еще одна серия светских (преимущественно зооморф-

ных) образов в прикладном искусстве XV в. Само назначение этой рукояти, как части боевого оружия, указывает на связь таких образов с представлениями, бытовавшими в среде воинов-феодалов.

- ¹ *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. М., 1888, с. 191, 192.
- ² *Чернецов А. В.* Три резных посоха XV в. — СА, 1980, № 2.
- ³ Тверская старина. Его императорскому высочеству великому князю Владимиру Александровичу Тверской музей челом бьет. 13 июня 1892 г. Тверь: Типо-литография Ф. С. Муравьева. Этот альбом с подзаголовком: Альбом фотографий памятников искусства до XVI в. включительно, хранящихся в Тверском музее, хранится в ГПБ, шифр $\frac{\text{Э Ал Ис 600}}{3-2}$, инв. № Эп 957. Рукоять сабли представлена на табл. 47 альбома.
- ⁴ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 91, 191.
- ⁵ См., например: *Каргер М. К.* Древнерусская монументальная живопись. М.; Л., 1963, табл. 75.
- ⁶ *Даркевич В. П.* Остерская находка. — КСИА, 1962, вып. 87, с. 88—91, рис. 31.
- ⁷ *Аделунг Ф.* Корсунские врата, находящиеся в новгородском Софийском соборе. М., 1834, с. 21, 22, рис. 3, 15.
- ⁸ *Тихонравов Н.* Летописи русской литературы и древности. М., 1861, т. III, с. 22.
- ⁹ *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Автографы русских дружинников на восточных монетах VIII—X вв. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Л., 1981, с. 523—525.
- ¹⁰ *Зарубин Н. Н.* Слово Даниила Заточника по редакции XII—XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, с. 66.
- ¹¹ *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М., 1957, т. 3, с. 115.
- ¹² *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. XIII—XVI вв. М., 1976, с. 105—117; Опись Московской Оружейной палаты. М., 1885, ч. IV, кн. III, с. 279—281 (№ 6178).
- ¹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950, с. 16, 18, 25.

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВИДОВ

КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ XIII в. ИЗ БОЛГАР

В 1980 г. на Болгарском городище во время работ Поволжской археологической экспедиции ИА АН СССР на раскопе М. Д. Полубояриновой был найден клад, содержащий 121 серебряную монету в маленьком сосудике (рис. 1). Все монеты оказались джучидскими XIII в. Младшая датированная монета выдата в 681 г. х., что относит время зарытия клада к началу 1280-х годов (рис. 2, 3, 4).

Клад содержит монеты, чеканенные в Болгаре, Биляре, Сарая и без указания места чекана.

Монеты Болгара — 46 экз. (38 %)
 Монеты Биляра — 29 экз. (24 %)
 Монеты Сарая — 1 экз. (1 %)
 Монеты без обозначения города — 41 экз. (34 %)
 Неясные — 4 экз. (3 %)
 Итого. 121 экз. (100 %)

I. Монеты Болгара и без обозначения города

1) Анонимная, Болгар, без обозначения года.

Л. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке легенда в две строки: طمغای // عالی — Тамга // главная. В середине второй строки тамга дома Бату. На всех монетах клада эта тамга имеет перекладину у правой ножки.

О. с. В такой же рамке легенда в две строки: ضرب // بلغار Чекан // Болгара. Между строками три штриха веером и звездочка.

3 экз., отличающихся расположением точек, штемпеля все разные. Вес: 1,00; 1,14; 1,31 (здесь и ниже веса даются в граммах).

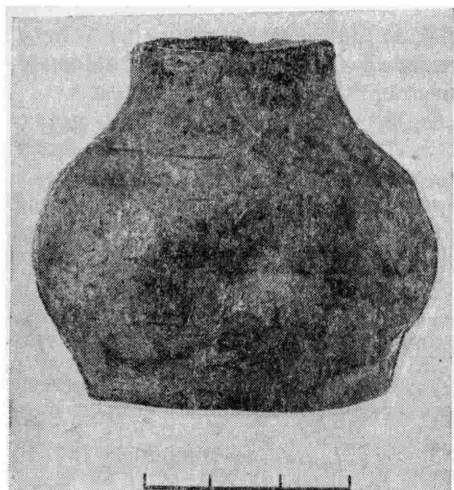


Рис. 1. Сосудик, в котором был найден клад

Такие монеты есть в первом Болгарском кладе 1967 г. (1 экз.)¹, в Альменьевском кладе (46 экз.)², в собрании ГИМ³ и ГМТ⁴. Веса этих монет распределяются следующим образом:

0,98 — 1	1,19 — 1	1,27 — 5
1,00 — 1	1,20 — 5	1,28 — 2
1,10 — 1	1,21 — 2	1,28 — 2
1,14 — 1	1,22 — 6	1,30 — 3
1,15 — 2	1,23 — 2	1,31 — 1
1,16 — 1	1,24 — 3	1,32 — 1
1,17 — 2	1,25 — 3	1,40 — 3
1,18 — 1	1,26 — 3	

Наиболее часто встречаются монеты с весом между 1,20—1,27 г.

2) Менгу-Тимур, без обозначения города, 671 г. х. (1272/1273 гг.).

Л. с. В круглой тройной линейной, точечной и линейной рамке тамга дома Бату. Вокруг легенда: $\text{منكو} // \text{تمور} // \text{العادل} // \text{٧١}$ Менгу//Тимур // Справедливый // 671

О. с. В такой же рамке легенда в три строки:

لا اله الا الله وحده // لا شريك له

Нет бога // кроме Аллаха единого // нет товарища ему.

3 экз., чеканенных одной парой штемпелей. Вес: 0,99 — 1; 1,04 — 1; 1,06 — 1.

Сходная монета опубликована Х. М. Френом⁵. Дату он читал как 676 или 679 г. х.

3) Анонимная, Болгар, 673 г. х. (1274/1275 гг.).

Л. с. В круглой тройной линейной, точечной и линейной рамке тамга дома Бату. Вокруг нее легенда в четыре строки:

العز // الدايمو // الرب القا // دم

— Слава // вечная и // господь сущ//ий.

О. с. В такой же рамке прямоугольная точечная рамка. В ней легенда в две строки: $\text{الدرهم} // \text{ضرب بلغار}$ — Дирхем // чекан Болгара. Вокруг прямоугольной рамки три виньетки. Под ней дата $\text{٧٣} — 673$.

16 экз., чеканенных 13 парами штемпелей. Вес: 1,25 — 1 (обл.); 1,40 — 1 (обл.); 1,40 — 1; 1,42 — 1; 1,45 — 3; 1,46 — 1; 1,48 — 2; 1,49 — 2; 1,50 — 1; 1,51 — 2; 1,52 — 1.

4) То же, что 3, дата не видна.

5 экз., чеканенных 2 парами штемпелей. Вес. 1,44 — 1; 1,50 — 2; 1,53 — 2.

Такие монеты, как 3 и 4 опубликованы Х. М. Френом⁶. Есть они в ГИМ⁷.

5) Менгу-Тимур, Болгар, 673 г. х. (1274/1275 гг.).

Л. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке тамга дома Бату. Вокруг легенда:

هذا // الدرهم // ضرب فى بلغار

Этот // дирхем // чеканен в Болгаре. Под тамгой арабская цифра 8 с точкой.

О. с. В такой же рамке легенда в три строки: $\text{منكو} // \text{تمو} // \text{الاعظم} // \text{٧٣}$ —

Менгу-Тимур // Высочайший // 673.

1 экз. Вес: 1,54.

Такие монеты опубликованы Х. М. Френом⁸ и есть в Альменьевском кладе (2 экз.).

6) То же, что 5. Дата ۷۷۸ 678 (1279/1280 гг.). Другое расположение точек на обеих сторонах.

1 экз. Вес: 1,49.

7) То же, что 5. Дата не видна.

2 экз., разных пар штемпелей. Вес: 1,44 — 2.

8) Менгу-Тимур, Болгар, 678 г. х. (1279/1280 гг.).

Л. с. в круглой точечной рамке треугольная точечная рамка. В треугольной рамке тамга дома Бату и легенда в одну строку: ضرب بلغار — Чекан Болгара. Под тамгой фигура в виде арабской цифры 8. В секторах легенда: العادل // قان // منكم تمور — Менгу-Тимур // Каан // Справедливый.

О. с. В такой же рамке легенда в две строки: الله // توکل // علی — Уповай // на Бога. В секторах легенда: ۷۷۸ // سنة // محرم — Мухаррем // года // 678.

12 экз., чеканенных 6 парами штемпелей, отличающихся на л. с. наличием или отсутствием фигуры в виде цифры 8 под тамгой, на о. с. — расположением легенды в секторах. Вес: 0,92 — 1; 0,94 — 1; 0,95 — 1; 1,00 — 1; 1,40 — 1; 1,42 — 1; 1,43 — 1; 1,50 — 1; 1,51 — 1; 1,52 — 1; 1,55 — 2.

Сходная монета опубликована Х. М. Френом⁹.

На этих монетах есть титул «каан» в применении к имени Менгу-Тимура, который кааном не был, а был только ханом. Титул «каан» принадлежал верховному правителю монголов, в те годы Хубилаю. Помещение этого титула на монетах Менгу-Тимура говорит о далеко идущих притязаниях этого джучидского хана.

9) Анонимная, без обозначения города, 675 г. х. (1276/1277 гг.).

Л. с. В круглой линейной рамке рамка из 6 дуг с точками в секторах. В рамке тамга дома Бату с двумя звездами по сторонам.

О. с. В круглой двойной линейной рамке легенда в две строки: الملك // 675 — Царство // 675. Внизу виньетка.

1 экз. Вес — 0,84.

10) То же, что 9. Дата ۷۷ — [6]77 (1278/1279 гг.).

1 экз. Вес: 0,56.

11) Анонимная, без обозначения города и года.

Л. с. как л. с. 9. Вместо звездочек — точки.

О. с. как о. с. 9. Вместо цифр слово لله — Богу.

4 экз., чеканенных 2 парами штемпелей. Вес: 0,49 — 1; 0,52 — 1; 0,82 — 1; 0,91 — 1.

Такие монеты, как 11, есть в первом Болгарском кладе 1967 г. (1 экз.)¹⁰ и в ГИМ¹¹.

12) Менгу-Тимур, без обозначения города и года.

Л. с. В круглой двойной линейной рамке прямоугольная линейная рамка. В ней тамга дома Бату с вертикальными рядами точек по бокам. Вокруг этой рамки легенда: العلم لله // الواحد // القهار // عزيز

Кротость по отношению к богу // Единому // Всесильному // Всемогущему.

О. с. В круглой двойной линейной рамке прямоугольная линейная рамка с виньетками по сторонам. В рамке легенда в две строки: منكو

العادل // تمور — Менгу-Тимур // Справедливый

5 экз., чеканенных 4 парами штемпелей, отличающихся количеством и расположением точек. Вес: 1,00 — 1; 1,05 — 3; 1,07 — 1.

13) Менгу-Тимур, без обозначения города и года.

Л. с., как л. с. 12. Легенда видна только слева и сверху: Аллах... // единый ... // ... // الواحد

О. с. как о. с. 12. Виньетки справа и слева заменены вертикальными рядами точек.



Рис. 2. Монеты клада (1—23)

2 экз. разных пар штемпелей. Вес: 1,04 — 1; 1,06 — 1.

Такая монета есть в ГИМ. Сходная монета опубликована П. С. Савельевым¹².

14) Анонимная, Болгар, без обозначения года.

Л. с. В круглой точечной рамке — рамка из двух пересекающихся квадратов. В ней тамга дома Бату с звездами и завитками по бокам.

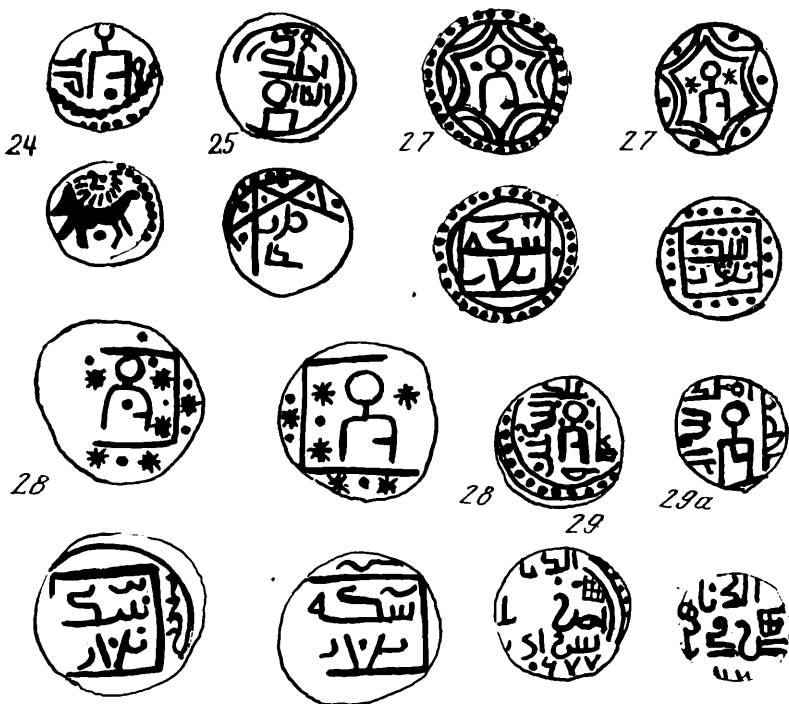


Рис. 3. Монеты клада (24—29а)

О. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке легенда в три строки *بلغار ضر // ب* — чека//н// Болгара. Вверху виньетка. Над второй строкой две фигуры в виде арабских цифр 7. Вряд ли они означают год чеканки.

1 экз. Вес: 1,52.

Такие монеты есть в Альменьевском кладе (22 экз.), в ГИМ¹³ и ГМТ¹⁴. Сходные монеты опубликованы Х. М. Френом¹⁵ и С. А. Яниной¹⁶.

15) Анонимная, Болгар, без обозначения года.

Л. с. Рамка не видна. В середине тамга дома Бату. Слева *ضر* — Чекан. Под ней *بلغار* — Болгар.

О. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке легенда в три строки: *وحدده // لا شريك له* .. .Единобожия // нет товарища // ему.

1 экз. Вес: 1,45.

Такие монеты есть в Альменьевском кладе (8 экз.)

16) Анонимная, Болгар, без обозначения года.

Л. с., как л. с. 15, слово «чекан» помещено справа от тамги. Справа от буквы «гайн» в слове «Болгар» звездочка.

О. с., как о. с. 15.

1 экз. Вес: 1,30.

17) Анонимная, Болгар (?), без обозначения года.

Л. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке двойная линейная рамка из 6 дуг. В ней тамга дома Бату.

О. с. В такой же рамке с точками легенда в одну строку уйгурскими буквами, которую можно прочесть как «Болгар».

3 экз. разных пар штемпелей. Вес: 0,60 — 1; 1,62 — 1; 1,64 — 1.

Близкие монеты есть в первом Болгарском кладе 1967 г. (7 экз.)¹⁷, в ГИМ¹⁸ и ГМТ¹⁹.

Метрологически монеты 2—17 составляют группу с очень большим ремедиумом. Это видно из следующего распределения монет по весам (по материалам кладов, коллекциям ГИМ и ГМТ):

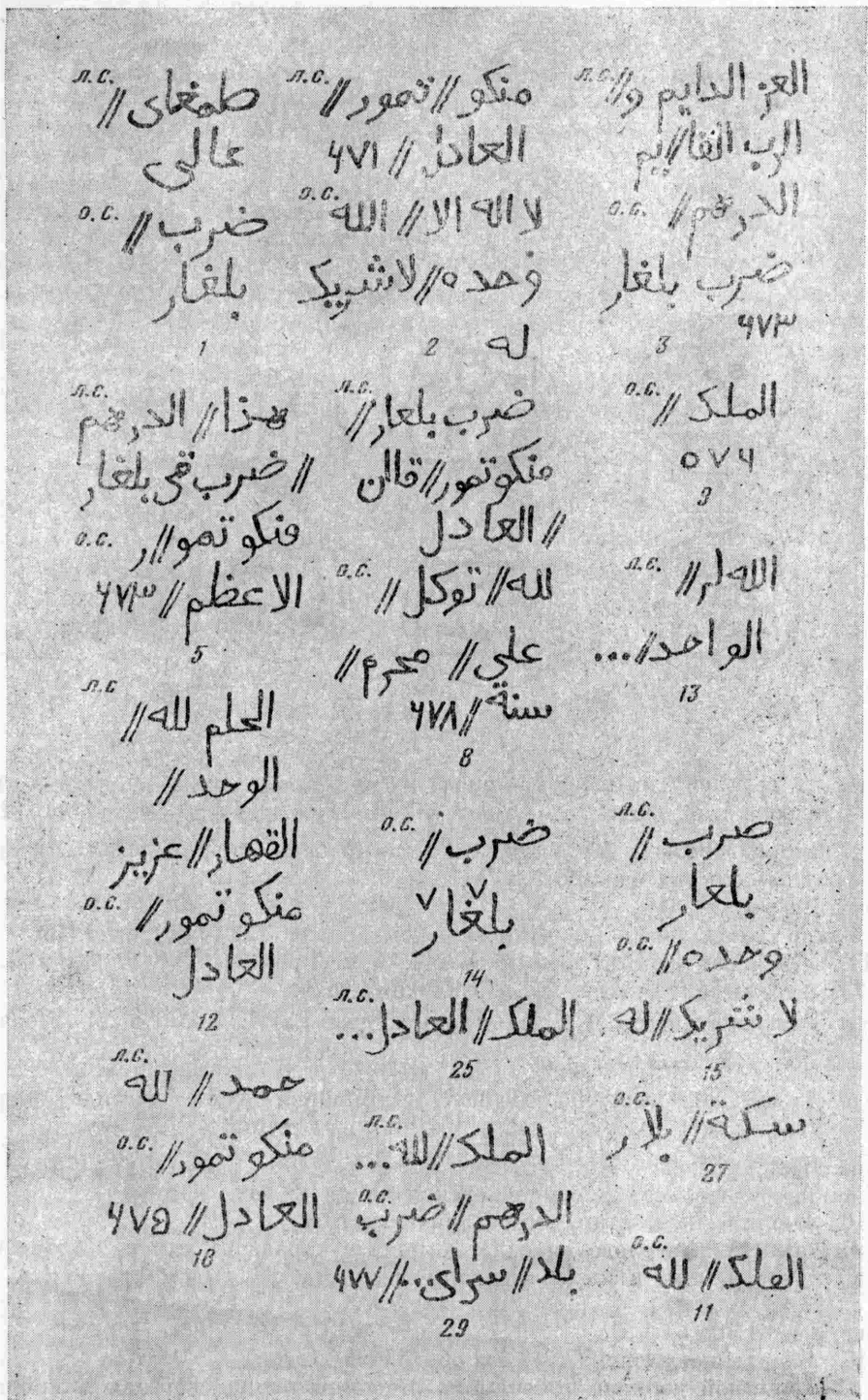


Рис. 4. Арабские легенды на монетах

0,49 — 1	0,76 — 1	0,94 — 1	1,06 — 1	
0,52 — 1	0,82 — 1	0,95 — 1	1,07 — 1	
0,56 — 1	0,84 — 1	0,99 — 1	1,11 — 1	
0,65 — 1	0,91 — 1	1,00 — 1	1,14 — 1	
0,72 — 1	0,92 — 1	1,04 — 1	1,15 — 1	
1,25 — 2	1,42 — 2	1,48 — 5	1,54 — 2	1,66 — 1
1,28 — 1	1,43 — 3	1,49 — 3	1,55 — 5	1,68 — 1
1,30 — 2	1,44 — 3	1,50 — 5	1,56 — 3	1,70 — 1
1,38 — 1	1,45 — 10	1,51 — 7	1,60 — 2	2,90 — 2
1,40 — 2	1,46 — 5	1,52 — 7	1,62 — 1	2,99 — 1
1,41 — 1	1,47 — 1	1,53 — 6	1,64 — 1	3,04 — 1

Наблюдается некоторое преобладание монет с весом 1,45—1,55 г. Может быть, монеты с весом около 3 г являются монетами двойного веса.

18) Менгу-Тимур, без обозначения города, 675 г. х. (1276/1277 гг.). Л. с. В круглой точечной и двойной линейной рамке тамга дома Бату.

Вокруг нее легенда: $\text{محمد} // \text{لله}$ — Хвала // Богу. Слева внизу — украшение в виде ромба с отростками.

О. с. В такой же рамке легенда в три строки:

$\text{منكو تيمور} // \text{العادل} // ٦٧٥$

Менгу-Тимур // Справедливый // 675.

3 экз., чеканенных 2 парами штемпелей. Вес: 1,23 — 1; 1,36 — 1; 1,38 — 1.

Сходная монета с датой 678 г. х. опубликована Х. М. Френом²⁰

19) То же, что 18. На о. с. третья цифра в дате неясна.

5 экз., чеканенных 2 штемпелями л. с. и 3 штемпелями — о. с. Вес: 1,34 — 1; 1,38 — 2; 1,42 — 1; 1,43 — 1.

20) То же, что 18. Дата ٦٨٠ — 680 г. х. (1281/1282 гг.).

1 экз. Вес: 1,30.

21) То же, что 18. Дата ٦٨١ — 681 г. х. (1282/1283 гг.).

1 экз. Лицевая сторона чеканена тем же штемпелем, что л. с. 20. Вес: 1,41.

22) То же, что 18. Вместо даты виньетка.

8 экз., чеканенных 3 парами штемпелей. Вес: 1,35 — 3; 1,36 — 1; 1,39 — 4.

Сходная монета была опубликована Х. М. Френом²¹.

Метрологически монеты 18—22 составляют другую группу. Это видно из следующих данных (по материалам кладов, коллекциям ГИМ и ГМТ).

1,11 — 1	1,34 — 1	1,39 — 4
1,23 — 1	1,35 — 3	1,42 — 1
1,29 — 1	1,36 — 2	1,43 — 1
1,30 — 1	1,38 — 3	

Наблюдается некоторое преобладание монеты с весом 1,35—1,39 г.

23) Анэпиграфная.

Л. с. В круглой двойной линейной и точечной рамке тамга дома Бату.

По сторонам ее две звездочки и орнаментальные петли.

О. с. В такой же рамке — две рыбы.

1 экз. Вес: 1,23.

Сходная монета опубликована С. А. Яниной²². Такая же монета есть в ГИМ²³

24) Анэпиграфная.

Л. с. В круглой двойной точечной рамке тамга дома Бату, слева и справа два завитка.

О. с. В такой же рамке лев — влево, над ним — солнце.

6 экз., чеканенных 2 парами штемпелей. Вес: 0,56 — 2; 0,57 — 1; 0,59 — 2; 0,61 — 1.

Такие же монеты, но со львом — вправо на о. с. есть в Альменьевском кладе (1 экз.).

25) Плохой сохранности.

- Л. с. В круглой линейной рамке тамга дома Бату, над ней легенда в две строки: ...العادل // الملك // — Царь / Справедливый. . .
- О. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке рамка в виде звезды с точками в концах. В рамке легенда, но она не видна.
- 1 экз., Вес: 0,85.
- 26) Плохой сохранности.
- Л. с. В круглой линейной рамке рамка из 6 дуг. В ней тамга дома Бату.
- О. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке круговая нечитаемая легенда вокруг круглой линейной рамки. Внутри этой рамки изображение стерто.
- 1 экз. Вес: 0,57.

II. Монеты Биляр

- 27) Анонимная, Биляр, год не обозначен.
- Л. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке двойная линейная рамка в виде 6 дуг с точками. В ней тамга дома Бату.
- О. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке прямоугольная рамка. В ней легенда в две строки: سكة // بلار — чекан // Биляра.
- 24 экз., чеканенные 20 штемпелями л. с. и столькими же о. с., отличающимися расположением точек и наличием или отсутствием звездочек вокруг тамги, в легенде и вокруг внутренних рамок. Вес: 0,65 — 1; 1,03 — 2; 1,04 — 2; 1,08 — 1; 1,17 — 2; 1,21 — 2; 1,22 — 2; 1,23 — 1; 1,25 — 2; 1,29 — 1; 1,35 — 1; 1,38 — 1; 1,39 — 1; 1,45 — 1; 1,49 — 1; 1,50 — 2; 1,54 — 1.

Такие монеты есть в Альменьевском кладе (3 экз.) и ГИМ²⁴, а также опубликованы С. А. Яниной²⁵.

- 28) Анонимная, Биляр, год не обозначен.
- Л. с. В круглой линейной рамке квадратная линейная рамка. Между ними — точка и звездочки. В ней — тамга дома Бату с четырьмя звездочками в углах рамки.
- О. с. В такой же рамке легенда в две строки, как у о. с. 27.
- 5 экз., все чеканенные разными парами штемпелей, отличающихся точками вокруг и внутри тамги, наличием или отсутствием звездочек и точек в секторах на л. с. и виньеток в секторах о. с. Вес: 1,31 — 1; 1,59 — 1; 1,60 — 1; 1,61 — 1; 1,62 — 1.

Такие монеты есть в Альменьевском кладе (3 экз.) и в ГИМ²⁶.

Метрология чекана Биляра неопределенна. Весовые данные монет 27—28 отличаются большим разбросом, не позволяющим определить нормативный вес. Это видно из следующих данных, взятых из материалов кладов и коллекций ГИМ.

0,65 — 1	1,21 — 2	1,31 — 1	1,38 — 1	1,54 — 1
1,01 — 1	1,22 — 2	1,32 — 1	1,39 — 1	1,55 — 1
1,03 — 2	1,23 — 1	1,33 — 1	1,45 — 1	1,59 — 1
1,04 — 2	1,25 — 3	1,35 — 1	1,48 — 1	1,60 — 1
1,08 — 1	1,29 — 1	1,36 — 1	1,49 — 1	1,61 — 1
1,17 — 2	1,30 — 1	1,37 — 1	1,50 — 4	1,62 — 1

III. Монеты Сарая

- 29) Анонимная, Сарай, 677 г. х. (1278/1279 гг.).
- Л. с. В круглой тройной линейной, точечной и линейной рамке тамга дома Бату. Вокруг нее легенда: ...// ... // لله // الملك // ... царство // богу... //
- О. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке легенда в 4 строки: ...// ... // سرای // دیرهم // ضرب فی بلد // سرای... // 677. Справа над второй строкой заштрихованный квадратик.
- 1 экз.; Вес: 1,52.

Такая же монета, но чеканенная другой парой штемпелей, была най-

дена в Городце в 1978 г. при археологических работах Т. В. Гусевой. Его вес: 1,54. Это самая ранняя из известных монет Сарая, датирующая начало чеканки в Сараяе. До этих находок начало этой чеканки относили к 681 г. х. (1282—1283 гг.)²⁷.

Кроме того, в кладе были одна целая (вес 0,15) и одна обломанная (вес 0,55) полностью нечитаемые и неразборчивые монеты.

Наиболее ранним из известных нам кладов джучидских монет XIII в. является Альменьевский клад, который, судя по младшей монете (673 г. х., т. е. 1274/1275 гг.), был сокрыт в середине 1270-х годов. В этом кладе, как и во всех последующих кладах, совсем нет монет с именами каанов Менгу и Ариг-Буги, чеканивших в Болгарах в 1250—начале 1260-х годов. Очевидно, эти монеты были изъяты из обращения при начале собственной джучидской (без имени каанов) чеканки.

В Альменьевском кладе много (130 экз.) монет с джучидской тамгой и с загадочной легендой («Кирман», по А. Б. Булатову; «Берке», по А. Г. Мухамадиеву) и монет с легендой «главная тамга» (46 экз.). Это, вероятно, вообще самые ранние собственно джучидские монеты. Наиболее ранними монетами были, может быть, монеты с легендой «главная тамга», чья весовая норма близка к весу монет с именем Менгу (1,20—1,27 г.).

Болгарский клад 1980 г. зарыт, судя по младшей монете (681 г. х., т. е. 1282/1283 гг.), в начале 1280 гг. Кроме монет, с указанной выше загадочной легендой большая часть типов монет Альменьевского клада присутствует в Болгарском кладе 1980 г.

Номер типа	Хан, место и год чеканки	Альменьевский клад, 1938 г.	Болгарский клад, 1980 г.
1	С легендой «главная тамга»	46	3
5	Менгу-Тимур Болгар, 673 г. х.	2	1
14	Анонимная, Болгар, без года	22	1
15	Анонимная, Болгар, без года	8	1
24	Анэпиграфная	1	6
27, 28	Анонимная, Биляр, без года	6	29

Но все же состав денежного обращения существенно изменился: за период времени, протекший от зарытия Альменьевского клада до зарытия Болгарского клада 1980 г., монеты 1, 14, 15 типов почти вышли из обращения, а монеты 24, 27 и 28, наоборот, увеличили свой удельный вес в денежном обращении.

Первый Болгарский клад 1967 г.²⁸ содержал мало монет 1270-х годов (всего 9 монет)

Номер типа	Хан, место и год чеканки	Болгарский клад, 1980 г.	Первый Болгарский клад, 1967 г.
1	С легендой «главная тамга»	3	1
11	Анонимная, без города и года	4	1
17	Анонимная, Болгар (?), без года	3	7

Очевидно, остальные монеты первого Болгарского клада 1967 г., составившие $\frac{2}{3}$ клада (18 экз.)²⁹, чеканены были после зарытия Болгарского клада 1980 г. Это анонимные монеты. Характерно исчезновение именных монет Менгу-Тимура. Зарытие первого Болгарского клада 1967 г. относится к 1280-м годам. Возможно, в период смуты, наступившей после смерти Менгу-Тимура³⁰, в Болгарах не только чеканились исключительно анонимные монеты, но монеты с именем Менгу-Тимура

были специально изъяты из обращения. Среди группировок джучидской аристократии господствовало представление об общем, родовом владении улусом, что и символизировалось помещением тамги дома Бату, общей для всего правящего рода. Власти Болгара, управлявшие выпуском монет, сочли достаточным одной тамги, почти игнорируя имя хана Тула-Буги и редко помещая на монетах имя хана Туде-Менгу.

И наконец, второй Болгарский клад 1967 г., зарытый в 1290-х гг.³¹, не содержит ни одной монеты тех типов, которые представлены в предшествовавших кладах. В этом кладе 1967 г. содержатся также только анонимные и анаэпиграфные монеты, но новых типов. Этот клад, видимо, отражает смену монет в обращении на рубеже 1280—1290-х годов.

Оба болгарских клада 1967 г. показывают, что болгарских монет, чеканившихся в 1270-х годах, в обращении 1280-х годов уже почти не было. В 1290-х годах были осуществлены новые выпуски серебряных монет.

Прекращение чеканки именных монет в 1280—1290-х годов в Болгарах и отсутствие их в чеканке этих лет Сарая говорит о том, быть может, что в Поволжье господствовали группировки знати, враждебные ханам Туда-Менгу и Тула-Буга. В Крыму же систематически чеканили монеты с именами этих ханов. Возможно, кочевая ставка ханов — Орда, которая при ханах Бату, Берке, а позднее при Токте кочевала на Волге, при Туда-Менгу и Тула-Буге ушла из этих районов.

Обращают внимание теократические и благопожелательные формулы на монетах Волжской Болгарии этих десятилетий. Мусульманство в этой стране было давнее и расцвело во второй половине XIII в. Его проводником в Золотой Орде обычно считают Берке. Вспомним строительство в Болгаре мечети в середине XIII в. Но и при Менгу-Тимуре и позднее в Болгаре мусульманство укрепляло свои позиции.

Некоторые наблюдения можно сделать и о смене весовых норм чеканки болгарских монет и монет без обозначения города чеканки. Альменьевский клад дает две основные весовые нормы монет: 1,20—1,27 — для монет с легендой «главная тамга» и 1,45—1,60 для монет с загадочной легендой (Кирман?) и остальных монет Болгара и без обозначения города чеканки.

Болгарский клад 1980 г. дает две основные весовые нормы: 1,45—1,55 г. и 1,35—1,39 г. Монеты более легкого веса появляются в конце правления Менгу-Тимура (монеты 18—22 с датами 675—681 гг.).

Первый Болгарский клад 1967 г. дает ту же метрологическую картину, но «смазанную» из-за малочисленности его монет.

Второй Болгарский клад 1967 г. дает одну весовую норму 1,29—1,39, хотя в нем имеется немного монет более тяжелого веса (около 1,50—1,55 г.).

Очевидно, старые более тяжелые монеты были заменены новыми, более легкими. Эта замена, возможно, имела характер денежной реформы.

Заметна значительно более точная юстировка монет в 1290-х годах, меньший разброс этих монет по весу.

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Два клада серебряных монет XIII в. из Болгар. — НЭ, 1972, X, № 17.

² ГМТ, № 3230. Найдены на территории Татарской АССР.

³ ГИМ, № 91557/В—18453.

⁴ ГМТ № 1007.

⁵ *Fraehnii Ch. M. Recensio Numorum Muhammedanorum.* — Petropoli, 1826, с. 194; Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева. СПб., 1832, № 10, табл. I, XII.

⁶ *Fraehnii Ch. M. Recensio...*, с. 192; Френ Х. М. Монеты ханов..., № 5, табл. I, XIII.

⁷ ГИМ, № 91557/В—1933, 1935—1939.

⁸ *Fraehnii Ch. M. Recensio...*, с. 192; Френ Х. М. Монеты ханов..., № 4, табл. I, VII.

⁹ *Fraehnii Ch. M. Recensio...*, с. 194, № 4; Френ Х. М. Монеты ханов..., № 6, табл. I, VIII.

¹⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Два клада..., № 16.

¹¹ ГИМ, № 91557/В—2111.

¹² ГИМ, № 91557/В—1958; Савельев П. С. Монеты Джучидов, Джагатайдов, Джелайридов. СПб., 1958, с. 284, № 492.

¹³ ГИМ, № 91557/В—2055—2061.

¹⁴ ГМТ, № 19447.

- ¹⁵ Френ Х. М. Монеты ханов..., № 370, табл. XII, 4.
- ¹⁶ Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. — МИА, 1954, № 42, № 11.
- ¹⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Два клада..., № 7—13.
- ¹⁸ ГИМ, № 91557/В—2076.
- ¹⁹ ГМТ, № 1038.
- ²⁰ *Fraehnii Ch. M. Recensio...*, с. 193, № 3; Френ Х. М. Монеты ханов..., № 8, табл. I, X.
- ²¹ *Fraehnii Ch. M. Recensio...*, с. 193; Френ Х. М. Монеты ханов..., № 9, табл. I, XI.
- ²² Янина С. А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946—1958 гг.). — МИА, 1962, № 111, № 26ж.
- ²³ ГИМ, № 91557/В—2269.
- ²⁴ ГИМ, № 91557/В—2246.
- ²⁵ Янина С. А. Джучидские монеты..., — МИА, 1958, № 61, № 106.
- ²⁶ ГИМ, № 91557/В—4854, 4855, 6595.
- ²⁷ Федоров-Давыдов Г. А. О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарая в конце XIII в. — ЭВ, Л., 1961, XIV, с. 83.
- ²⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Два клада..., с. 167—169.
- ²⁹ Федоров-Давыдов Г. А. Два клада..., с. 167—169, № 1—6, 14.
- ³⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1966, с. 72.
- ³¹ Федоров-Давыдов Г. А. Два клада..., с. 169—172.

ПУБЛИКАЦИИ

Н. В. ЖИЛИНА

УКРЕПЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТВЕРИ

Графические и изобразительные материалы XV—XVII вв., писцовые книги XVII в. показывают тверскую крепость расположенной на остроугольном мысу при впадении р. Тьмаки в р. Волгу¹. В 1707 г. укрепления были отремонтированы в последний раз Леонтием Магницким (по поручению Петра I)². К 1775 г., когда их видел и тщательно описал первый тверской историк Д. И. Карманов, они вновь пришли в полуразрушенное состояние, однако в это время еще хорошо читался ров, заполнявшийся водой при наводнениях. В 1776 г. крепость, как таковая, перестала существовать, на ее территории был разбит сад³. Квалифицированное археологическое описание остатков памятника сделано В. А. Плетневым в начале XX в.⁴

Летописи сообщают о тверских укреплениях кратко. В 1316 г. «загореся град Тверь»⁵ (слово «град» говорит о несомненном наличии укреплений). После пожара, очевидно, возникла необходимость создания новых укреплений, что и было сделано в 1317 г. «И тако возвратися князь Михайло в свою отчину во Тверь, и заложил большой град кремленик»⁶. В этом сообщении можно прочесть указания на увеличение территории города. Согласно свидетельству 1373 г., тверской князь Михаил Александрович «около града Твери валу ров выкопал и вал насыпали от реки от Волги до реки до Тьмаки»⁷. Отсюда следует, что укрепления 1373 г. топографически совпадали с укреплениями 1317 г.

Таким образом, изучение изобразительных источников не дает ответа на вопрос, с какого времени крепость существует в границах XV—XVII вв. В свою очередь, летописные свидетельства, сообщая дату возведения или реконструкции укреплений, не указывают точную их территорию. Возможность соотнесения определенной городской территории и времени создания вокруг нее пояса укреплений может дать только археологическое изучение.

В 1933 г. территория тверской крепости была обследована экспедицией ГАИМК под руководством О. Н. Бадера. В качестве наиболее интересного для исследований района была избрана территория сада между Путевым дворцом Екатерины II и р. Волгой⁸. В 1934 г. археологическими раскопками тверских укреплений занялся Н. П. Милонов. Один из его раскопов (3), расположенный на северной стороне крепостной стены, дал поперечный разрез вала в направлении с севера на юг. В отчетах и специальной статье Н. П. Милонов сообщил о наличии двух горизонтов насыпи вала: XII в. и XIV в. Однако датировка горизонтов не была обоснована археологически⁹.

С целью решения вопроса о времени возведения крепости в границах XV—XVII вв. автором настоящей статьи в 1981—1982 гг. проведено археологическое исследование остатков ее укреплений. Раскоп площадью 32 кв. м располагался на восточном участке тверской крепости (в настоящее время наиболее хорошо читаемой в рельефе), в непосредствен-

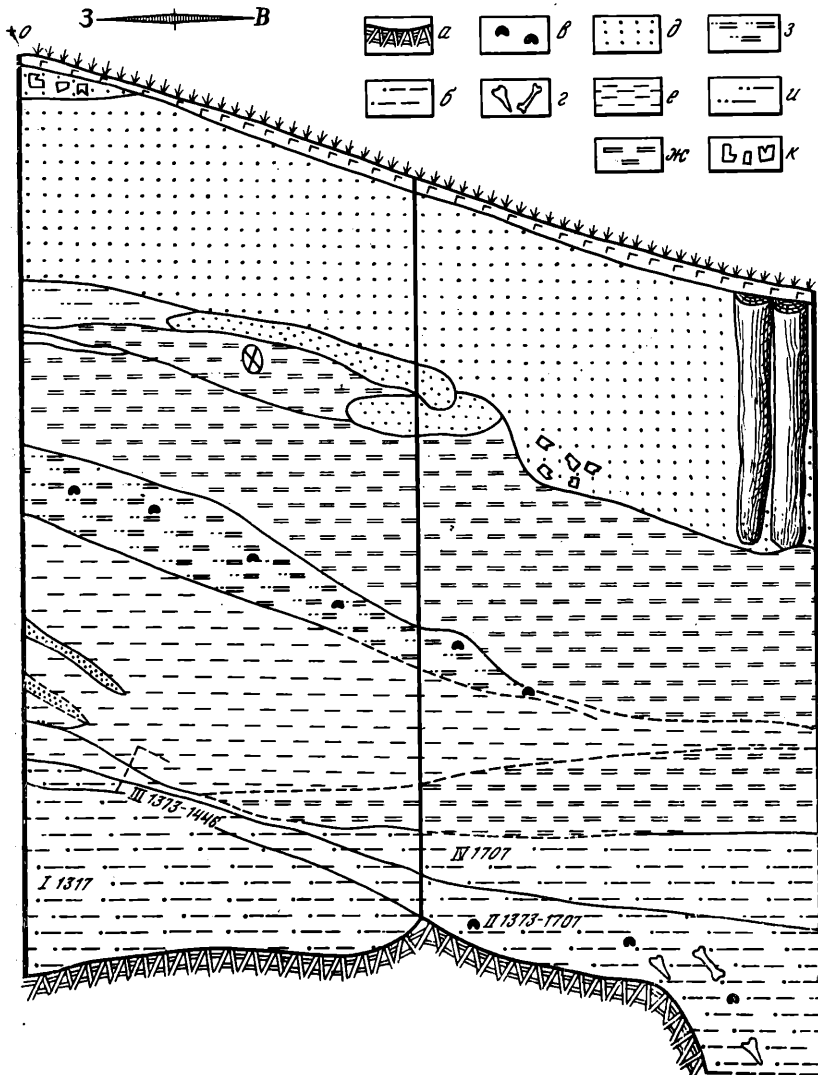
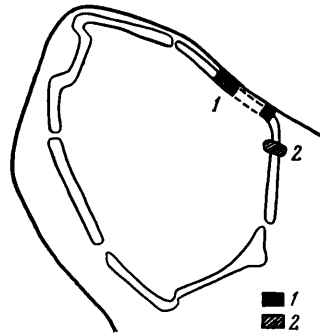
Рис. 1. Схема раскопов на плане г. Твери, составленном до 1803 г. А. Петиним

1 — район возможного размещения раскопа № 3 Н. П. Милонова; 2 — раскоп 1981—1982 гг.

Рис. 2. Фрагмент северного профиля раскопа

а — материк (красная глина); б — суглинок; в — уголь; г — кости, рог; д — песок; е — глина; ж — переженная глина; з — переженная сусесь; и — сусесь; к — битый кирпич

I — насыпь 1317 г.; II — ров 1373 г.; III — остатки перестроек 1373—1446 гг.; IV — насыпь 1707 г.



ной близости от раскопа 3 Н. П. Милонова (рис. 1). Прорезана была восточная часть вала с запада на восток¹⁰.

В западной части раскопа на материке (рис. 2) зафиксированы остатки насыпи высотой около 1 м из плотного серо-коричневого суглинка (угол подъема склона около 30°). В нем встречена керамика XII—XIII вв. и XIII—XIV вв.

Насыпь покрывала сверху прослойка темного суглинка с углем (средняя толщина 0,1 м), опускающаяся к востоку по склону насыпи и переходящая в линзу такого же по составу слоя (но с большим количеством угля и обгорелых костей животных), которая углублялась в материк. Судя по значительному углу наклона края — 60°, линза представляет собой край заполнения рва. В прослойке встречена керамика XII—XIII и XIII—XIV вв., а в линзе, кроме того, и XIV—XV вв. В прослойке и линзе обнаружены обломки западноевропейского оконного стекла (новгородские аналоги принадлежат ярусам 2—6, т. е. 1396—1446 гг.¹¹, а в линзе — обломок стеклянного штофа конца XVII—начала XVIII в.).

Над прослойкой и линзой слоя, заполняющей предполагаемый ров, расположен сильно перемешанный слой серо-зеленой глины, в качестве примесей содержащий темный суглинок, навоз, красную глину (мощность слоя от 0,2 до 0,7 м, в среднем — 0,3—0,4 м). В нем также встречена керамика XII—XIII и XIII—XIV вв. По-видимому, слой серо-зеленой глины разровняли в древности, чтобы поместить грунт для подсыпки вала. Над слоем глины прослежена сложная картина чередования прослоек: желтого песка, различных супесей, красной глины, угля и т. д. Выше расположен мощный слой красной глины, а над ним — слой пережженной глины, очерчивающей последний горизонт насыпи (мощность на гребне 0,5—0,6 м, угол склона составляет 40—45°). Общая высота верхнего горизонта насыпи составляет около 2,5 м. В нем обнаружена керамика от XV до конца XVII—начала XVIII в.

Поскольку керамика XII—XIII вв. присутствует во всех нижних слоях, но в то же время слой, содержащий исключительно материал этого времени, здесь отсутствует, можно заключить, что культурные отложения XII—XIII вв. попали в насыпь вала при ее возведении. Исходя из этого, датирование горизонтов на раскопе произведено по более позднему (относительно XII—XIII вв.) комплексу материала каждого слоя.

Существование линзы темного слоя заполнения рва относится к периоду от XIV до конца XVII—начала XVIII в. Очевидно, что это ров, существовавший с 1373 г. и засыпанный в 1707 г. (рис. 2, II).

Как следует из летописного свидетельства 1373 г., тогда был вырыт ров, а землю, очевидно, досыпали уже существующий вал. Летопись точно отмечает, что новый ров вырыт «около града Твери вала». В раскопе около рва 1373 г. расположена насыпь с керамикой XIII—XIV вв. (рис. 3). Следовательно, она и представляет собой вал 1317 г., т. е. часть укреплений «кремленика», построенного Михаилом Ярославичем (рис. 2, I).

Есть основания думать, что рва в 1317 г. не было. Рисунок, включенный в издание «Описания путешествия Голштинского посольства Адама Олеария»¹², показывает, что около восточной стороны крепости имелся глубокий естественный овраг. На плане Э. Пальмквиста¹³ ров крепости при входе в Волгу расширяется, напоминая при этом естественное, а не искусственное углубление. В связи с этим можно предположить, что в 1317 г. не было особенной необходимости в устройстве рва.

Прослойка, связанная со рвом 1373 г., может быть датирована XIV—первой половиной XV в. Культурный слой, содержащийся в серо-зеленой глине, датируется XIII—XIV вв. Таким образом, эта прослойка и слой в глине представляют собой остатки перестроек насыпи вала в период с 1373 по 1446 гг.¹⁴ (при этом более поздние находки конца XIV—первой половины XV в. попали в названную прослойку (рис. 2, III)).

Горизонт насыпи вала, лежащий выше этой прослойки, датируется концом XVII—началом XVIII вв. Очевидно, что это горизонт ремонта укреплений Леонтием Магницким¹⁵ (рис. 2, III).

Таким образом, раскопками удалось выявить: а) земляную насыпь 1317 г. с остатками культурного слоя XII—XIII вв.; б) ров 1373 г., существовавший до 1707 г.; в) остатки подсыпки насыпи вала и культур-

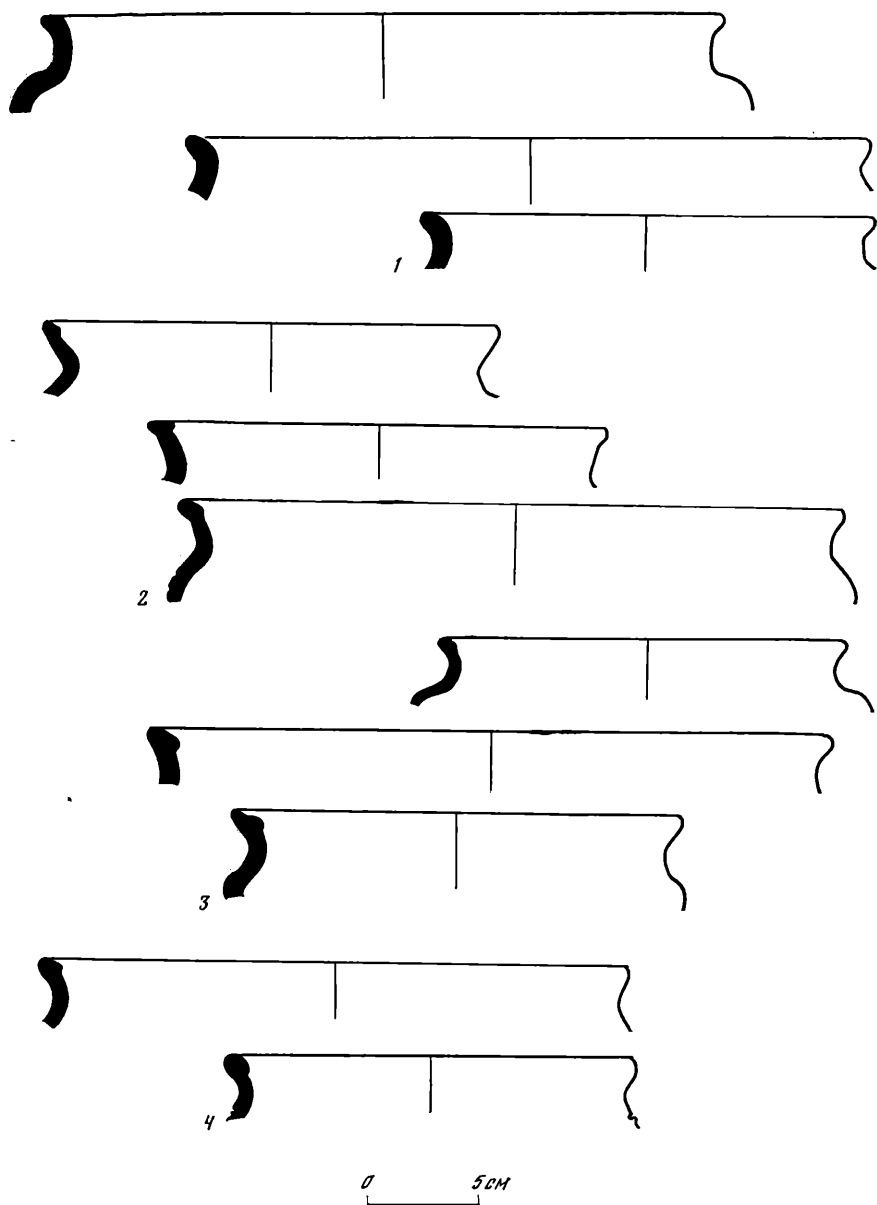


Рис. 3. Керамика из раскопок тверских укреплений

1 — керамика XIII—начала XIV в. из нижнего горизонта насыпи (I) (см. рис. 2); 2 — керамика XII—XIII вв. из насыпи (I); 3 — керамика XII—XIII вв. из верхнего горизонта насыпи (IV)

ного слоя, образовавшейся в период с 1373 по 1446 г.; г) горизонт ремонта укреплений в 1707 г.

Этапы строительства тверских укреплений восстанавливаются в следующем виде: 1) 1317 г. — строительство «кремленника» в период княжения Михаила Ярославича: возведение земляной насыпи (о рве данных нет); 2) 1373 г. — прорытие земляного рва от р. Тьмаки до р. Волги и досыпка земляной насыпи 1317 г. в период княжения Михаила Александровича; 3) конец XIV—первая половина XV в. (1373—1446 гг.) — частичные перестройки укреплений (ремонт крепостной стены, углубления рва, досыпка вала); 4) 1707 г. — ремонт укреплений (частичная засыпка рва, снятие верхней части насыпи XIV в., увеличение высоты насыпи).

Датировка Н. П. Милоновым нижнего горизонта насыпи XII в. не подтверждается.

Изучение тверских укреплений позволяет сделать вывод о несомненном наличии на мысу при впадении р. Тьмака в Волгу культурного слоя XII—XIII вв.

- ¹ Изображение кремля на иконе тверского князя Михаила и его матери Ксении восходит к XV в.: *Воронин Н. Н.* Тверской кремль в XV в. — КСИИМК, 1949, вып. XXIV; Чертеж древней Твери конца XVII в. — ЦГАДА, Карта Тверской губернии, № 29; *Рикман Э. А.* Новые данные по топографии древней Твери. — КСИИМК, 1953, вып. XLIX, с. 45, рис. 4.
- ² *Карманов Д. И.* Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь, 1893, с. 109.
- ³ Там же, с. 109; Краткое описание Тверской губернии, основанное на сравнении данных 1783 и 1846 гг. Тверь, 1847, с. 21.
- ⁴ *Плегнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии: К археологической карте губернии. Тверь, 1903, с. 180, 181.
- ⁵ ПСРЛ, М., 1965, т. 9, 10, с. 180.
- ⁶ Там же.
- ⁷ ПСРЛ, М., 1965, т. 11, 12, с. 11.
- ⁸ Археологические работы академии на новостройках в 1932—1933 гг. — Изв. ГАИМК, 1935, вып. 109.
- ⁹ *Милонов Н. П.* Сводка по археологическим исследованиям в г. Калинин и его окрестностях за 1934—1937 гг. — Арх. Калининского гос. объединенного историко-архитектурного и литературного музея, № 651; *Он же.* Археологические разведки в Тверском кремле. — ПИДО, 1935, № 9, 10.
- ¹⁰ Экспедиция проведена Калининским объединенным историко-архитектурным и литературным музеем.
- ¹¹ *Шапова Ю. Л.* Стекланные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1963, № 117, с. 143; *Колчин Б. А.* Дендрохронология Новгорода. — Там же, с. 89, 90.
- ¹² *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 27.
- ¹³ *Рубцов М. Н.* Тверь в XVII веке по Пальмквисту. Тверь, 1902, № 1.
- ¹⁴ Летописные упоминания о перестройках крепости систематизировал В. С. Борзаковский. Последняя из упоминаемых летописью ремонтных работ относится к 1446 г.: *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876, с. 22, 23.
- ¹⁵ Сложная картина чередования прослоек на профиле южной стенки раскопа З. П. Милонова (*Милонов Н. П.* Археологические разведки. . ., рис. 3), по-видимому, также является частью горизонта перестройки 1707 г.

Б. Н. ХАРЛАШОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕЛИЩ ИЗБОРСКОЙ ОКРУГИ

Научное изучение окрестностей древнерусского города Изборска началось в первое десятилетие XX в. в связи с деятельностью Псковского археологического общества. Итоги археологических изысканий были опубликованы Н. Ф. Окулич-Казариным¹. К этому времени относятся первые сведения о находках фрагментов старой посуды в размытых культурного слоя по берегам рек. Несколько сельских поселений открыты в среднем течении р. Великая Б. А. Коишевским, проводившим в 1928 г. палеоэтнологическое обследование Псковского округа². В 1937—1938 гг. селища на юго-западном берегу Псковского озера обследовал Л. Зуров³.

В 50-е годы археологическое изучение древнерусских селищ в бассейне р. Бдеха, впадающей в Псковское озеро, продолжено Г. П. Гроздиловым⁴, а также Н. Н. Гуриной, обнаружившей в процессе разведки памятников каменного века несколько поселений со славянской керамикой⁵. Тогда же несколько селищ в бассейнах рек Кудеби и Вяды было обследовано И. К. Голуновой⁶. Собранные данные оказались весьма скромными. Они не позволяли говорить о топографии, размерах и планировке поселений этого региона в целом.

Планомерное обследование бассейна Бдехи, а также бассейнов левых притоков (Шепец и Кудебь) р. Великая началось в 1976 г.⁷, а со сле-

дующего года разведки археологических памятников, в том числе и селищ, в окрестностях Изборска проводятся специальными отрядами Изборской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством В. В. Седова. Отряды возглавляли Л. Е. Сергеева, А. Р. Артемьев, А. Е. Мануйлов и автор настоящей статьи⁸.

Общая картина размещения археологических памятников, выявленных в ходе разведывательных работ, в сочетании с географическими особенностями местности позволяет приблизительно определить границы собственно Изборской округи. Наибольшее число памятников археологии в этом районе относится к первой половине II тысячелетия н. э. Изборскую округу того времени представляется возможным определить в границах двух смыкающихся районов концентрации памятников — бассейнов рек Бдеха и Кудеби. Такое ограничение подтверждается рельефом местности и почвенными условиями. Изборскую и Псковскую округи разделяет заболоченный в древности, неблагоприятный для земледелия и незаселенный участок 10-километровой ширины, протянувшийся от Псковского озера до р. Великая⁹. С юга Изборская округа ограничена неосвоенным в первой половине II тысячелетия водоразделом рек Кудеби и Вяды, с юго-запада и северо-запада территориям расселения латгалов и эстов. Именно в этих границах сформировалась большая часть Изборского уезда, зафиксированного писцовой книгой 1585—1587 гг.¹⁰

К настоящему времени в окрестностях Изборска обследовано более 70 селищ (рис. 1). Поиск поселений производился пешеходными маршрутами вдоль берегов рек и озер с осмотром и шурфовкой площадок, удобных для жилья, включая приусадебные участки современных деревень. Селища фиксировались, исходя из наличия подъемного материала и пятен более темного по отношению к окружающей земле культурного слоя. Мощностъ культурных напластований, как правило, незначительна, зачастую слой до материка нарушен пашней. В большинстве случаев фрагменты керамики являлись единственными материальными остатками, позволяющими судить об истории поселения. Из-за плохой сохранности слоя разделить разновременную керамику стратиграфически невозможно, за исключением нескольких селищ. Подавляющее большинство сельских поселений не раскапывалось. Разведочные шурфы-раскопы были заложены в разное время на селищах Лезги I¹¹, Ключище I¹², а также автором этой статьи на селище Колбежицы.

Анализ керамического материала изборских селищ проводился на основе сравнения с образцами посуды из раскопок Изборска¹³, Пскова¹⁴, Новгорода¹⁵, достаточно хорошо датированной по культурному слою этих городов. Учитывались и результаты изучения средневековой посуды XIV—XV вв. из раскопок Орешка¹⁶.

Приблизительная датировка селищ по мелкофрагментарному керамическому материалу позволила разделить поселения на три хронологические группы.

Группа А. Поселения, в культурном слое которых наряду с гончарной керамикой найдены фрагменты лепной посуды второй половины I тысячелетия н. э. Лепная керамика — гладкостенная, с примесью в тесте крупной дресвы. На селище Лезги I найдены фрагменты сосудов с подлощенной поверхностью, которые встречаются и в нижнем горизонте селища Ключище I, насыщенном лепной керамикой с текстильным орнаментом (рис. 2, а). Форму лепных сосудов восстановить очень трудно из-за их фрагментарности.

Селища этой группы доживают до первых веков II тысячелетия н. э., топографически располагаются на берегах рек, на уровне первой надпойменной террасы. Площадка ровная или слегка наклонена к воде.

Группа Б. Сюда отнесены селища, содержащие гончарную керамику XI—XIII вв. Это фрагменты резкопрофилированных узкодонных горшков, изготовленных из хорошо отмученного теста и украшенных в верхней части тулова различными комбинациями из прямых и волнистых линий или ногтевыми вдавлениями (рис. 2, б).

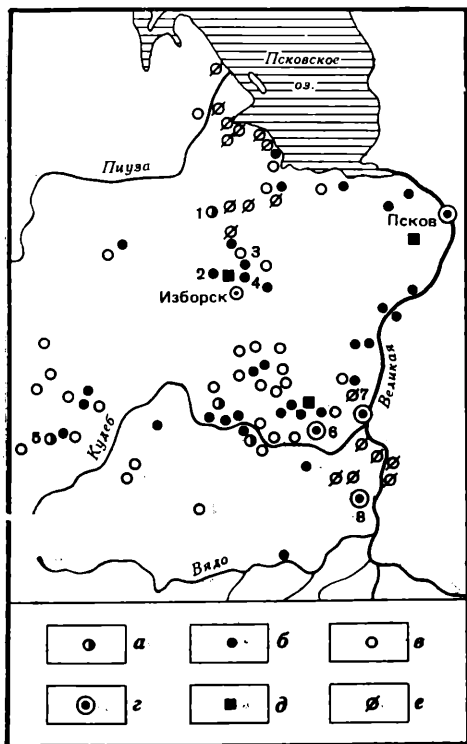
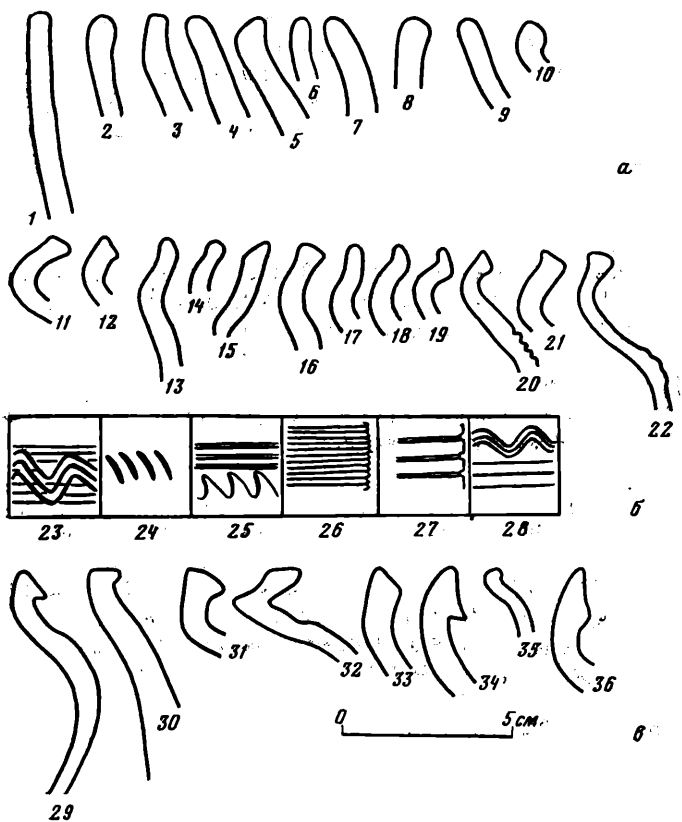


Рис. 1. Селища Изборской округи

а — группа А; б — группа В; в — группа В;
 г — погосты; д — городища; е — недатированные
 селища; 1 — Леаги 1; 2 — Словенское поле; 3 —
 Усть-Смолна 1; 4 — Усть-Смолна 2; 5 — Ключи-
 щие 1; 6 — Смолин; 7 — Колобежицы; 8 —
 Новая Уситва

Рис. 2. Керамика с селищ

а — профили венчиков лепной керамики селищ
 группы А; (3, 4, 8 — с текстильным орнаментом;
 5—7 — с подложенной поверхностью); б — про-
 фили венчиков и орнаментовка гончарной ке-
 рамики селищ группы В; 1, 2 —
 Леаги 1; 3—8, 17—19 — Ключище 1; 9, 10, 23 —
 Колбежицы; 11—13, 29, 30 — Смолин; 14 — Бех-
 терево; 15 — Китенки; 16 — Озерово; 20, 21 —
 Словенское поле; 31 — Новая Уситва; 32 — Куз-
 нечки 33 — Рычково; 34—36 — Малые Калки



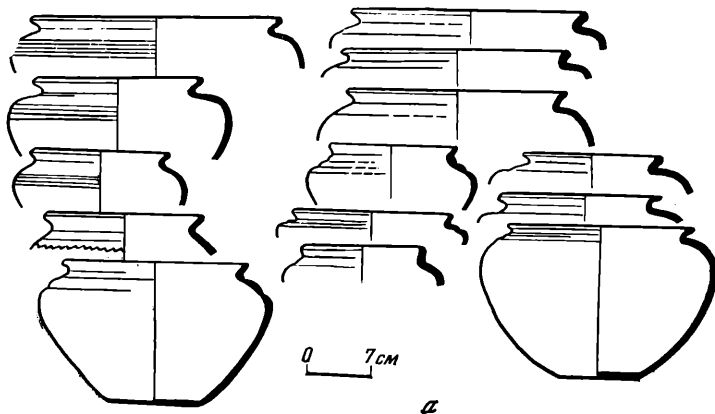


Рис. 3. Селище Колбежницы

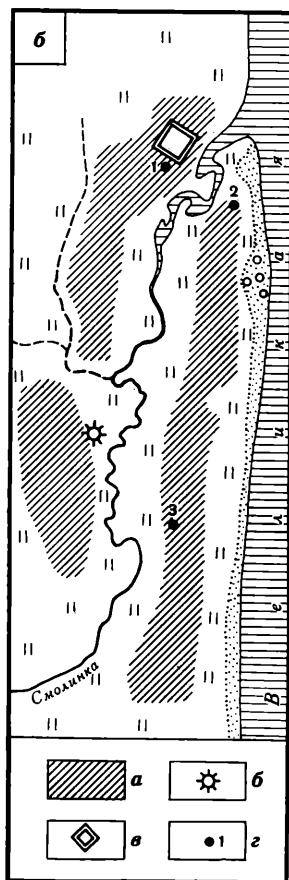
а — гончарная керамика XIV—XV вв. с селища; б — план селища; а — территория селища; б — поклонная горка; • — бывшая церковь; з — шурфы.

Поселения группы Б, так же как и группы А, тяготеют к естественным водным источникам, их топография сходна. Подсчет площадей рядовых селищ показал, что они в среднем составляют около 7000 кв. м, т. е. приблизительно столько же, как в Приильменье и в Поволжье¹⁷. В XIV—XV вв. большинство поселений этой группы прекращает существовать.

Группа В — селища, возникшие в XIV—XV вв. и характеризующиеся наличием невысоких резкопрофилированных округлых широкодонных сосудов с расширением тулова в верхней трети, с довольно высокой мягкоизогнутой шейкой и слегка приподнятым венчиком (рис. 3, а). Орнамент очень беден и представлен, как правило, несколькими параллельными линиями на плечике, изредка волной. На позднем этапе существования этих поселений появляются сосуды с короткой шейкой и приплюснутым венчиком (рис. 2, в). На горшках XVI—XVII вв. орнаментировка, за редким исключением, отсутствует.

Заметны различия в топографии между группами селищ А и Б, с одной стороны, и группой В — с другой. Некоторые из поселений группы В располагались на удобных для жилья речных террасах, однако в целом наметилась тенденция к заселению водоразделов рек, к освоению участков, удаленных от естественных водных источников. Подсчеты площадей селищ группы В показали, что большинство деревень унаследовали размеры поселений предыдущего периода.

Из общей классификации выпадают 7 селищ, продолжительность существования которых значительно больше, чем в любой из выделенных групп. Это селища Словенское поле, Усть-Смолка 1 и Усть-Смолка 2, которые издревле являлись непосредственными соседями Изборска. Поселение на Словенском поле, возникшее в X—XI вв. и расположенное в 100 м к западу от Изборского городища¹⁸, служило первоначально как продолжение неукрепленного посада города, а впоследствии как деревня, нахо-



дядяся в 700 м от каменной крепости, перенесенной в XIV в. на Жеравью гору¹⁹.

Усть-Смолка 1 и Усть-Смолка 2, появившиеся в XI—XII вв.²⁰, т. е. в момент расцвета поселения на Изборском «Труворовом» городище, скорее всего представляли не столь отдаленную окраину древнего Изборска (до городища 700—800 м), а после перенесения города на новое место оказались рядом с холмом, на котором возвышались каменные укрепления.

Селище Иваново Болото, датированное XII—XVI вв. и занимающее территорию современной деревни²¹, вероятно, представляет собой объединение нескольких разновременных поселений, так как прослежено смещение ранней керамики к восточной окраине поселения и отсутствие ее на остальной площади селища.

Особое место среди сельских поселений занимают погосты, являвшиеся административными центрами губ, на которые делились псковские уезды. Археологическому обследованию подвергнуто лишь 3 погоста: Смоленский, Новоуситовский и Колбежицкий, упомянутые в письменных источниках. Смоленский погост впервые появляется в актах, датированных 1491—1496 гг.²² Новоуситовский отмечен сразу же как центр губы в писцовой книге 1585—1587 гг.²³ Самые ранние сведения о Колбежицах относятся к 70—80 годам XV в.²⁴, затем существование Колбежицкого погоста отражено в псковских летописях под 1501 и 1634 годами²⁵.

Селища, открытые на месте Смоленского и Новоуситовского погостов, по керамическому материалу датированы XII—XVII вв. Топографически поселения располагались на невысоких всхолмлениях вблизи озер, рядом с церквями, сохранившимися до наших дней. Площадь каждого селища составляет около 30 000 кв. м, толщина культурного слоя не превышает 0,4 м. Наблюдение за распространением фрагментов разновременной керамики на территории Смоленского селища показало, что она сконцентрирована на очень ограниченной площади, в низменной части поселения, в то время как большая его часть насыщена керамикой XV—XVII вв.

Колбежицкий погост располагался у устья р. Смоленска, впадающей в р. Великая (рис. 3, б). До недавнего времени на погосте сохранялась церковь. Открытое селище общей площадью 100 600 кв. м состоит из трех участков, разделенных р. Смоленка и руч. Рогатка. Учитывая характер распространения подъемного материала и результаты шурфовки различных участков селища, можно утверждать, что большая часть его территории была заселена в древнерусское время. На всех участках найдены фрагменты керамики XII—XIII вв. Найденны фрагменты лепной посуды, наибольшее число которых происходит из предматерикового суглинистого слоя шурфа 3 в центре поселения. Поздняя керамика XIV—XVI вв. сосредоточена в основном вокруг церкви.

На стыке трех участков селища открыт культовый объект — поклонная горка (диаметр 16 м, высота 0,8 м), называемая местными жителями «Мокрый Илья». Предварительные исследования показали, что горка целиком насыпана культурным слоем близлежащего селища.

В результате археологического обследования указанных погостов и их окрестностей установлено, что размеры Смоленского и Новоуситовского более чем в 4 раза, а Колбежицкого в 15 раз превосходят размеры рядовых селищ. В то время, когда большинство древнерусских селищ на территории Изборской округи приходит в запустение, Смоленское, Новоуситовское и Колбежицкое поселения продолжают функционировать и на их месте возникают погосты, отмеченные в упомянутой писцовой книге. Изучение территории показало, что все названные выше погосты находятся в зоне древнерусского заселения и заселения более раннего времени, т. е. позднесредневековое деление псковских уездов на губы сложилось в соответствии с наиболее плотно заселенными в древности территориями. Такая же закономерность прослежена археологами в Верхнем Полужье²⁶ и в Мстинско-Моложском междуречье²⁷. Однако утверждение, что погосты писцовых книг генетически восходят к раннесредне-

ковым центрам, представляется преждевременным, во всяком случае для рассмотренных выше памятников.

Достаточно четкое хронологическое деление селищ Изборской округи на три группы объясняется объективными историческими условиями развития территории, наиболее важными из которых являются изменения в культуре земледелия.

По всей вероятности, селища группы Б возникают в процессе повсеместного перехода от подсеки к пашенному земледелию. Развитие пашенного земледелия в этот период подтверждает и анализ засоренности зерна из раскопок в Изборске²⁸, Новгороде²⁹ и на территории Латвии³⁰. В научной литературе неоднократно высказывалось мнение, что в XI—XII вв. на Северо-Западе господствовали различные простые и сложные переложные системы земледелия с применением пахоты на уже окультуренных землях³¹. Использование такой техники дало возможность значительно продлить срок пригодности участка под посевы и привело к заметной стабилизации поселения. Потребность в больших свободных площадях продолжает сохраняться при переложных системах, поэтому размеры поселения остаются небольшими (7000 кв. м).

В середине II тысячелетия н. э. происходит заметный сдвиг в развитии культуры земледелия. Почти повсеместно распространяется трехпольный севооборот³², внедряется в практику навозное удобрение полей³³, и, следовательно, появляется возможность освоения малоплодородных земель на водоразделах, что, по-видимому, явилось толчком к возникновению новой группы селищ В. Внедрение новой технологии наряду с сохранением старых систем³⁴ привело к широкому освоению незаселенных ранее территорий.

Существенное влияние на развитие селищ в окрестностях Изборска, вероятно, оказала усилившаяся экспансия со стороны Ливонского ордена. На протяжении XIV в., не считая первых двух десятилетий, в псковских летописях 11 раз упоминаются столкновения с немцами³⁵. Вражеские нашествия, чередовавшиеся с частыми моровыми поветриями, несомненно способствовали прекращению функционирования малодворных деревень в XIV в.

Усиление военной опасности со стороны Ливонского ордена привело и к усовершенствованию оборонительных сооружений Изборска. В начале XIV в. крепость была перенесена на новое место. Таким образом, группа селищ В была связана уже не со старым городищем, а с пригородом Пскова, охранявшим с запада подступы к столице феодальной республики. Осмотр территорий современных деревень и собранный подъемный материал показывают, что значительная часть существующих сейчас селений ведет свою историю именно с этого времени.

¹ Окулич-Казарин Н. Ф. Материалы для археологической карты Псковской губернии. — Труды ПАО, 1914, вып. 10; 1915, вып. 11.

² Кошневский Б. А., Отчет о палеозтологическом обследовании в Псковском округе. — Арх. ЛЮИА, ф. 2, 1928, № 117.

³ Арх. ИИ АН ЭССР, 1937/38, № 11:5.

⁴ Гроздилов Г. П. Археологические памятники Старого Изборска. — АСГЭ, 1965, 7; *Он же.* Отчет о работе в Пскове и его окрестностях в 1953 г. — Арх. ИА, Р—1, 820.

⁵ Гурина Н. Н. Результаты работы неолитического отряда Прибалтийской экспедиции. — В кн.: Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М., 1959, т. I, с. 106.

⁶ Голунова И. К. Отчет о разведке в Качановском районе Псковской области

в 1957 г. — Арх. ИА, Р—1, 1466; *Она же.* Отчет о разведке в Палкинском районе в 1958 г. — Арх. ИА, Р—1, 1865.

⁷ Седов В. В., Сергеева Л. Е., Харитонов Г. В. Исследования Изборской экспедиции. — АО 1976 г., М., 1977, с. 33, 34.

⁸ Сергеева Л. Е., Харитонов Г. В. Работы в Печорском районе. — АО 1977 г., М., 1978, с. 39; *Она же.* Разведка в Псковской области. — АО 1979 г., М., 1980, с. 32, 33; Артемьев А. Р. Отчет о разведке в Изборской округе. — Арх. ИА, Р—1, 7038; Мануйлов А. Е. Разведки в Печорском районе Псковской области. — АО 1980 г., М., 1981, с. 19. Приношу благодарность этим исследователям, предоставившим материалы для настоящей статьи.

⁹ Атлас Псковской области. М., 1969, с. 16.

- ¹⁰ Сборник МАМЮ, М., 1913, т. 5, с. 308—317.
- ¹¹ *Белецкий С. В.* Отчет о раскопках в псковском кремле и в Печорском районе. — Арх. ИА, Р—1, 7294.
- ¹² *Сергеева Л. Е.* Разведка в Псковской области. . . , с. 33.
- ¹³ *Седов В. В.* Лепная керамика Изборского городища. — КСИА, 1978, вып. 155, с. 63—67.
- ¹⁴ *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города). — КСИА, 1980, вып. 160, с. 3—8.
- ¹⁵ *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55, с. 12—18.
- ¹⁶ *Кильдюшевский В. И.* Об одном из типов керамики XIV—XVI вв. крепости Орешек. — КСИА, 1981, 164, с. 111—116.
- ¹⁷ *Носов Е. Н.* Поселения Приильменя и Поволжья в конце I тысячелетия н. э.: — Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1977, с. 8.
- ¹⁸ *Сергеева Л. Е.* Разведка в Псковской области. . . , с. 33.
- ¹⁹ Псковские летописи. М., 1955, т. 2, с. 92.
- ²⁰ *Седов В. В., Сергеева Л. Е., Харитонов Г. В.* Исследования Изборской экспедиции, с. 34; *Сергеева Л. Е.* Разведки в Печорском районе. . . , с. 39.
- ²¹ *Мануйлов А. Е.* Разведки в Печорском районе, с. 19.
- ²² *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966, № 30, с. 69.
- ²³ Сборник МАМЮ, М., 1913, т. 5, с. 132.
- ²⁴ *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты. . . , № 25, с. 63.
- ²⁵ Псковские летописи, т. 2, с. 252, 283.
- ²⁶ *Лебедев Г. С., Платонова Н. И., Лесман Ю. М.* Археологическая карта Верхнего Полужья. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 48, 49; *Залевская Н. И.* К вопросу о возникновении погостов на верхней Луге. — Там же, с. 54.
- ²⁷ *Харитонов Г. В.* К вопросу о возникновении и эволюции погоста на территории Мстинско-Моложского междуречья. — В кн.: Из прошлого Калининской области. Калинин, 1974, с. 42—56.
- ²⁸ *Кирьянова Н. А.* Зерновые материалы Изборска. — КСИА, 1981, вып. 166, с. 113.
- ²⁹ *Шапиро А. Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1971, с. 79.
- ³⁰ *Расиньш А. П.* Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР. — В кн.: Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I, с. 336.
- ³¹ Этнография народов СССР. Л., 1971, с. 79; *Шенников А. А.* Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX века. — В кн.: Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977, с. 7; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII веках. М., 1982, с. 237.
- ³² *Горский А. Д.* Некоторые итоги изучения земледелия в Древней Руси (IX—XV вв.) в советской историографии. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1963, с. 75; *Шапиро А. Л.* Проблемы социально-экономической истории. . . , с. 50.
- ³³ А. Л. Шапиро считает, что достоверные сведения о применении навозного удобрения относятся к XVI—XVII вв. и зафиксированы письменными источниками (*Шапиро А. Л.* Проблемы. . . , с. 58). Однако данные актового материала позволяют утверждать, что эта техника обработки почвы использовалась уже в XV в. (*Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России. М., 1980, с. 29). Это утверждение справедливо и для Псковской земли (*Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты. . . , № 28, с. 67).
- ³⁴ *Пьянков А. П.* Сельская община Северо-Восточной Руси. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1961, с. 101; Этнография народов СССР, с. 79.
- ³⁵ *Проскуракова Г. В., Лабутина И. К.* Псковская вечевая республика: Начало союза с Московским княжеством. — В кн.: Псков: Очерки истории. Л., 1971, с. 39.
- ³⁶ Псковские летописи. М., 1941, т. I, с. 21.

А. Г. ВЕКСЛЕР, А. К. СТАНЮКОВИЧ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У БОРОВСКОГО ПЕРЕВОЗА В ПОДМОСКОВЬЕ

На археологических картах намечается высокая концентрация древнерусских памятников в среднем течении р. Москва¹. В письменных источниках в этом районе упоминается Боровский (Брашевский) перевоз². Именно здесь в августе 1380 г. полки, шедшие по Болвановской, Брашевской и Серпуховской дорогам, соединились и дальше на Куликово поле двигались вместе³. В XIV в. три этих дороги сходились у Боровского перевоза, к которому издревле тяготели поселения. На правом берегу р. Москва непосредственно у Болвановской дороги над местностью гос-

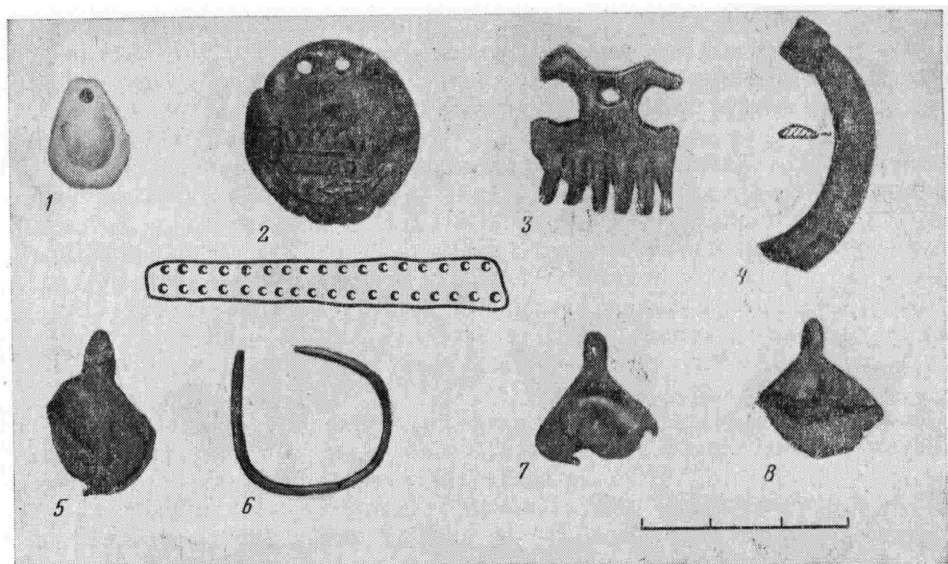


Рис. 1. Украшения из поселения Заозерье-2
1 — раковина каури; 2 — серебро; 3—8 — бронза

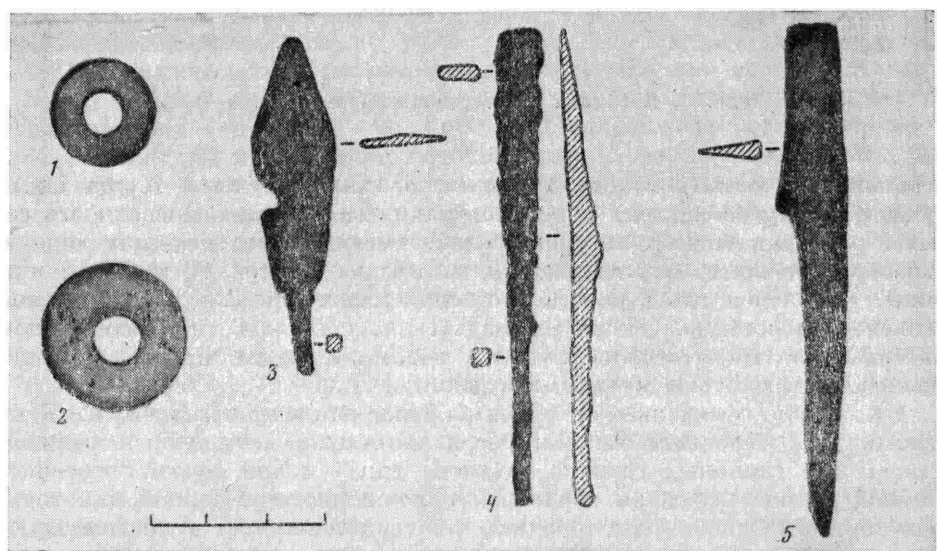


Рис. 2. Бытовые находки из поселения Заозерье-2
1—2 — шиферные пряслица; 3—5 — железо

подстует городище «Боровский курган», многослойный памятник, где обнаружены горизонты раннего железного века и эпохи Древней Руси XI—XIV вв.⁴

По обоим берегам р. Москва в этом регионе зафиксированы многочисленные древнерусские курганные могильники (5, 14—16, 19—21, 23 по Г. М. Коляшину⁵). В окрестностях с. Заозерье (Раменский р-н Московской обл.) на правом берегу реки известно селище, которое отнесено О. Н. Бадером к IX—X вв.⁶ Еще одно селище, также близ с. Заозерье, но на левом берегу р. Москва, было обнаружено С. З. Черновым в 1973 г. (Заозерье 2)⁷.

Оно расположено в 200 м от реки на останце второй надпойменной террасы левого берега р. Москва к юго-западу от села. В 1973—1982 гг.

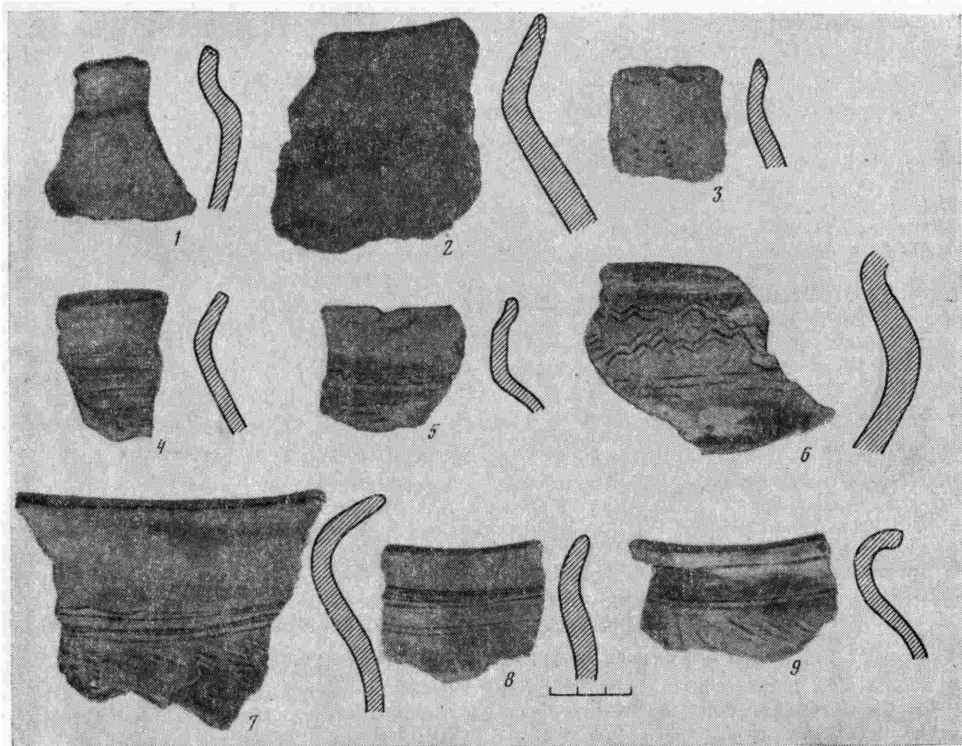


Рис. 3. Керамика из поселения Заозерье 2 (1—9)

неоднократно осматривалось авторами, а также членами Клуба юных археологов Музея истории и реконструкции г. Москва⁸. Поверхность селища распаивается, культурный слой, имеющий интенсивную черную окраску, отчетливо прослеживается на пашне полосой 80-метровой ширины, тянущейся вдоль берега реки на протяжении 350 м от северной оконечности останца. Общая площадь селища около 3 га. В подъемном материале во множестве встречается керамика, кости животных, обожженные камни, куски обожженной глины и др.

На селище отмечены отдельные находки раннего железного века, не связанные с основным вещевым и керамическим комплексом селища. Таковы два глиняных грузика «дьякова типа» и три фрагмента тонкостенной лепной керамики черно-серого лощения, характерной для верхнего горизонта дьяковских городищ, что свидетельствует о предшествующем этапе заселения местности.

При обследовании селища собраны разнообразные предметы древнерусского времени. Значительный интерес представляет находка серебряного брагтеата саманидского дирхема конца X—начала XI вв.⁹ с двумя небольшими отверстиями для подвешивания (рис. 1, 2). Можно заметить, что в подмосковных древностях «курганного периода» подобные находки отсутствуют.

О ранней дате памятника свидетельствует находка трех бронзовых грушевидных крестопорезных бубенчиков, у двух из них нижняя часть орнаментирована косой нарезкой (рис. 1, 5, 7, 8). Бубенчики этого типа на древнерусских памятниках датируются концом X—началом XII в., но наиболее характерны они для XI в.¹⁰

Еще одна бронзовая привеска — миниатюрный гребень, заверченный стилизованными парными головками коней, обращенными в разные стороны (рис. 1, 3). Гребень грубо отлит по восковой модели, имеет отверстие для подвешивания. Одна его сторона украшена выпуклыми шариками, имитирующими зерно, что сближает его с аналогичными наход-

ками в курганах Смоленщины, где они встречены с вещами XI—первой половины XII в.¹¹ В Подмосковье известны лишь две аналогичные находки (курганы у с. Бисерово и д. Волково). Дата привесок этого типа — XI—первая половина XII в.¹² Еще одна привеска изготовлена из раковины каури (рис. 1, 1).

К украшениям относится также обломок бронзовой спиралеконечной фибулы треугольного сечения (рис. 1, 4). Этот тип фибул широко распространен на памятниках X—XII вв., основное время их бытования в Новгороде — X—XI вв.¹³ Ширина спирали нашей фибулы равна поперечному сечению дуги, что характерно именно для X—XI вв.¹⁴

Интересен бронзовый литой узкопластинчатый перстень, согнутый из обломка браслета (рис. 1, 6). Браслет был украшен двумя рядами глазкового орнамента. Аналогичный браслет известен в древностях Мещеры XI—XII вв.¹⁵

Обнаружены на селище и обломки биллоновых семиллопастных височных колец (типа простых), что свидетельствует о вятической принадлежности населения памятника в XII—XIII вв.

Из прочих находок следует отметить два боченковидных пряслица из розового и коричневого шифера (рис. 2, 1, 2). Диаметры каналов пряслиц 7,8 и 7,6 мм, что, по классификации Р. Л. Розенфельдта, как будто бы свидетельствует об их поздней дате — вторая половина XII в.¹⁶, однако датировка шиферных пряслиц по размеру каналов вызывает сомнения¹⁷.

К предметам из железа относятся обломки ледоходных шипов, железный нож (рис. 2, 5) и два наконечника стрел — ромбовидный со сложным упором и долотовидный без упора (рис. 2, 3, 4), датирующиеся домонгольским временем.

В керамическом комплексе памятника необходимо особо выделить обломки лепных сосудов, архаичных для раннесредневековых древностей Москворечья (рис. 3, 1—3). Грубые горшковидные толстостенные (до 12 мм) сосуды имеют шершаво-бугорчатую поверхность. Венчики орнаментированы защипами. На плечиках отмечена орнаментация вертикальными отпечатками зубчатого штампа. Подобные формы, близкие роменским, в земле вятичей являются наиболее ранними¹⁸.

Лепную посуду сменяет раннекруговая, покрытая линейно-волнистым орнаментом или частыми линейными полосами (рис. 3, 4—6). Этот керамический тип в Москве и других древнерусских городах является наиболее ранним и датируется XI в.¹⁹ Керамика «курганного» и «городищенского» типов²⁰, представленная обломками гончарных сосудов как ранних, так и развитых форм, характерных для слоев XI—XIV вв. древнерусских поселений, на селище Заозерье 2 бытовала в основной период его существования.

Материалы разведок на селище Заозерье 2, украшения, предметы ремесла и быта характеризуют материальную культуру одного из ранних древнерусских поселений Подмосковья, возникновение которого может быть отнесено ко времени не позднее XI в. Находки свидетельствуют об интенсивной жизни поселения, лежавшего непосредственно у Боровского перевоза, очевидно имевшего важное значение для развития путей сообщения на Московской земле в XI—XIV вв.

¹ *Коняшин Г. М.* Материалы к археологической карте среднего течения Москва-реки. — Труды НИИ краеведческой и музейной работы. М., 1940, т. I; *Успенская А. В., Фехнер М. В.* Указатель к карте «Поселения и курганные могильники северо-западной и северо-восточной Руси X—XIII вв.» — Труды ГИМ, 1956, вып. 32; *Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А.* Список археологических памятников Московской области. М., 1973.

² ПСРЛ, т. 26, с. 133, 383.

³ *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 363, 364; *Бескровный Л. Г.* Куликовская битва. — В кн.: Куликовская битва. М., 1980, с. 228.

⁴ Городище раскапывалось А. Г. Векслером в 1960—1961 гг.

⁵ *Коняшин Г. М.* Материалы..., с. 177.

⁶ *Бадер О. Н.* Возникновение Москвы в свете археологических данных. — Учен. зап. Перм. гос. ун-та им. А. М. Горького, 1951, т. VI, вып. 4, с. 57.

- ⁷ Чернов С. З. К вопросу о древней Коломенской дороге. — В кн.: Тез. докл. об археологических исследованиях в Московской обл. в 1975 г. М., 1976, с. 18.
- ⁸ Векслер А. Г., Станюкович А. К. и др. Исследования в Подмоскowie. — АО 1974 г., М., 1975, с. 52, 53; Гоняный М. И., Станюкович А. К. Исследования в Подмоскowie. — АО 1981 г., М., 1982.
- ⁹ Определение приведено С. А. Яниной.
- ¹⁰ Мальм В. А., Фехнер М. В. Привески-бубенчики. — Труды ГИМ, 1967, вып. 43, с. 136, рис. 20, 1; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, № 65, с. 237; Она же. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981, с. 156, рис. 62, 1—3; Журжалина Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка. — СА, 1961, № 2, с. 129.
- ¹¹ Шмидт Е. А. Курганы XI—XIII вв. у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье. — В кн.: Материалы по изучению Смоленской области, 1957, вып. 2, с. 211, табл. VII, 4—6, 8; с. 250, 259, 260, 276.
- ¹² Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески. — Труды ГИМ, 1967, вып. 43, с. 95, 118; Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. — САИ, М., 1979, вып. Е1—59, с. 60, 61.
- ¹³ Седова М. В. Ювелирные изделия... с. 86.
- ¹⁴ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. — Труды ГИМ, 1967, вып. 43, с. 153.
- ¹⁵ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 117, 118, рис. 42, 1.
- ¹⁶ Розенфельдт Р. Л. О производстве и датировке овручских пряслиц. — СА, 1964, № 4, с. 222—223.
- ¹⁷ Мальм В. А. Шиферные пряслица и их использование. — В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 205, 206.
- ¹⁸ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. — МИА, 1958, № 74, рис. 18, 2, 5; Никольская Т. Н. Земля вятичей. М., 1981, с. 57.
- ¹⁹ Рабинович М. Г. Культурный слой центральных районов Москвы. — МИА, 1971, № 167, с. 25, 26.
- ²⁰ Рабинович М. Г. Культурный слой... с. 23, 24.

З. М. СЕРГЕЕВА

КУРГАНЫ У Д. ЗАЩИРИНО В ПОЛОЦКОМ ПОДВИНЬЕ

Сведения о курганных могильниках на северо-западе Верхнедвинского района Витебской области относятся к 30-м годам XX в.¹ В 1975 г. здесь впервые проведены раскопки их Витебским отрядом Института археологии АН СССР. Изучалась курганная группа у д. Защирино, где было вскрыто шесть насыпей. Расположена она к востоку от деревни, на левом берегу р. Сарьянка. Группа вытянута с запада на восток и насчитывает 46 круглых и четырехугольно-округлых курганов высотой 0,3—1,5 м, диаметры оснований 5—10 м. В восточной части могильника преобладают крупные с крутыми склонами насыпи. Около курганов имеются кольцевые и небольшие овальные ровики. Все насыпи песчаные.

Курган 1 (диаметр север—юг — 4,5 м, запад—восток — 5,2 м, высота 0,5 м) в плане четырехугольно-округлый. Три овальных ровика находились с северо-запада, северо-востока и юго-запада. Захоронение по обряду трупоположения открыто в основании насыпи, на небольшой золистой прослойке, занимающей центральную часть подкурганной площади. Погребенный ориентирован головой на юго-запад; руки, очевидно, располагались в области живота, так как в этом месте найдена единственная в кургане находка — спиральный бронзовый перстень в два оборота (рис. 1, 1).

Курган 2 (диаметр север—юг — 7 м, запад—восток — 7,4 м, высота 0,7 м) по форме аналогичен первому. Отмечено четыре овальных ровика: три с северной, западной и восточной сторон четырехугольного основания, четвертый около юго-западного угла. Погребение находилось на горизонте. Оно нарушено грабительской ямой, но по сохранившимся остаткам можно полагать, что было ориентировано на запад. У ног лежало несколько фрагментов от гончарного горшка. В области живота найден бронзовый круглопроволочный перстень с заходящими концами (рис. 1, 2).

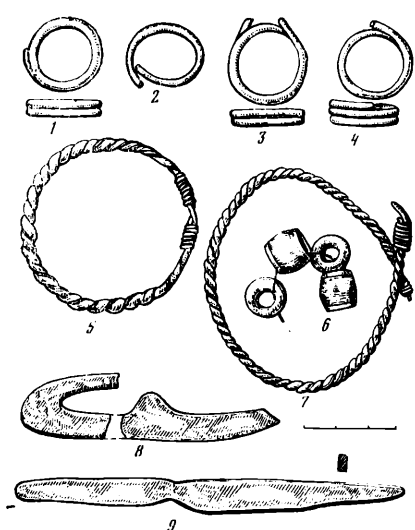


Рис. 1. Находки из курганов у д. Защирино (1—9)

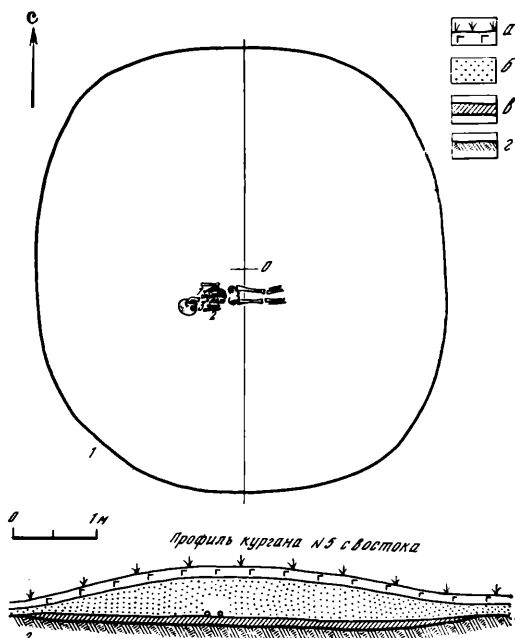


Рис. 2. План и профиль кургана 5 у д. Защирино (1, 2)

находки на плане: 1, 3 — перстни; 2 — браслет; а — дерн; б — песок; в — темная прослойка; г — материк

Курган 3 (диаметр 4 м, высота 0,3 м) таких же четырехугольных очертаний имел два овальных ровика — около северо-западного и юго-восточного углов. Обнаружено два погребения. В южной половине насыпи на глубине 0,2 м расчищено первое труположение, очевидно, впускное, ориентированное на запад. Около черепа найдены фрагменты бронзовой проволоки, возможно, от височного кольца; у пояса — нож и калачевидное кресало (рис. 1, 8, 9). Под насыпью в центре площадки обнаружены остатки второго труположения — несколько необожженных косточек, располагавшихся на кострище из золы, мелких угольков и прокаленного песка.

Курган 4 (диаметр 5,6 м, высота 0,6 м) четырехугольно-округлой формы. Имел три полуовальных ровика — с северо-запада, северо-востока и юга. В центре подкурганной площадки найдено захоронение женщины, ориентированное на восток. Руки и левая нога вытянуты, правая согнута в колене. В ногах обнаружены фрагменты гончарного горшка, на груди — стеклянные бусы, две золотостеклянных и две битрапециодных зеленых (рис. 1, 6). На пальцах левой и правой рук находилось по одному спиральному бронзовому перстню в два оборота (рис. 1, 3, 4). Предматериковая золистая прослойка в этом кургане отсутствовала.

Курган 5 (диаметр 5 м, высота 0,4 м) в плане почти круглый с тремя овальными ровиками с юго-запада, северо-запада и востока. Женское труположение обнаружено в центре подкурганной площадки на золистой прослойке, головой на запад, ноги вытянуты, руки согнуты в локтях кистями к подбородку (рис. 2). На левой руке найден браслет витой из двух бронзовых проволок с завязанными концами (рис. 1, 5). На пальцах рук находилось по пластинчатому бронзовому перстню.

Курган 6 (диаметр 4 м, высота 0,4 м) имел четырехугольно-округлую форму и один овальный ровик с южной стороны. На подкурганной площадке без следов золистой прослойки обнаружено труположение мужчины; ноги вытянуты, руки в области живота. На левой руке находился бронзовый витой браслет с завязанными концами (рис. 1, 7), у правой голени — пластинчатый перстень с геометрическим орнаментом, который, вероятно, был положен в дар умершему.

Как видно, вещевой материал защириных курганов незначителен. Из орудий труда обнаружены только железный нож и кресало. Нож с короткой, сильно сработанной рабочей частью, широкой спинкой (4—5 мм) и длинной ручкой. Такие ножи по новгородской хронологии датируются X—XI вв.² и часто встречаются в древнерусских полусферических курганах этого времени. Кресало по форме, размерам и присутствию язычка идентично находкам X—XI вв. и относится к раннему варианту калачевидных кресал³.

Среди украшений больше всего встречено перстней — семь. Часть их изготовлена из круглой в сечении проволоки (толщина 2—3 мм). Это — круглопроволочный с заходящими концами и спиральные в два или в два с половиной оборота. Последние перстни не типичны для древнерусской материальной культуры. Основное их распространение приходится на области балтских и финно-угорских племен. На соседней латгальской территории эта форма перстней известна с середины I тысячелетия н. э. и особенно популярна была в конце I—начале II тысячелетия н. э.⁴ Ранние находки таких украшений из курганных могильников происходят из длинных и круглых курганов с трупосожжением, поздние — из курганов с трупоположением, преимущественно XI в.⁵

Вторая группа — перстни пластинчатые с разомкнутыми и заходящими друг за друга концами. Изготовлены они из тонкой пластинки (шириной 2—3 мм); один украшен орнаментом из косых крестов. Такие пластинчатые перстни были широко распространены на Руси и в Прибалтике в начале II тысячелетия н. э.

В защириных курганах найдено два витых из двух проволок браслета с завязанными концами. Этот тип украшений часто встречается в древнерусских памятниках X—XII вв. северо-востока и северо-запада Руси, в Верхнем Поднепровье и в Подвинье. Преобладающее количество находок приходится на XI в.⁶

Бусы найдены в единичных экземплярах — две золотостеклянные бочонкообразные и две битрапецидные зеленые. Золотостеклянные бусы крупных размеров, с диаметром, равным высоте, с яркой золотой прокладкой. Многочисленные находки таких бус датируются X—XI вв.⁷

Зеленые битрапецидные бусы имеют диаметр в два раза больше высоты. Бытование их определяется X—XI вв.⁸

В трех курганах в ногах погребенных встречено по несколько фрагментов от лепных и гончарных сосудов, по характеру теста и поверхности аналогичных керамике X—XI вв.

Итак, почти все находки в защириных курганах — общерусских типов, бытующих в основном в X—XI вв. Все трупоположения располагались на горизонте, как большинство древнерусских захоронений XI в. Ориентированы погребенные преимущественно на запад, только в одном случае женщина была положена головой на восток. Как известно, восточная ориентировка очень распространена у балтов, но для мужских захоронений; женщин, как правило, хоронили головой на запад⁹.

Обращает внимание положение рук у погребенных. Здесь нет еще такого однообразия, как в более поздних курганах конца XI—XIII вв., где обычно руки лежат в области живота. В кургане 5 у Защирино кисти рук располагались у подбородка. Такое же положение рук зафиксировано в Нукшинском могильнике в 43 случаях¹⁰.

Отмеченная четырехугольная форма курганов находит аналогии среди курганных могильников с трупосожжением IX—X вв. Подобные насыпи, раскопанные в Смоленском Поднепровье¹¹, в Белорусском Подвинье¹², содержали трупосожжения в основном на горизонте и часто урновые. Ровики у таких курганов, как правило, кольцевые или расположены вдоль сторон с перемычками на углах. Инвентарь в них как славянских, так и балтских типов, а в смоленских курганах у Новоселок найдены и скандинавские типы вещей. При этом Е. А. Шмидт отмечает, что находки балтского характера здесь представлены единично, и они в основном тех типов, которые распространены в длинных курганах, поэтому он относит

их к пережиточным. Четырехугольную форму курганов он также считает традицией, сохранившейся от более раннего времени VIII—IX вв.¹³ Появление насыпей, имеющих в плане очертания четырехугольника, по наблюдениям исследователей связано с сооружением на месте кургана прямоугольных деревянных срубов или костров¹⁴. Защириинские курганы, сохранившие еще древнюю четырехугольную форму, имеют уже поздние овалы, расположенные разнообразно — на углах и по сторонам, и погребальный обряд — труположение. Следует заметить, что золистые предматериковые прослойки в исследованных курганах не имели четырехугольных очертаний. На основании этого можно полагать, что в отдаленных северо-западных районах Руси дольше сохранялись отдельные элементы древних погребальных обрядов, чем в более развитых центральных.

По вещевому материалу, обряду и погребальным сооружениям защириинские курганы принадлежат к славянским погребальным памятникам. Наличие в них балтских элементов свидетельствует о присутствии здесь древнего балтского населения. Вещевой материал и сосуществование четырехугольной формы курганов с обрядом труположения позволяет отнести их сооружение к первой половине XI в.

¹ *Глауценак В.* Некоторые з помніка Асвейскага раену. — Наш край. Менск, 1930, № 2, с. 55—57.

² *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1969, № 65, с. 48.

³ *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей. — СА, 1958, № 2, с. 99.

⁴ *Нукшинский могильник.* — МИА ЛатССР, Рига, 1957, т. I, с. 39.

⁵ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. — САИ, 1974, вып. Е1—8, с. 32; *Сергеева З. М.* Курганы у д. Новинки. — КСИА, 1975, вып. 144, с. 89.

⁶ *Левашова В. П.* Браслеты. — Труды ГИМ, 1967, вып. 43, с. 219.

⁷ *Щапова Ю. Л.* О происхождении некоторых типов древнерусских бус. — СА, 1962, № 2, с. 91.

⁸ *Щапова Ю. Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55, с. 168, 172.

⁹ *Нукшинский могильник*, с. 20.

¹⁰ *Нукшинский могильник*, с. 19.

¹¹ *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. — МИСО, Смоленск, 1963, вып. V, с. 114; *Ширинский С. С.* Курганы IX—первой половины X в. у пос. Новоселки. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 114—116.

¹² *Ляуданскі А. Н.* Археологічныя даследы у Віцебскай акрузе. — Працы, Мінск, 1930, II, с. 99—102.

¹³ *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области, с. 127, 128.

¹⁴ *Гамченко С.* Исследование Сестрорецких курганов в 1908 г. — ЗОРСА, СПб., 1913, т. IX, с. 95.

Г. Н. ПРОНИН

РАСКОПКИ КУРГАННО-ЖАЛЬНИЧНОГО МОГИЛЬНИКА У Д. НОВИНКА

Одной из наиболее характерных деталей курганов древнерусского времени земли словен новгородских является наличие кольцевых валунных обкладок основания насыпей. Ряд исследователей полагают, что традиция сооружения кольцевых каменных кладок в курганах XI—XIV вв. в Северо-Западном регионе является реминисценцией отдельных черт погребальной обрядности «культуры» сопок. В то же время известно, что курганы с каменной обкладкой очень часто встречаются в одних могильниках с жальничными захоронениями. Предполагается также, что последние пришли на смену курганам и в течение относительно короткого времени полностью вытеснили курганный обряд погребения.

Однако ареалы курганных могильников с кольцевыми обкладками и ранних курганно-жальничных могильников совпадают с ареалом сопок

лишь в узком регионе бассейна Верхнего Полужья и Оредежа. Одновременно район наиболее плотного распространения собственно жальничных могильников расположен в основном к востоку от бассейна оз. Ильмень, т. е. полностью совпадает с ареалом сопок. Могильники же, состоящие из курганов с каменными кольцевыми обкладками, так же как и курганно-жальничные могильники, известны на этой обширной территории лишь в единичных пунктах.

Но если могильники подобного типа на восточном побережье Псковского и Чудского озер, в бассейне р. Великая (с притоками), на Ижорском плато и в Лужско-Оредежском регионе изучены достаточно полно (в основном это обширные раскопки конца прошлого—начала нашего столетий), то немногочисленные могильники с курганами с каменными кольцевыми обкладками и другими конструкциями из камня в восточных районах Новгородской земли практически не исследовались.

С целью хоть немного восполнить этот пробел Ильменской экспедицией ИА АН СССР (начальник экспедиции — Г. Н. Пронин) в 1977 г. были произведены раскопки курганно-жальничного могильника у д. Новинка (среднее течение р. Молога, Пестовский район Новгородской области). По данным конца 40-х годов нашего века у д. Новинка — на противоположном от нее берегу р. Молога значился большой жальничный могильник. К концу 70-х годов на месте могильника были видны лишь 11 небольших курганов с кольцевыми каменными обкладками оснований насыпей и отдельные валуны, слабо выступающие над поверхностью земли, возможно, остатки обкладок жальничных могил.

Курганно-жальничный могильник расположен на верхней площадке правого коренного берега р. Молога, в 0,3—0,38 км к северо-востоку от деревни. Превышение площадки памятника над уровнем воды равно 3—3,5 м. Береговая терраса круто обрывается к реке и, несмотря на то, что склон берега задернован и порос деревьями и кустарником, интенсивно размывается в период половодий, что привело к оползанию насыпей многих курганов к реке. Курганы вытянуты вдоль обреза берега реки в направлении север-северо-восток—юг-юго-запад. Все насыпи невысокие, приземистые, полусферической формы. Основания курганов по периметру имеют валунную обкладку, которая в ряде случаев плохо прослеживалась на поверхности из-за оползания насыпей. Диаметры курганов колеблются в пределах от 2,5 до 6,5 м, высота — от 0,3 до 0,85 м. В ходе раскопок было установлено, что курганы 1—2, 9 — являются наибольшими естественными возвышенностями. Курган 6 не раскапывался, так как насыпь практически полностью уничтожена большой кладовищательской ямой по центру. Остальные курганы (3—5, 7—8, 10—11) были исследованы (рис. 1, 2).

Курган 3 (диаметр — 4 м, высота — 0,36 м). Насыпь — желто-серый перемешанный песок. В основании кургана — прослойка погребенного дерна — темно-серый сильно гумусированный песок толщиной до 0,2 м (рис. 1, 1). В основании насыпи — кольцевая валунная обкладка из камней самой различной формы и размеров. В восточной части насыпи обкладка сложена в два яруса, причем наиболее крупные камни лежат либо на уровне погребенного дерна, либо непосредственно на светлом материковом песке (рис. 1, 1). Под насыпью кургана обнаружены две могильные ямы. Заполнение одной из них (южной) — рыхлый песок темно-коричневого цвета, второй — темно-серый песок с включениями мелкого угля. *Погребение 1 (южное)*. Яма подпрямоугольной формы, ориентирована запад—северо-запад—восток—юго-восток. Имеет размеры 2,75 × 1,15 × 0,7 м (рис. 1, 1). Мужской скелет покоился в вытянутом положении на спине на материковом дне ямы, руки согнуты к подбородку. Вещей при погребении не найдено. *Погребение 2 (северное)*. В яме размерами 2,45 × 1 × 0,6 м, ориентированной запад—восток. Женский скелет — в вытянутом положении на материковом дне ямы. Левая рука согнута в области паха, правая — вытянута вдоль туловища (рис. 1, 1). Погребение безынвентарное.

Курган 4 (диаметр — 3 м, высота — 0,2 м). Плоская насыпь, сильно оплывшая по склону берега реки. В основании насыпи — прослойка погребенного дерна мощностью 0,2 м. Обкладка из валунов средних размеров, камни лежат на уровне погребенного дерна (рис. 1, 2). Могильная яма расположена в центре кургана, прослеживалась с глубины 0,5 м на фоне светлого материкового песка пятном подпрямоугольной формы красновато-коричневого оттенка с включениями мелкого угля. Яма ориентирована запад—восток, размеры — 2,4×0,8×0,43 м (рис. 1, 2). Вдоль продольных стенок ямы были прослежены слабо выраженные узкие полосы древесного тлена. Женское погребение — на материковом дне ямы, повторяет ее ориентировку, в вытянутом положении на спине, череп — на левом виске. Насколько можно судить, правая рука была вытянута вдоль туловища, левая — согнута на животе (рис. 1, 2). У черепа найдено тонкопроволочное бронзовое височное кольцо средних размеров с заходящими концами (рис. 3, 1). Обломки второго аналогичного кольца были обнаружены под черепом.

Курган 5 (диаметр — около 2,5 м, высота — 0,2 м). Насыпь сильно оплыла по склону; в основании — прослойка погребенного дерна (рис. 1, 3). Валунная обкладка имеет форму правильного овала, сложенного из крупных валунов в один ярус и ряд (рис. 1, 3). Камни покоятся на уровне древней дневной поверхности. По центру насыпи погребенный дерн прорезает узкая и глубокая могильная яма, выделявшаяся на фоне материкового песка темно-серым гумусированным заполнением. Из-за оплыва грунта по склону берега контуры ямы удалось проследить лишь с восточной стороны (рис. 1, 3). Костяк покоится на спине в вытянутом положении на материковом дне ямы. Сохранность костей плохая. Правая рука согнута в области паха, левая, вероятно, была вытянута вдоль туловища (рис. 1, 3). В области грудной клетки при погребении найдено железное овальное кресало (рис. 3, 2).

Курган 7 (диаметр — 4 м, высота — 0,55 м). Насыпь более чем наполовину уничтожена оползнями (рис. 2, 1). Методика раскопок здесь была несколько иной: сохранившаяся восточная часть насыпи была врезана в небольшой раскоп, бровки не оставлялось, а вертикальная зачистка берегового склона не дала существенных результатов — могильная яма в разрезе не читалась. Основание насыпи было окружено кольцом крупных валунов, выступавших над поверхностью земли на 0,2—0,3 м. Камни были выложены в один ярус и покоились на плотном, светло-коричневом материковом суглинке. Между наиболее крупными валунами, под ними, располагались камни меньших размеров, служившие подпоркой для основной кладки.

Могильная яма (заполнение — черный углистый песок с включениями мелкого камня) — подпрямоугольной формы, ориентирована запад—восток, имела размеры — 2,8×1,6 м при глубине 0,26 м от уровня материка. На дне ямы местами сохранилась подсыпка (толщиной 0,03—0,05 м) из плотного утрамбованного бурого суглинка, на которой и было совершено захоронение. Погребение — мужское, ориентировано запад—восток, на спине в вытянутом положении. Сохранность костей плохая: череп сильно ополз по склону, не сохранились кости рук и кистей (рис. 2, 1). Вещей при погребении не найдено. В заполнении могильной ямы встречено несколько мелких фрагментов гончарной керамики, украшенной линейным орнаментом.

Курган 8 (диаметр — 5,4 м, высота — 0,32 м). Насыпь сложена из однородного перемешанного темного серовато-коричневого песка. В основании насыпи — прослойка погребенного дерна толщиной 0,15 м. Это единственный курган в группе, не содержащий никаких каменных конструкций (рис. 1, 4). В центре кургана под насыпью обнаружено погребение в грунтовой яме. Яма подпрямоугольной формы, ориентирована запад—восток, имеет размеры 1,85×0,8 м. Глубина ямы от уровня погребенного дерна — 0,6 м, заполнение — темно-серый гумусированный песок с вкраплениями мелкого угля (рис. 1, 4). Костяк (мужской) покоился на песчаном мате-

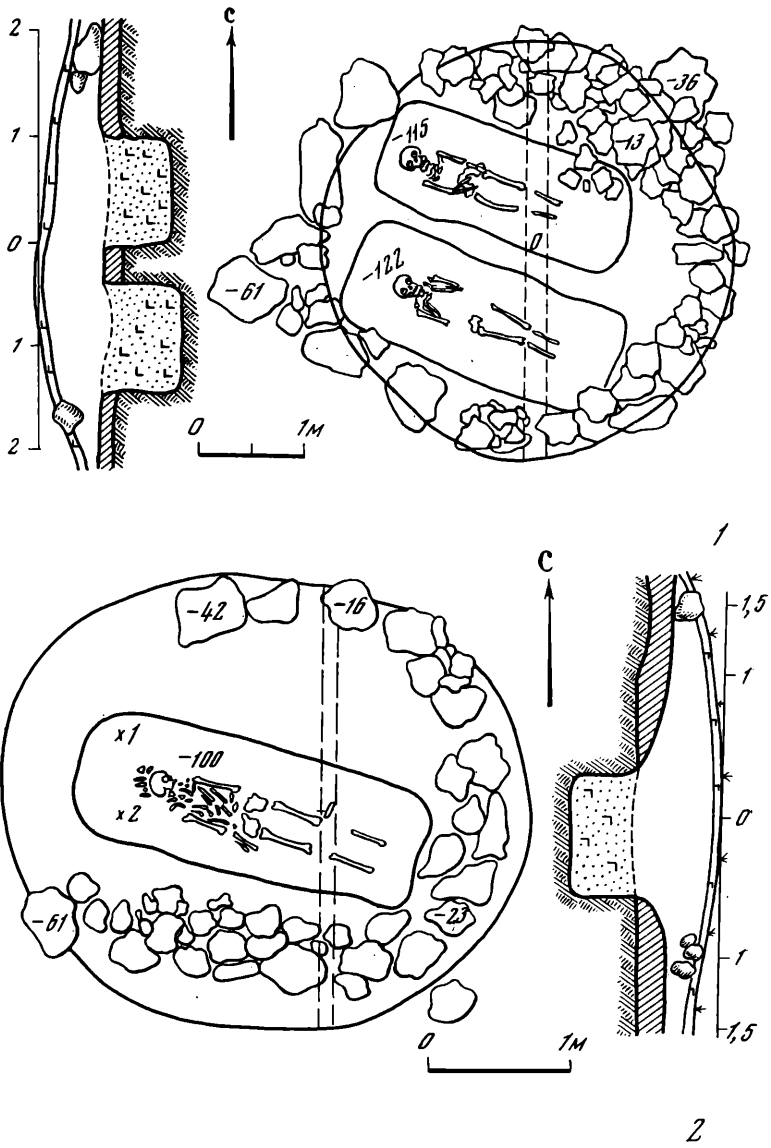


Рис. 1. Планы погребений курганно-жальничного могильника у д. Новинка
 1 — курган 3; 2 — курган 4; 3 — курган 5; 4 — курган 8

риковом дне ямы, на спине в вытянутом положении, головой на запад. Череп лежал на правом виске, руки согнуты в области паха. У тазовых костей найден железный черешковый нож со следами деревянной обкладки рукоятки (рис. 3, 5).

Курган 10 (диаметр — 3,4 м, высота — 0,3 м). Стратиграфия насыпи аналогична вышеописанному. Насыпь окружена сплошной валунной обкладкой. С восточной и юго-восточной стороны обкладка состоит из небольших камней, сложенных в два-три ряда в два яруса (рис. 2, 2). Более крупные камни составляли нижний ярус кладки. С западной и северо-западной стороны — обкладка из крупных валунов в один ряд (рис. 2, 2). Под насыпью кургана обнаружены три погребения по обряду ингумации в грунтовых ямах — женское и два детских. *Погребение 1* (женское) — в яме подпрямоугольной формы, ориентированной запад—восток, размерами 2×0,8 м. Глубина ямы в материке от уровня погребенной почвы — 0,48 м. Заполнение — темно-коричневый песок с включениями

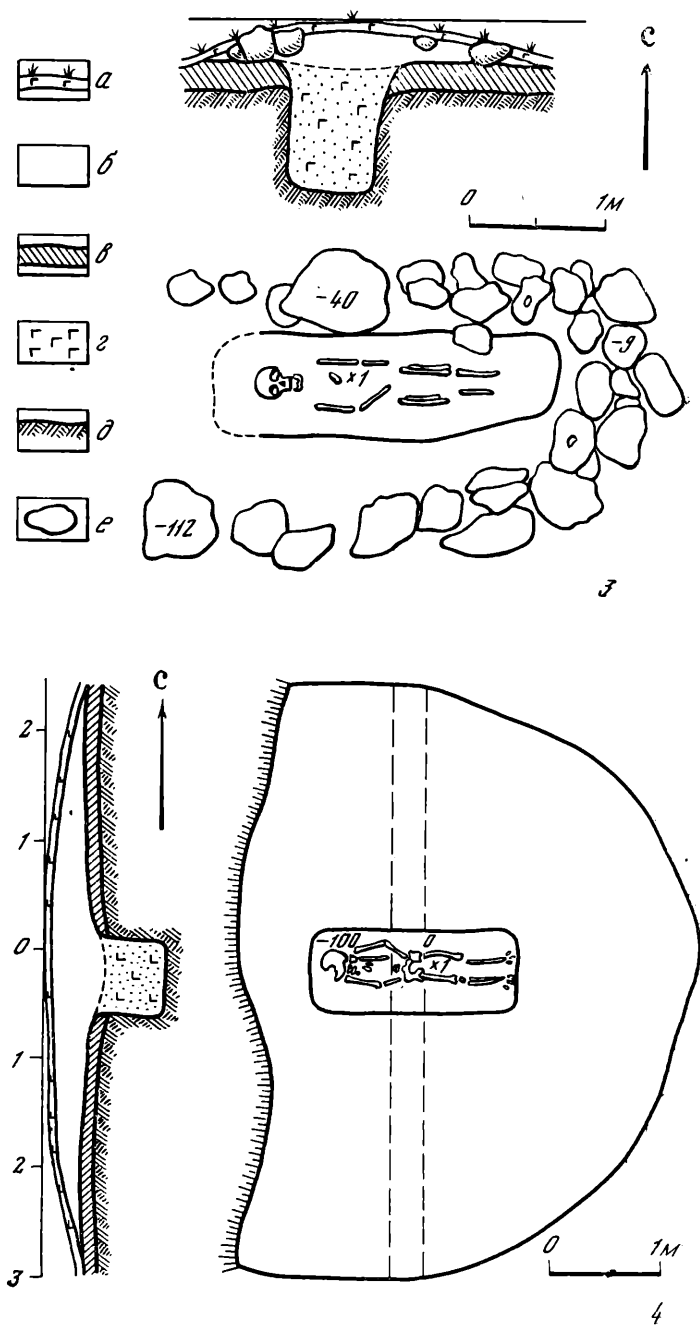


Рис. 1. (окончание)

гумуса. Костяк покоится на спине на материковом дне ямы в вытянутом положении, головой на запад. Сохранность костей плохая: сохранился лишь череп, лежавший на левом виске, плечевая кость левой руки, берцовые кости ног и одна тазовая кость (рис. 2, 2). Вещей при захоронении нет. Погребения 2 и 3 — детские, в грунтовых ямах размерами соответственно $1,7 \times 0,5 \times 0,5$ и $1,1 \times 0,45 \times 0,4$ м. Ямы ориентированы в направлении — запад—восток. От обоих костяков сохранились лишь черепа в обломках (рис. 2, 2).

Курган II (диаметр — 6 м, высота — 0,4 м). Насыпь расплывшаяся. На ее поверхности выступали отдельные камни. Как выяснилось в ходе

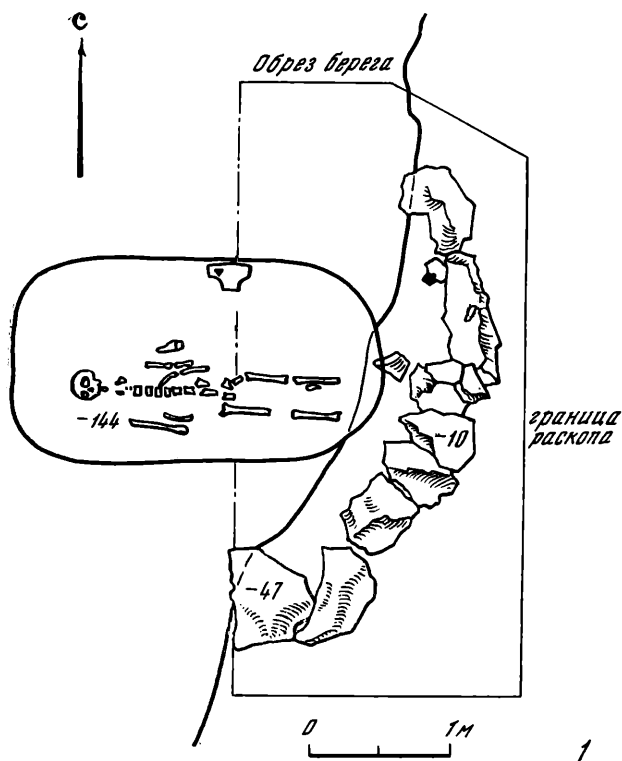


Рис. 2. Планы погребений курганно-жальничного могильника у д. Новинка

1 — курган 7;

Условные обозначения к рис. 1 и 2:

а — дерн;

б — насыпь;

в — погребенный дерн;

г — заполнение могильных ям (темно-серая гумусированная супесь);

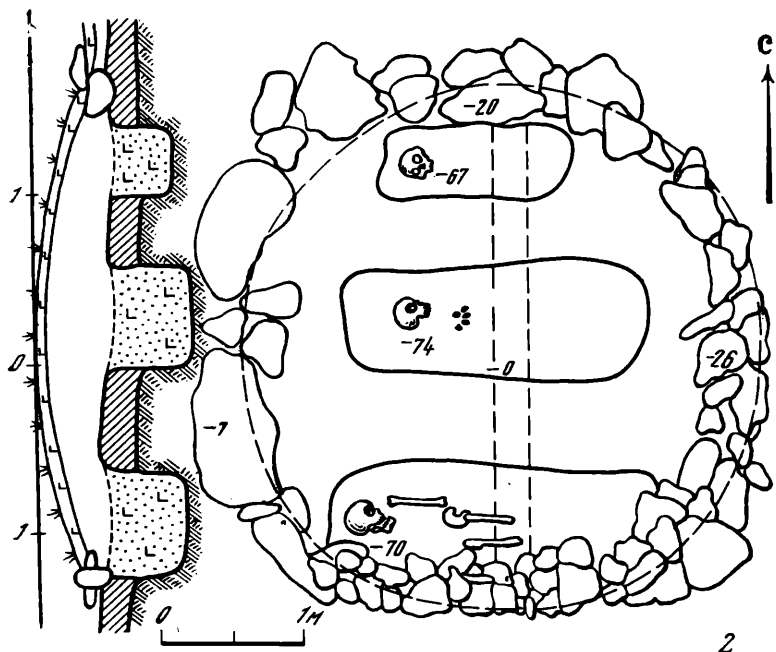
д — материк;

е — камни

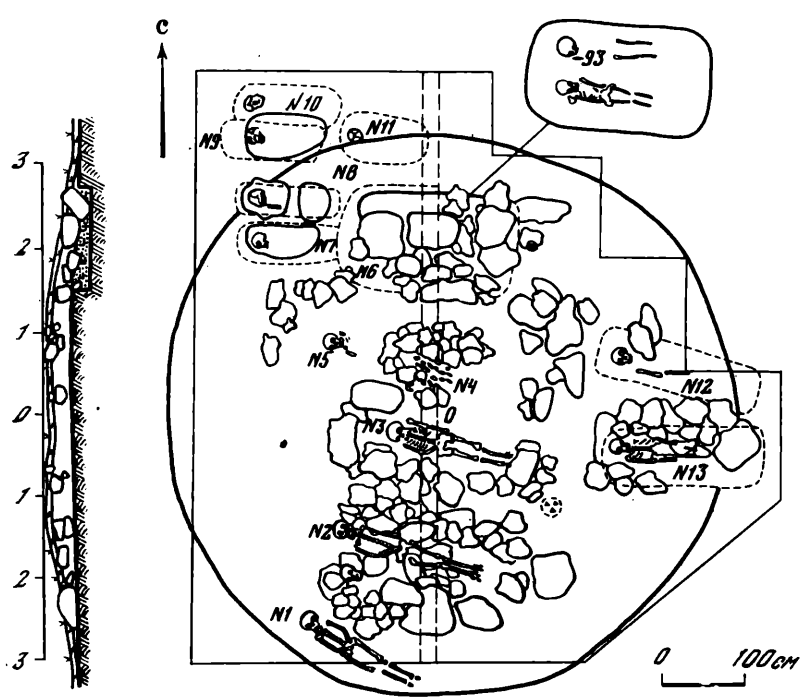
раскопок, этот курган по своим конструктивным особенностям весьма отличен от других курганов могильника.

Насыпь кургана сложена из темно-серого — до черного — сильно гумусированного песка. Сам курган сооружен непосредственно на коричнево-красном плотном материковом суглинке, погребенного дерна под насыпью не обнаружено (рис. 2, 3). Курган содержал 13 погребений, сопровождавшихся различными каменными конструкциями. Часть из них следует интерпретировать как жальничные могилы, перекрытые насыпью кургана, — явление довольно редкое в Северо-Западном регионе (рис. 2, 3).

Погребение 1 — открыто в юго-западном секторе кургана, с внешней стороны каменных конструкций соседних захоронений, являющихся, по-видимому, основными. Костяк женский, ориентирован северо-запад—юго-восток, покоится на материке на спине, в вытянутом положении. Руки скрещены в области паха (рис. 2, 3). Погребение безынвентарное. *Погребение 2*, вероятно, парное (мужское и женское захоронения), совершено также на материке. Оба погребения обставлены камнями различных размеров, которые образуют вытянутый овал (рис. 2, 3). Первоначально камни были выложены в виде стенки в два-три яруса высотой (рис. 2, 3). Нижний ярус сложен из довольно крупных валунов, верхние — из более мелких. Со временем кладка рассыпалась, образовав сплошной завал камней над погребением 2 (рис. 2, 3). От женского погребения сохранился только череп, мужской лишь слегка потревожен рассыпавшимися камнями. Костяк ориентирован в направлении северо-запад—юго-восток, в вытянутом положении, на спине. Правая рука согнута к паху, левая — вытянута вдоль туловища (рис. 2, 3). При погребении найдены: обломок литого бронзового браслета со слегка утолщенными концами (рис. 3, 3), призматическая сердоликовая бусина и лимонообразная бусина из желтой пасты (рис. 3, 6, 7, 9). *Погребение 3* — располагалось также в центре кургана, вплотную к каменным конструкциям погребения 2, севернее его (рис. 2, 3). Погребение оконтурено подпрямоугольной валунной обкладкой из крупных валунов. Камни



2



3

Рис. 2. (окончание)

2 — курган 10; 3 — курган 11

сложены в один ярус и в один ряд (рис. 2, 3). Обкладка вытянута в направлении запад—восток на 2,6 м. Погребение (мужское) было совершено на уровне материка, на спине в вытянутом положении. Костяк ориентирован в направлении северо-запад—юго-восток, правая рука согнута на животе, левая — вытянута вдоль туловища (рис. 2, 3). При погребении в области тазовых костей найден железный рыболовный (?)

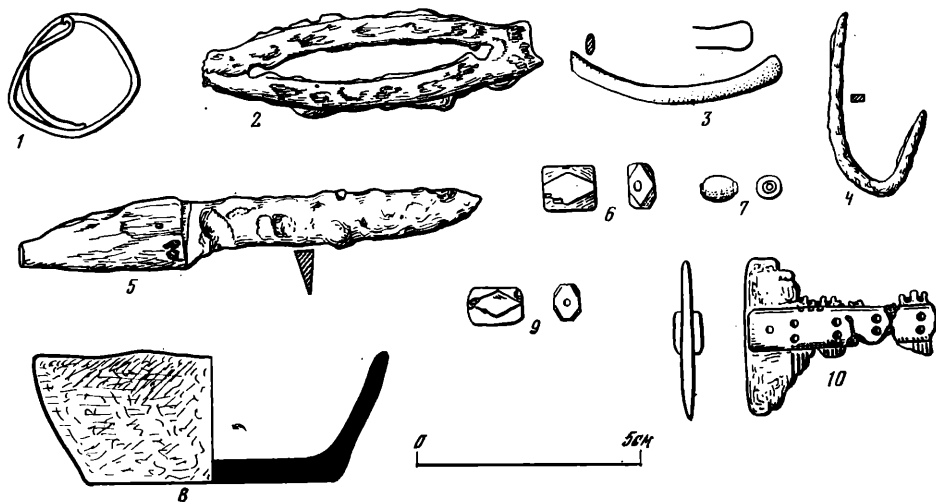


Рис. 3. Инвентарь из погребений курганно-жальничного могильника у д. Новинка
 1 — курган 4; 2 — курган 5; 5 — курган 8; 3, 4, 6—10 — курган 11 (3, 6, 7, 9 — погребение 2; 4 — погребение 3; 8 — обломок гончарного сосуда из насыпи кургана 11; 10 — погребение 6).

крючок (рис. 3, 4). *Погребения 4 и 5.* Погребение 4 располагалось рядом с погребением 3 — несколько севернее его (рис. 2, 3). Здесь прямо под дерном по обе стороны бровки был обнаружен развал валунов средних размеров, образующих полуовальную кладку (рис. 2, 3). В пределах этой кладки в насыпи кургана найдено беспорядочное скопление человеческих костей (рис. 2, 3). Погребением 5 назван человеческий череп, два обломка ребер и ключица, найденные в насыпи кургана в северо-западном секторе (рис. 2, 3). Оба погребения явно потревожены. *Погребение 6* — парное, мужское и женское захоронение. Это погребение представляет собой жальничную могилу, перекрытую насыпью кургана (рис. 2, 3). Яма подпрямоугольной формы, ориентирована в направлении запад—восток, имеет размеры $2,05 \times 1,28$ м. Глубина могильной ямы в материке 0,2 м. Вся могила была сплошь завалена крупными валунами (рис. 2, 3), а с северной продольной стенки ямы был положен огромный валун размерами $1,9 \times 0,4$ м. На материковом дне могильной ямы обнаружено два костяка. От мужского костяка сохранился лишь череп плохой сохранности и кости ног; женский — ближе к южной стенке ямы сохранился лучше — костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища (рис. 2, 3). При женском костяке найден в обломках двусторонний костяной гребень с бронзовыми заклепками (рис. 3, 10). *Погребения 7—11* — это явно могилы жальничного типа. Захоронения совершены в грунтовых ямах овальной или подпрямоугольной формы, заполненных темным гумусированным песком. Глубина могильных ям в материке не превышала 0,15—0,2 м. Сверху могильные ямы были перекрыты одной или несколькими плоскими плитами, причем могилы 9—10 — отмечены одной общей плитой, а могила 11 вообще не сопровождалась камнями (рис. 2, 3). Все могильные ямы содержали остатки детских захоронений плохой сохранности — уцелели только черепа в обломках (рис. 2, 3). Все погребения безынвентарные. *Погребение 12* — также жальничная могила (грунтовая узкая яма размерами $2,08 \times 0,6 \times 0,22$ м), практически полностью перекрытая насыпью кургана (рис. 2, 3). Заполнение ямы — темный гумусированный песок. На дне ямы у северной стенки помещались два валуна средних размеров. Других каменных конструкций не обнаружено (рис. 2, 3). Костяк сохранился плохо — череп на затылочных костях и две кости от рук и ног (рис. 2, 3). Никаких вещей захоронение не содержало. *Погребение 13* — жальничная могила в восточной поле насыпи. Яма под-

прямоугольной формы, размерами $2,0 \times 0,7 \times 0,3$ м, ориентирована запад—восток. По периметру могила обложена двухъярусной кладкой из крупных валунов (рис. 2, 3). Нижний ярус кладки покоится на материке. На дне ямы обнаружен скелет (мужской — ?), на спине, череп на правом виске, правая рука вытянута вдоль туловища, левая, насколько можно судить, была согнута в области тазовых костей. Ориентировка погребения обычная — запад—восток. Интересно отметить, что длина костяка — немногим более метра, хотя, судя по костям, он принадлежит крупному субъекту. Не исключена возможность, что погребение было совершено в сидячем или полусидячем положении (рис. 2, 3). Вещей захоронение не содержало.

Попытки реконструкции этой насыпи усложнены отсутствием стратиграфии. Но, предположительно, картину можно восстановить следующим образом. Курган был сооружен на территории уже существующего жальничного могильника. Об этом свидетельствует то, что ряд жальничных могил перекрыт насыпью кургана (рис. 2, 3). Площадка, выбранная для захоронений, была предварительно выровнена и очищена от дерна. Причем этот же грунт, вероятно, затем использовался для засыпки погребений, что и привело к полной перемешанности насыпи и ее аморфности. На этой площадке были произведены два захоронения — погребения 2 и 3, являющиеся, как представляется, основными (рис. 2, 3). Затем производилась частичная засыпка погребений, после чего сооружались каменные обкладки по принципу жальничных могил. Об этом свидетельствует тот факт, что большая часть камней, за исключением самых крупных, покоится не на материке, а несколько выше его — в насыпи (рис. 2, 3). После сооружения каменных обкладок могилы были засыпаны дополнительно, и курган приобрел свой окончательный облик. Вероятно, тогда же или несколько позже с южной стороны каменной оградки могилы 2 на уровне материка было совершено дополнительное погребение (1), являющиеся по отношению к основному комплексу впускным захоронением. Могилы 4 и 5 являются, по-видимому, впускными жальничными захоронениями в готовую насыпь кургана.

Для датировки могильника данных мало — вещевой инвентарь курганов крайне беден (рис. 3). Височные кольца, близкие по типу перстнеобразным, не имеют узкой даты. Такие кольца (рис. 3, 1) были широко распространены в погребальных комплексах Северо-Запада с XI до XIII—XIV вв. Железное кресало из погребения в кургане 5 датируется по новгородским аналогиям XII—XIII вв. (рис. 3, 2). Ко времени XI—XII вв. можно с известной долей вероятности отнести и бусы из погребения 2 кургана 11 (рис. 3, 6, 7, 9), а возможно, и обломок бронзового браслета (рис. 3, 3).

Однако ряд косвенных факторов свидетельствует в пользу более поздней датировки памятника. Все насыпи в могильнике низкие, малого диаметра и представляют собой как бы переходное звено от курганов к собственно жальничным захоронениям (особенно хорошо это видно на примере кургана 5). Жальничные погребения, открытые в северной части могильника под насыпью кургана 11, также представлены поздним, насколько можно судить, типом — могилы, перекрытые плоскими плитами. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие инвентаря, что более характерно для поздних захоронений. Таким образом, могильник можно предварительно датировать XIII—началом XIV в.

ФИНСКИЙ МОГИЛЬНИК У С. НИКИТИНО

В 1977—1978 гг. Окско-Донской экспедицией проведены рекогносцировочные раскопки грунтового могильника в окрестностях с. Никитино Спасского р-на Рязанской области. Он расположен на правом высоком коренном берегу Оки при впадении в нее р. Проня. Могильник занимает мыс, образованный с севера оврагом, известным у местного населения под названием Подосинки, с юга — оврагами «Рожок» и «Прогон», а с запада — поймами Прони и Оки. Он был открыт случайно при земляных работах на своей усадьбе жителем с. Никитина В. Н. Назаровым в 1928 г. Вещи из могильника переданы им в Рязанский музей. В том же году могильник осмотрен П. П. Мансуровым. В 1977—1978 гг. вскрыто 156 кв. м и расчищено 23 погребения, из них девять мужских, десять женских, три детских, одно неопределенное. Это были трупоположения, совершенные в прямоугольных со скругленными углами довольно уязких могильных ямах. Засыпка могильных ям — глина. В трех случаях в ней встречены следы гризны: фрагменты лепной сероглиняной керамики. Такой же довольно редкой чертой обряда является и наличие древесных углей в засышке ям. Одной из характерных особенностей Никитинского могильника является устойчивая северо-восточная ориентировка покойников. В этом отношении он весьма близок к Облачинскому и «Закопищенскому» могильникам Спасского р-на Рязанской обл.¹ Захоронения совершались на спине в вытянутом положении. Руки погребенных мужчин вытянуты вдоль туловища, кисти рук у женщин лежат в области тазовых костей. Все умершие, вероятно, были завернуты в луб, о чем свидетельствуют остатки последнего как под костями, так и на украшениях.

Большинство погребений одиночные, наряду с ними есть тройные (погребение 7) — двух женщин и ребенка; двойные — захоронение двух женщин, или женщины и ребенка (погребения 15, 16), и парные — захоронения мужчины и женщины (погребение 5). Почти все погребения отличаются обилием погребального инвентаря. Женские погребения изобилуют украшениями, сделанными из бронзы или низкопробного серебра. В области шеи женских костяков лежит большое количество красных пастовых бус, образующих порой несколько низок, а также дровоты гривны с обмоткой бронзовой проволокой и напусковыми бусами с застежкой-коробочкой (табл. 1) или с застежкой в виде петли с одной стороны и крючка — с другой. В ряде женских погребений на шее костяков одеты серповидные гривны.

Весьма часто ожерелья состоят из нескольких низок, сделанных из красных пастовых бус, чередующихся с бронзовыми шумящими привесками. В области груди женских погребений лежат дисковидные бронзовые бляхи с крестовидным перекрестием или с шестиугольной дверкой и треугольными прорезями. На костях рук обычны дровоты браслеты, порой с растробовидными концами, а на фалангах пальцев рук — спиральные кольца.

На черепах женских скелетов сохраняются остатки ткани головных уборов, иногда с вышивкой ее оловянным бисером (погребения 3, 5а, 7а). В состав женского головного убора входили височные привески трех типов: 1) в виде кольца, к которому снизу прикреплена трапециевидная пластина, к нижним углам последней крепились две трубчатые подвески; 2) в виде ажурных сегментовидных бляшек, к которым внизу прикреплены 3—4 привески-колокольчика (рис. 1, 3); 3) в виде 5—6 лепестковых розеток (погребения 15, 16).

В состав женского головного убора в ряде погребений входили накосники лентовидной формы. Они состоят из нескольких ремешков с напизанными на них пронизками. Эти ремешки соединяются в ленту брон-

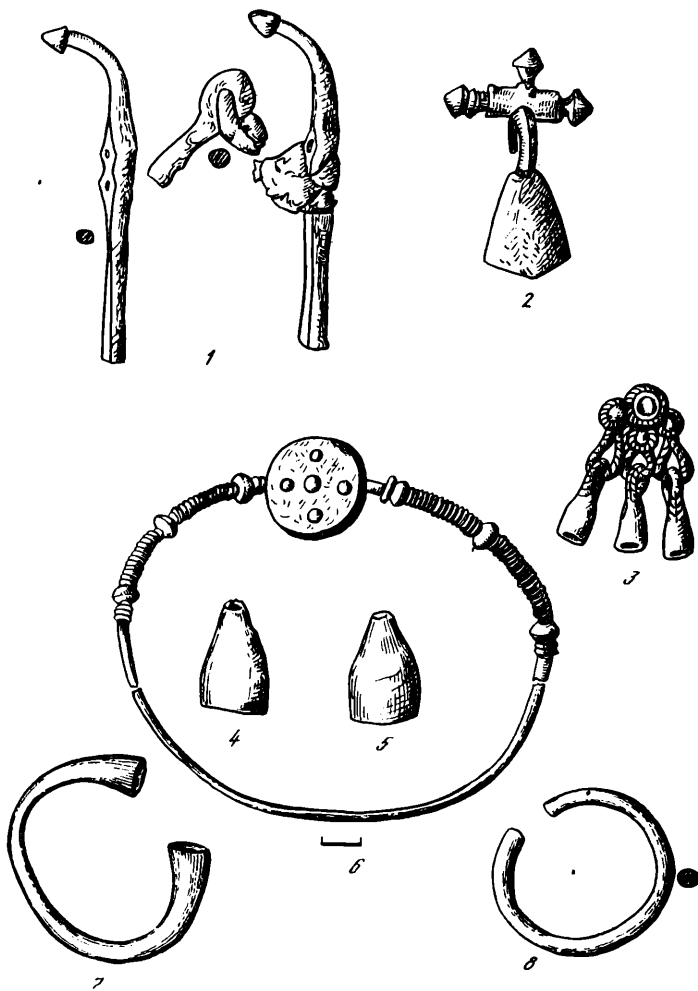


Рис. 1. Вещи из могильника у с. Никитино
1, 2 — погребение 8; 3, 6—8 — погребение 19; 4, 5 — погребение 17

зовыми штампованными обоймицами. Заканчивается лента-накосник одной бляшкой-розеткой с четырьмя подвесками-колокольчиками (рис. 1, 4, 5). Обычно в состав головного убора входят две спускающихся на плечи накосника-ленты.

Все вышеописанные типы накосников и височных привесок встречаются в погребениях замужних женщин, о чем свидетельствуют находки их в парных погребениях и в двойных погребениях (женщина и ребенок).

Эти височные привески находят аналогии в Шатрищенском² могильнике, расположенном ниже по течению р. Оки, а также в других окских могильниках, таких, как Борковский и Кузьминский³. В ряде погребений Никитинского могильника сохранились, помимо остатков тканей головных уборов, и остатки тканей одежды.

Как правило, мужские погребения в изобилии содержат железные втульчатые топоры, ножи, оружие, наконечники копий, стрел, украшения. В наиболее богатых мужских погребениях встречается конская сбруя, удила, плетки с деревянной рукоятью, обвитой бронзовой лентой шириной в 0,7 см, и мечи.

Особенно интересно погребение 8. Могильная яма его — узкая прямоугольная, со скругленными углами размерами 3×0,56 м. Правая рука умершего была чуть согнута в локте, кисть ее лежала на локте, левая

вытянута вдоль туловища. Череп был чуть развернут вправо и опущен на грудь. На предплечевых костях имелись дровые браслеты с растробовидными концами — на правой руке три, на левой два (рис. 1, 8). Справа у бедра лежал железный меч. В ногах находились два железных наконечника копья и лепной сосуд. В области плеча лежала серебряная крестовидная фибула (рис. 1, 2), а в области груди — две бронзовые кольцевидные застежки.

На дне могильной ямы (северо-восточнее черепа) лежали топор-кельт, удила с бронзовыми псалиями (рис. 1, 1), бляшки конского убора, железная пряжка от сбруи.

Изредка в наиболее богатых погребениях вместе с мужчиной-воином погребена женщина. Так было в погребении 5 (в довольно широкой могильной яме размерами 2,3×0,8 м). Восточный скелет принадлежал мужчине, в западный — женщине. При первом слева вдоль туловища лежал железный меч, а в ногах топор-кельт. За черепом найдены железные кольчатые удила, нагайка, рукоять которой обвита бронзовой лентой шириною 0,3 мм. На шею была одета дровая гривна, а на плече лежала крестовидная фибула из низкопробного серебра. Под бронзовыми украшениями сохранились остатки ткани одежды. При женском костяке в области шеи и груди найдено скопление красных пастовых бус, дровая бронзовая гривна с застежкой-коробочкой (рис. 1, 6). На костях рук покойной были одеты бронзовые дровые браслеты. Перед нами, очевидно, — погребение воина, принадлежащего к родовой верхушке.

У пояса наиболее богатых мужских погребений, слева у бедра обычно лежит меч (погребения 5а, 8, 9, 14, 21). Все мечи — однолезвийные, имеют длину от 40 до 50 см. На всех сохранились остатки деревянных ножен.

Как правило, в мужских погребениях с мечами лежат остатки конской сбруи: железные кольчатые удила или удила с бронзовыми псалиями или остатки уздечки. В области ног постоянной находкой являются железные топоры-кельты.

Одной основной особенностью Никитинского могильника является большой процент мужских погребений с мечами и конской сбруей. Из

Таблица 1
Обрядность рязанско-окских могильников

Особенности обряда	Название могильника						
	Никитинский	Шатрищенский	Кулаковский	Кузьминский	Борковский	Армиевский	Гавурдовский
Труположения	23	208	7	86	103		33
Трупосожжения	—	1	—	6	12		5
Мужские	9	70	3	40	45		—
Женские	10	62	3	36	28		—
Детские	3	15	1	5 (?)	—		—
Парные	1	3	—	—	3		—
Тройные	1	—	—	—	—		—
Угли в засыпке	7	19	—	—	—		—
Керамика в засыпке	3	2	—	—	—		—
Двойные (женские и детские)	2	—	—	—	2	—	—
Захоронения с мечом	5	4	1	1	5	2	
Захоронения с копьем	8	33	3	27	21	12	
Захоронения со сбруей	5	13	1	13	—	8	
Захоронения с поясным набором	3	6	—	3	7	—	
Наличие топоров	9	1	—	—	—	—	—
Всего погребений:	23	209	7	92	115		38

девяти мужских погребений в пяти найдены мечи и конская сбруя. По количеству их находок он выделяется среди остальных рязанских окских могильников (табл. 1). Как видно из таблицы, большое распространение оружия характерно для всех окских могильников V—VII вв. В этом отношении они в значительной степени отличаются от соседних мордовских территорий. Это, по-видимому, говорит о том, что расположенные на большой водной артерии окские финны отличались большой воинственностью.

Наличие крестовидных фибул, дровых браслетов с раструбовидными концами и дисковидных блях с шестиугольной дыркой и треугольными прорезями дает основание датировать Никитинский могильник IV—VII вв. н. э.

¹ *Городцов В. А.* Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. — Труды XII АС, т. I, с. 656; *Проходцев И.* Могильник в местности «Закопице» близ с. Дегтянное Спасского уезда. — Труды Рязанской ученой архивной комиссии, 1914, т. XXVI, вып. 1, с. 116—124; *Трусов А. В.* Отчет о разведках в Клейкивском, Спасском

районах Рязанской обл. за 1975 г. — Арх. ИА, д. Р—1, № 6565.

² *Кравченко Т. В.* Шатрищенский могильник. — В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1976.

³ *Спицын А. А.* Борковский и Кузьминский могильники: Древности бассейна р. Оки и Камы. — МАР, 1901, 25, табл. XX.

В. А. КОРЕНЯКО, А. Г. АТАВИН

ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНАХ У С. НОВОСЕЛИЦКОЕ

(СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ)

Летом 1974 г. Новоселицкий отряд Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР провел раскопки трех курганов, располагавшихся восточнее с. Новоселицкое Новоселицкого района Ставропольского края¹. Все курганы были сооружены в среднем бронзовом веке, впускные погребения относились к предкавказской катакомбной культуре, раннему железному веку и эпохе поздних кочевников. Погребения раннего железного века опубликованы автором раскопок². Настоящая работа продолжает публикацию материалов из курганов у с. Новоселицкое и содержит описание и анализ позднекочевнических погребений.

Курган 1 представлял собой сильно распаханную круглую в плане насыпь высотой 2,05 м и диаметром 60 м. Позднекочевническое погребение 1 было впущено в центр насыпи. Могильное сооружение не прослеживалось. Погребение представляло собой труположение, сопровождавшееся костями лошади, которые располагались севернее человеческого скелета на 0,25 м выше него (рис. 1, 1).

Кости лошади находились на глубине 0,75 м от центрального репера. Кости двух ног лежали параллельно друг другу в направлении ВЮВ—ЗСЗ. Западнее костей ног лежал на основании череп лошади с тремя шейными позвонками, ориентированный на запад—юго-запад. Все кости принадлежали одной особи³. У черепа (не между челюстями, а севернее черепа и соприкасаясь с ним) лежали двухсоставные железные удила. Удила состоят из пары четырехгранных стержней грызла, концы которых раскованы и согнуты в кольца, и двух подвижных внешних колец, выкованных из четырехгранных стержней. Общая длина удила 26,6 см. Длина стержней 10,2 см при размере сечения от 0,4×0,4 (у внутренних колец) до 0,9×0,75 см (у внешних колец). Диаметр внешних колец 4,5 см при размере сечения 0,7×0,6 см (рис. 1, 2).

У крайних юго-восточных костей лошади лежал железный предмет вроде гвоздя или штырька с остатками древесного тлена на нем. Длина

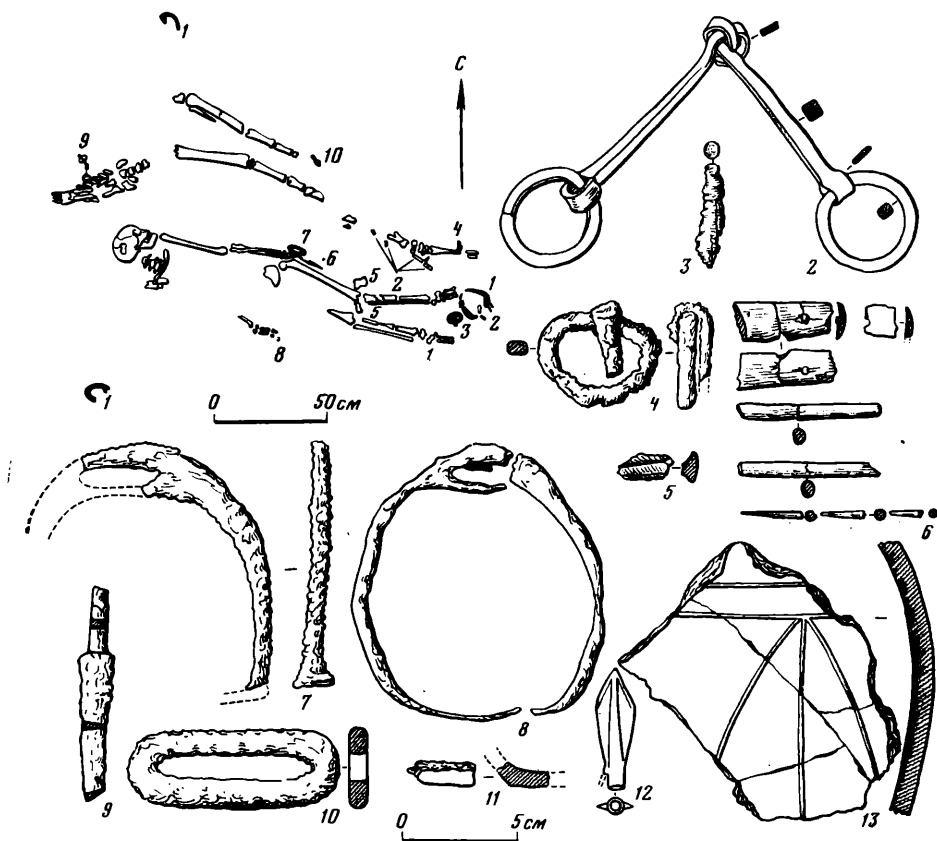


Рис. 1. Погребение 1 кургана 1 у с. Новоселицкое

1 — остатки железных стремян; 2 — фрагменты костяных предметов; 3 — железная пряжка; 4 — железный гвоздь или штырек; 5 — фрагменты глиняного сосуда; 6 — железный нож; 7 — железное кресало; 8 — кремневый отщеп; 9 — железные удила; 10 — бронзовый наконечник стрелы

предмета 4,55 см. Сечение подпрямоугольное $0,6 \times 0,45$ см. Размеры овальной шляпки $0,7 \times 0,5$ см (рис. 1, 3).

Остатки двух железных стремян были найдены на глубине 0,73—0,75 м от центрального репера. Оба стремяни имели широкую (до 3,2 см) площадку и длинное узкое отверстие в верхней раскованной части. Одно, сильно фрагментированное стремя (рис. 1, 7) лежало юго-западнее костей лошади, у костей левой ступни погребенного, но выше их. Его высота 12,8 см, размеры сечения в верхней части $2,5 \times 1,0$ см и в нижней (площадка) $3,2 \times 0,55$ см. Два фрагмента другого стремяни (рис. 1, 8) были найдены в противоположных частях могилы севернее и южнее костей человека и лошади. Высота этого стремяни 11,8 см, размер сечения в верхней части $2,35 \times 0,4$ см, в нижней (площадка) $2,9 \times 0,15$ см.

Рядом со стремянем, которое лежало выше костей человеческих стоп, была найдена железная сильно коррозированная пряжка с округлой рамкой и подвижным язычком. Размеры рамки $5,4 \times 4,3$ см, размеры подпрямоугольного сечения $0,85 \times 0,65$ см, сечение язычка (конец его сломан) $1,1 \times 0,7$ — $0,8 \times 0,5$ см (рис. 1, 4). Здесь же и у юго-восточных костей лошади находились фрагменты костяных предметов — всего 11 обломков. В их числе 6 фрагментов от трех широких пластинок, в одном из которых костяной штырек, в другом — отверстие от такого же штырька (у наиболее крупного фрагмента длина 4,4 см, ширина 1,6 см, толщина 0,4 см, диаметр штырька 0,4 см); 2 фрагмента овального в сечении стержня (или стержней), длина каждого обломка 6,2 см, размеры

сечения до $0,75 \times 0,53$ см; 3 стержневидных заостренных обломка (длина наибольшего 2,7 см). Эти костяные фрагменты представляли собой, по-видимому, остатки обкладок какого-то крупного предмета, скорее всего луки седла (рис. 1, 6).

Остатки человеческого скелета находились на глубине 1,00 м от центрального репера, южнее костей лошади. Скелет был почти полностью разрушен норами грызунов. Непотревоженными оставались череп, шейные позвонки, кости ног, левой руки и фрагменты костей правой руки и таза. Покойник был погребен на спине, вытянуто, головой на запад — северо-запад, с вытянутыми вдоль тела руками. Череп лежал на левом виске, лицевой частью на северо-восток. Все кости плохой сохранности.

У сохранившихся непотревоженными фаланг правой руки лежал необработанный отщеп желтоватого непрозрачного низкокачественного кремня размерами $2,4 \times 1,1 \times 0,8$ см (рис. 1, 5). У фаланг левой руки лежало железное кресало овальной формы, выкованное из плоского подпрямоугольного в сечении стержня. Размеры кресала $9,3 \times 3,3$ см, размеры сечения $1,1 \times 0,8$ см (рис. 1, 10).

Рядом с кресалом у левой бедренной кости находился однолезвийный небольшой железный нож. На клинке ножа сохранился глен от изготовленного из кожи или бересты футляра, на черенке — остатки деревянной рукоятки. Черенок и кончик клинка обломаны. Сечение клинка треугольное, сечение черенка подпрямоугольное. Длина ножа 9,5 см, размеры сечения клинка до $1,5 \times 0,65$ см, размеры сечения черенка $0,9 \times 0,4$ см (рис. 1, 9).

Над погребением были найдены 5 фрагментов глиняного сосуда, 2 фрагмента лежали возле левого колена погребенного. Имеются обломки дна (рис. 1, 11) и обломки стенок (наиболее крупный и выразительный — рис. 1, 13). Сосуд изготовлен на гончарном круге. Внутренняя поверхность черная, хорошо заглаженная, внешняя — темно-серая, небрежно заглаженная, пористая. Тесто в изломе черное, с примесью крупного песка и толченых раковин. На внешней поверхности имеется геометрический орнамент, размашисто прочерченный каким-то орудием вроде тупого стержня. О полном виде узора судить трудно: на наиболее крупном фрагменте имеются две параллельных горизонтальных бороздки, от которых вниз пучком расходятся еще три линии. Размеры наиболее крупного обломка $12,2 \times 11,4$ см, толщина стенок 0,9 см, толщина дна 0,8 см.

У костей ног лошади, в норке грызуна был найден бронзовый наконечник стрелы. Наконечник двухлопастной, втульчатый, с асимметрично-ромбической головкой и обломанным шипом. Длина наконечника 5,2 см, ширина головки 1,7 см (рис. 1, 12). Наконечник относится к широко распространенному в VII—VI вв. до н. э. типу и вряд ли имеет отношение к комплексу погребения 1, хотя и найден в его пределах. Впрочем, нельзя исключить и возможность того, что наконечник был найден в позднокочевническое время и использовался погребенным в качестве амулета.

В центральную часть кургана 1 было впущено и позднокочевническое погребение 3. Оно находилось на глубине 1,35 м от центрального репера, причем под погребением 1 (непосредственно над погребением 3, выше его на 0,60 м находились кости лошади погребения 1). Таким образом, можно уверенно констатировать, что погребение 3 было совершено раньше погребения 1.

Могильная конструкция не была зафиксирована. Скелет взрослого мужчины, сохранившийся плохо, лежал на спине, вытянуто, черепом на восток—юго-восток, с вытянутыми вдоль тела руками. Череп лежал немного завалась на правый висок, лицевой частью на северо-запад (рис. 2, 1).

Справа, вдоль костяка, перекрывая кости руки, лежала длинная железная сабля. Вершина рукоятки лежала у головки плечевой кости, конец клинка — ниже правого колена. Клинок сабли слегка изогнут. Черенок

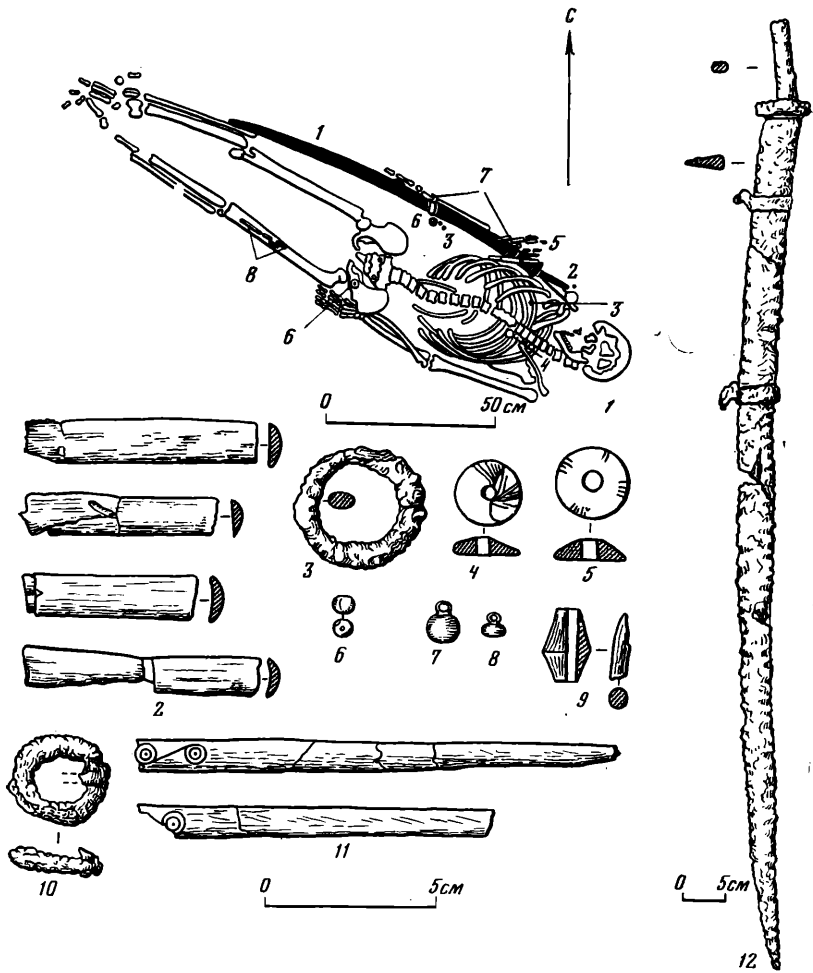


Рис. 2. Погребение 3 кургана 1 у с. Новоселицкое

1 — железная сабля; 2 — сердоликовая бусина; 3 — бронзовые бубенчики; 4 — железная пряжка; 5 — обломки костяных орнаментированных пластинок; 6 — костяные бляшки; 7 — железные обоймы ножен сабли; 8 — обломки костяных неорнаментированных пластинок

по отношению к клинку имеет тупой угол. Сечение клинка треугольное, сечение черенка подпрямоугольное. На клинке сохранился древесный тлеп от ножен, на черенке — от деревянной рукояти. На сабле имелись две железные обоймы — крюка для портупей и узкая прямоугольная железная гарда-перекрестие. Между гардой и клинком прослеживалась узкая бронзовая обойма — вероятно, окантовка верхнего края ножен. Длина сабли 112 см, сечение клинка до $4,5 \times 1,0$ см, сечение черенка $1,6 \times 1,2$ см. Сабля очень сильно коррозирована и фрагментирована (рис. 2, 12).

У головки правой плечевой кости и рукояти сабли была найдена сердоликовая бусина неправильной шаровидной формы. Сердолик имеет розовато-оранжевый цвет, поверхность обработана довольно небрежно, на ней имеются выщербинки. Длина бусины 0,55 см, диаметр 0,65 см, диаметр отверстия 0,1 см (рис. 2, 6).

На костях грудной клетки справа была обнаружена бронзовая пуговица-бубенчик, имеющая полое шаровидное тело и кольцевидную петельку. Диаметр тела бубенчика 0,85 см, высота 1,2 см, диаметр петельки 0,45 см (рис. 2, 7). У тыльной стороны сабли, правее поясничных позвонков лежали два бубенчика меньшего размера и худшей со-

хранности (один из них распался). Они имели полое уплощенное тело и кольцевидную петельку. Диаметр тела сохранившегося бубенчика 0,65 см, диаметр петельки 0,4 см, высота 0,65 см (рис. 2, 8).

Возле этих бубенчиков находилась костяная бляшка в форме сектора шара с отверстием в центре. Поверхность зашлифована. На плоскости основания видны концентрические следы обработки. По периметру выпуклой поверхности бляшки нанесены в четырех местах нарезки. Диаметр бляшки 2,1 см, высота 0,5 см, диаметр отверстия 0,5 см (рис. 2, 5). Похожая бляшка была обнаружена на костях таза слева. Ее диаметр 1,85 см, высота 0,65 см, диаметр отверстия 0,5 см. Около половины выпуклой поверхности бляшки покрыто косыми нарезками (рис. 2, 4).

На костях грудной клетки, ниже левой ключицы и левее грудины лежала сильно коррозированная железная пряжка с круглой рамкой и подвижным обломанным язычком. Размеры пряжки 2,9×2,7 см, сечение овальное 0,8×0,6 см (рис. 2, 10). Под запястьем левой руки было найдено сильно коррозированное железное кольцо диаметром 3,95—3,7 см. Размеры овального сечения до 0,8×0,5 см (рис. 2, 3).

На левой бедренной кости лежали 4 фрагмента неорнаментированных костяных пластинок, имеющих сегментовидное сечение. Ширина обломков 1,3—1,0 см, толщина до 0,43 см. Общая длина изделия не установлена. Внешняя выпуклая поверхность зашлифована. Обратная сторона — плоская, слегка вогнутая, имеет следы грубой обработки в виде косой сетки (рис. 2, 2).

Верхнюю часть клинка сабли перекрывали 2 фрагмента костяной пластинки-накладки, украшенной циркульным глубоко врезанным орнаментом. Внешняя поверхность зашлифована, обратная имеет частые косые бороздки, небрежно нанесенные острым инструментом. Длина одного фрагмента 14,1 см, другого 10,6 см. Размеры подпрямоугольного сечения до 1,0×0,2 см (рис. 2, 11).

Под верхней частью клинка сабли был обнаружен обломок черешка наконечника стрелы со следами древесного тлена на нем. Длина обломка 2,0 см, размеры сечения до 0,75×0,5 см. Этот железный обломок был вставлен в костяную насадку — так называемый «свистунок». Костяная насадка биконической формы, с продольным сквозным отверстием, внешняя поверхность зашлифована. Длина 2,2 см, диаметр у срезов 0,8 см, диаметр по ребру 1,3 см, диаметр отверстия 0,7 см (рис. 2, 9).

Среди раскопанных в курганах у с. Новоселицкое захоронений лишь погребения 1 и 3 в кургане 1 имеют выразительный инвентарь позднекочевнического периода. Кроме них, исследованы остатки нескольких захоронений, атрибуция которых затруднительна, но относящихся не к эпохе бронзы, а к более позднему времени. К ним относятся: погребение 2 в кургане 1 (в насыпи, без инвентаря, полностью разрушено, судя по сохранившимся остаткам черепа и костей рук погребенный лежал головой на запад или запад—северо-запад); погребение 3 в кургане 2 (в насыпи, возможно, в овальной в плане яме, без инвентаря, скелет подростка на спине, вытянуто, черепом на 3, с вытянутыми вдоль тела руками, кисть правой рукой под тазовыми костями; погребение 4 в кургане 2 (ориентированная по линии восток—юго-восток—запад—северо-запад округлая в плане яма размерами 1,7×0,92 м, скелет взрослого мужчины на спине, вытянуто, черепом на восток—юго-восток, руки вытянуты вдоль тела, у левого колена 2 зуба и кость ноги овцы, вещей нет); погребение 1 в кургане 3 (остатки разрушенного скелета, лежавшего, судя по неповрежденным костям черепа и руки, черепом на запад); погребение 2 в кургане 3 (погребение в разрушенной могильной яме со скелетами взрослого и младенца, взрослый был погребен на спине, вытянуто, головой на запад—северо-запад, младенец лежал на правом боку, головой на запад, со слегка согнутыми ногами и сопровождался невыразительным обломком массивного каменного предмета). Эти погребения, данные о которых ⁴ приведены здесь для полноты информации, могут датироваться скифо-сарматским или позднекочевни-

ческим временем, но точная датировка их из-за невыразительности обряда и отсутствия инвентаря невозможна.

Остановимся на атрибуции погребений 1 и 3 в кургане 1.

В более раннем погребении 3 датирующим предметом является прежде всего сабля, которая относится к отделу Г, по классификации С. А. Плетневой, и может быть датирована первой половиной XII в.⁵ Фрагменты неорнаментированных и орнаментированных костяных пластинок, являющиеся остатками обкладок седла или колчана, аналогичны найденным в Поросье в курганах XI в. 250/1 и 269 у с. Цозаровки⁶ и в курганах 303 и 367 у с. Зеленки (первая половина XII и конец XII—начало XIII в.)⁷. Аналогии железной пряжке известны в древностях XI—XIII вв.⁸ Костяные бляшки-пуговицы относятся к типу Б I, по Г. А. Федорову-Давыдову, и также имеют широкую датировку в пределах XI—XIV вв.⁹ Широко во времени распространены бронзовые пуговицы-бубенчики¹⁰, сердоликовые бусы (тип 1, отдел А, по Г. А. Федорову-Давыдову)¹¹ и другие вещи. Как можно предположить, хронологически погребение 3 тяготеет к XII в., может быть, к его первой половине. По своему обряду, который соответствует типу погребений В I, по классификации Г. А. Федорова-Давыдова, и VI—VIII обрядовым группам, по классификации С. А. Плетневой, погребение 3 может быть этнически определено как половецкое, подтверждением чего служит и восточная ориентировка погребенного¹².

В погребении 1 обнаружены стремена типа Д II, по С. А. Плетневой и Г. А. Федорову-Давыдову. Датировка их различна. С. А. Плетнева указывает для аналогичных стремян первую половину XII в.¹³, Г. А. Федоров-Давыдов — XII—начало XIII в.¹⁴ По А. Н. Кирпичникову, главная масса находок таких стремян (тип VII) относится к XII—XIII вв.¹⁵ Удила, сходные с экземплярами типа Г I, по С. А. Плетневой, датируются ею первой половиной XII в.¹⁶ Они соответствуют типу IV, по классификации А. Н. Кирпичникова. Этот тип является наиболее распространенным на Руси. Он появляется в IX—X вв., но основное время его бытования — XII—XIII вв. Данные удила относятся именно к XII—XIII вв., так как обладают характерными чертами изделий этого времени (трубковидная вытянутость петель грызла и средний диаметр внешних колец)¹⁷. Датирующим предметом является и овальное замкнутое кресало, аналогии которому С. А. Плетнева датирует серединой XII в.¹⁸ В итоге для погребения 1 также наиболее предпочтительной представляется датировка XII в. (может быть, середина XII в.), чему не противоречат и остальные обнаруженные здесь предметы.

По обряду (прежде всего по такой его важной черте, как помещение черепа и ног коня на ступеньке могилы параллельно скелету человека) погребение 1 можно сравнить с могилами печенегов, торков и черных клобуков. Единственным отличием от типичных печенежских и торческих погребений является то, что у коня ноги были отчленены у верхних суставов, а не у нижних, как в могилах печенегов и торков¹⁹.

В заключение отметим, что в кургане 1 погребение, которое можно определить предположительно как половецкое, было перекрыто погребением, тяготеющим по обряду к печенежско-торческому массиву. В данном случае мы имеем довольно редкое, но четкое стратиграфическое подтверждение тому реконструируемому процессу печенежско-торко-половецкого смешения, которое происходило в середине XI—середине XII в.²⁰ К сожалению, изучение этнических процессов в позднекочевнической среде степного Предкавказья сдерживается скудостью введенных в научный оборот материалов²¹, что делает настоятельно необходимой публикацию результатов полевых исследований последних лет.

- ¹ Кореньяко В. А., Гамаюнов А. К., Ларенок П. А. Работы Новоселицкого отряда. — АО 1974 г., М., 1975, с. 114, 115.
- ² Кореньяко В. А., Найденоко А. В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край). — СА, 1977, № 3, с. 230—248; Кореньяко В. А. Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае. — КСИА, 1980, вып. 162, с. 96—101.
- ³ Определение В. П. Данильченко.
- ⁴ Более полные сведения о них см.: Кореньяко В. А. Отчет о работе Новоселицкого отряда Ставропольской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1974 г. — Арх. ИА АН СССР, р—1, № 5412, с. 6, 25—30.
- ⁵ Плетнева С. А. Древности черных клобуков. М., 1973, с. 18, рис. 5, 14, 15.
- ⁶ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — МИА, 1958, № 62, с. 166, 167, рис. 8, 1; 11.
- ⁷ Плетнева С. А. Древности черных клобуков, с. 18, табл. 4, 7, 14.
- ⁸ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973, с. 77, рис. 43, 8.
- ⁹ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 70, 71, рис. 12, 3; Плетнева С. А. Древности черных клобуков, табл. 20, 6, 7, 8.
- ¹⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы. . ., с. 70, рис. 12, 3; Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы. . ., рис. 9, 2; 14, 2, 5.
- ¹¹ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы. . ., с. 74.
- ¹² Там же, с. 145; Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы. . ., с. 172—182; Она же. Древности черных клобуков, с. 21, 22.
- ¹³ Плетнева С. А. Древности черных клобуков, с. 18, рис. 5, 8.
- ¹⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы. . ., с. 20.
- ¹⁵ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника. . ., с. 50, табл. XV, 3—6.
- ¹⁶ Плетнева С. А. Древности черных клобуков, с. 18, рис. 5, 2.
- ¹⁷ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника. . ., с. 16, 17, табл. II, 6; VI.
- ¹⁸ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы. . ., с. 169.
- ¹⁹ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы. . ., с. 165, 166, рис. 7; Она же. Древности черных клобуков, с. 14, 22, рис. 4 (группа 4).
- ²⁰ Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 218, 219.
- ²¹ Последние сводки погребений половецкого периода в Среднем Предкавказье опубликованы довольно давно: Минаева Т. М. К вопросу о половцах на Ставрополье. — В кн.: Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1963, вып. XI; Она же. Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965, с. 75—85. В настоящее время, прежде всего благодаря работам Ставропольской экспедиции ИА АН СССР, найден большой новый материал, нуждающийся в публикации.

П. Г. ГАЙДУКОВ, А. В. ФОМИН

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ ИЗБОРСКА

Планомерные археологические работы в Изборске — одном из древнейших русских городов — проводятся экспедицией Института археологии АН СССР и Псковского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника под руководством В. В. Седова начиная с 1971 г. За 12 лет непрерывных раскопок площадка городища изучена практически полностью. Раскопками не затронута лишь юго-восточная часть площадки, занятая Никольской церковью XVI—XVIII вв. и кладбищем, равная примерно $\frac{1}{6}$ части общей площади городища.

Установлено, что поселение на мысу над Городищенским озером основано славянами-кривичами на рубеже VII—VIII вв. Жизнь на этом месте Изборска как древнерусского города продолжалась в течение шести столетий. В 1303 г., как сообщают летописи, Изборск был перенесен на новое место — на Жеравью гору, которая находится в нескольких сотнях метров к юго-востоку от городища.

Раскопки показали, что Изборское городище пережило три основных периода своего развития. Первый датируется VIII—X вв. и характеризуется как протогородской этап, когда Изборск, возникнув как племенной центр одной из групп кривичей, сразу же стал ремесленно-торговым пунктом. В это время поселение было защищено валом, который находился не на месте существующего, а ближе к мысу. Раскопки вскрыли остатки этого сивелированного в X в. вала. Второй период

существования городища характеризуется автором раскопок как ранне-средневековый город. Этот период начинается в середине X в. со значительного расширения его территории и членения на детинец и окольный город. Детинец занимал мысовую часть, он был окружен по периметру дубовой стеной. С юга к детинцу примыкал окольный город, который был защищен с напольной стороны мощным валом. Изборск в третий период своего развития охарактеризован В. В. Седовым как город-крепость в связи с тем, что он по своему местоположению находился на окраине Новгородско-Псковской земли. Начало этого периода относится к концу XI в. В это время в оборонительных укреплениях городища производятся значительные изменения. Дубовый детинец внутри городища был ликвидирован, по краю городища сооружаются каменные крепостные стены, которые своими концами вплотную примыкали к валу¹.

После переноса Изборска на Жеравью гору, в XIV—XV вв. жизнь в этом месте замерла. Лишь в XVI в. здесь был основан Никольский мужской монастырь. Никольская церковь, стоящая и поныне на городище, относится ко времени существования монастыря. В период правления Екатерины II монастырь был упразднен.

При раскопках найдено большое количество вещей, характеризующих все стороны жизни обитателей Изборского городища не только во время существования здесь города, но и в монастырский период. В настоящей статье рассмотрены монеты — одна из важных категорий вещей находок Изборска².

Находки монет в культурных слоях поселений имеют важное значение для истории денежного обращения, археологической, а также лумизматической хронологии. Эти монеты следует рассматривать как монеты, утерянные своими владельцами. В. М. Потин, занимаясь находками западноевропейских монет XI в. в Новгороде, совершенно справедливо отмечал, что «для того, чтобы сам факт потери монеты не стал исключительным случаем, а количество монет было достаточным, чтобы сохраниться до нашего времени и не избегнуть внимания современного археолога, должна была иметь место значительная концентрация монет среди жителей древних поселений»³. Состав находок в культурных слоях поселений говорит о хозяйственной жизни этих поселений. Находки отдельных монет на поселениях по своей значимости не уступают даже целымкладам.

Монетные находки Изборского городища подразделяются на две группы: монеты, характеризующие денежное обращение в период существования древнерусского города Изборска, и монеты периода существования монастыря. Всего при раскопках обнаружено 48 монет и две вековые гирьки.

Раннесредневековых монет девять: восемь куфических дирхемов конца VIII—X вв. и западноевропейский денарий конца X—начала XI в.⁴ (см. Приложение 1; рис. 1). Все они представляют большой интерес для определения абсолютной хронологии культурных напластований городища и изменения его топографии.

Самые ранние куфические монеты — это дирхемы африканской чеканки: один изготовлен в Тудге в 792/3 г., второй — в ал-Аббасии в том же году. Время попадания этих монет в культурный слой можно определить, если установить хронологический период их наибольшего распространения в составе местного денежного обращения. Полученная дата будет в достаточной степени надежной. Монеты не могли долго храниться у владельцев и попали в культурный слой благодаря тому, что были утеряны.

Согласно периодизации обращения куфических монет в Восточной Европе, разработанной Р. Р. Фасмером и В. Л. Яниным, дирхемы африканской чеканки преобладали в составе местного обращения с 800 по 825 г., начиная со второй четверти IX в. они практически полностью вышли из обращения⁵. Так как африканские монеты отсутствуют в кла-

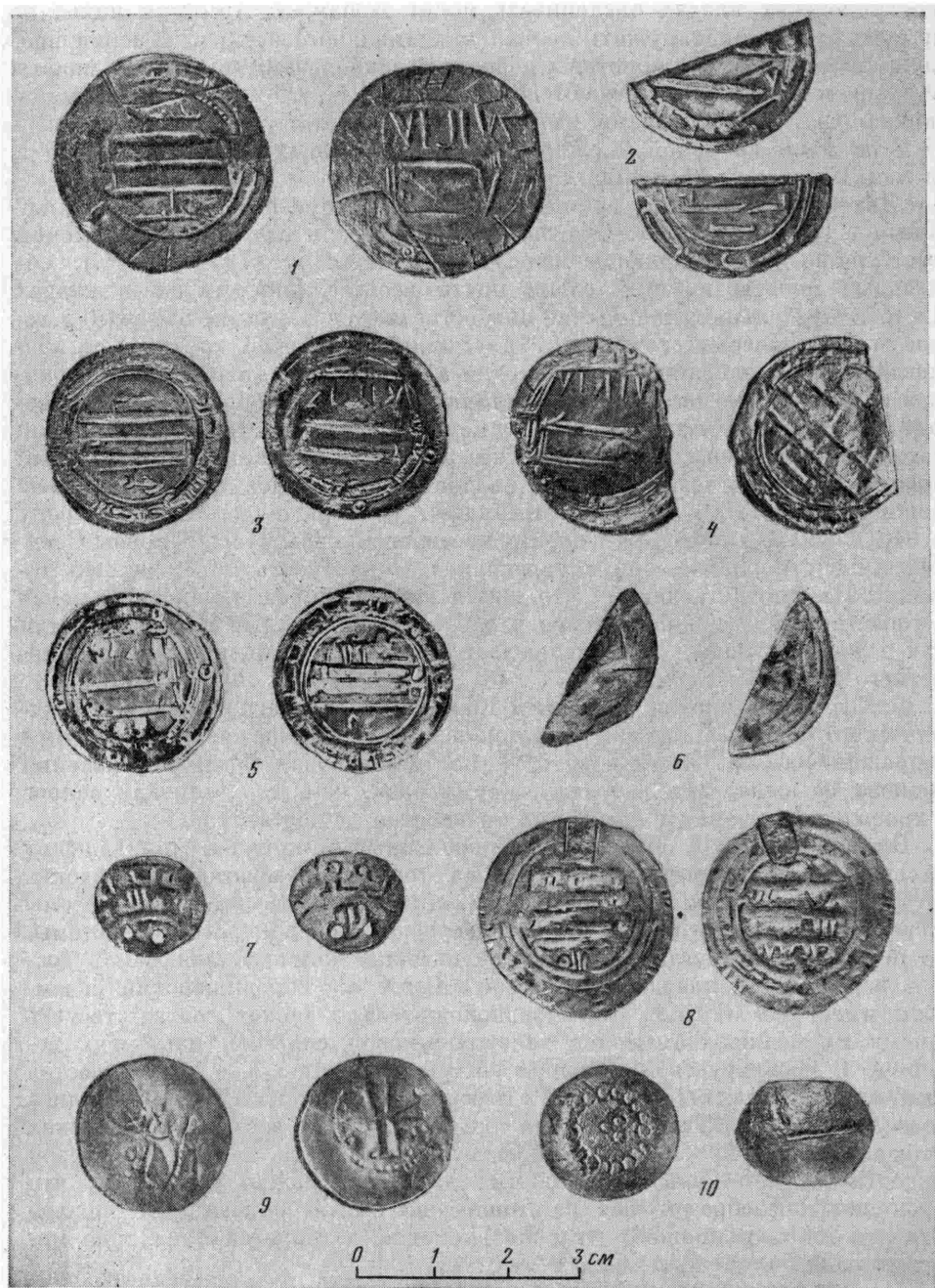


Рис. 1. Раннесредневековые монеты и торговый инвентарь Изборского городища
 1—8 — арабские дирхемы VIII—X вв.; 9 — западноевропейский денарий конца X—начала XI в.;
 10, 11 — весовые гирьки

дах более позднего времени, можно утверждать, что оба городищенских дирхема выпали в слой не позднее 820-х годов.

Дирхем, отчеканенный в Арране в 805 г., не принадлежит к категории монет, господствовавших в обращении. Однако монеты закавказских провинций Халифата — Аррана и Арминии, выпущенные во второй половине VIII—двух первых десятилетиях IX в., постоянно встречаются как в местных, так и в восточноевропейскихкладах IX в. По данным состава закавказских кладов, дирхемы названного типа особенно многочисленны в период между 790 и 820 г. (см. Приложение 3). В восточ-

ноевропейских кладах численность монет Аррана и Арминии ниже, но и здесь удается обнаружить период максимального распространения продукции закавказских монетных дворов. В наибольшем количестве монеты Аррана и Арминии встречаются в кладах 810—820-х годов. По сравнению с другими периодами их численность в этот период выше в 2—3 раза. Этим временем и следует датировать попадание дирхема 805 г. в слой Изборского городища.

Два последующих по времени выпуска дирхема отчеканены в Самарканде в 811/2 и 818/9 г. Оба они принадлежат к большой серии монет, выпущенной в Самарканде между 179—209 г. х. (795—825 гг.). Отдельные монеты из этой серии почти всегда присутствуют в кладах IX в. В наибольшем количестве они встречаются в кладах 830—870-х годов и практически отсутствуют в комплексах первой трети IX в. Запоздывание выпадения самаркандских монет объясняется тем, что в раннее время они не поступали в Восточную Европу, а обращались на территории Средней Азии. Р. Р. Фасмер указывал на то, что со второй четверти IX в. в восточноевропейских кладах «замечается значительный процент монет, отчеканенных во владениях Тахиридов»⁶. К сказанному можно добавить, что монетные импульсы, заносившие серебро в Европу в 840 и 860 гг., исходили (преимущественно первый) из районов Средней Азии⁷. Вероятно, они и увлекали за собой часть монет ранней чеканки. Нам представляется, что время выпадения самаркандских монет в слой городища можно отнести к 840—870-м годам, но не позднее, так как в 80—90-х годах IX в. наблюдается резкое сокращение импорта монетного серебра в Европу⁸.

В X в. в Северной и Восточной Европе широко распространяются куфические монеты династии Саманидов. На городище найдено местное подражание саманидской монеты. У нас нет оснований для определения времени ее выпадения в более узких рамках, чем X в., так как вопрос о хронологии чеканки подражаний разработан не достаточно.

Вторая монета X в. — дирхем, обрезанный в кружок, принадлежит к серии монет, хорошо известных на территории Восточной Европы. В. Л. Янин специально исследовал обрезанные в кружок дирхемы в связи с изучением эволюции древнерусской денежно-весовой системы. По его данным, круглые обрезки куфических монет появляются в восточноевропейских кладах около середины X в.⁹ Городищенский экземпляр имеет вес 0,61 г., что предположительно может соответствовать одному из мелких номиналов денежно-весовой системы, например, веверице. В древнерусской северной системе середины X в. был известен номинал — резана, весом 1,02 г¹⁰. В середине XI в. на Руси обращались фрисландские денарии, весившие 0,6—0,7 г¹. В восточноевропейских кладах куфические монеты господствуют в составе до начала второй четверти XI в.¹² Располагая такими данными, можно заключить, что городищенский обрезок был изготовлен во второй половине X—первой четверти XI в. Возможно, этим же временем датируется попадание монеты в слой.

Западноевропейский денарий конца X—начала XI в. был найден в том же квадрате, что и предыдущая монета, но залегал двумя пластами выше. Время его выпадения определяется XI в.

В топографическом отношении ранние монеты распределяются следующим образом. Две африканские монеты и дирхем Аррана находятся в северной части городища в пределах древнейшего вала. Здесь же обнаружены обрезки дирхема рубежа VIII—IX вв. и дирхема X в. Самаркандские дирхемы найдены над валом, а подражание саманидскому дирхему X в. и западноевропейский денарий находились за его пределами (рис. 2).

Интересные наблюдения можно сделать при сопоставлении хронологии выпадения монет со стратиграфией. Дирхем Тудги 792/3 г. залегал в черно-сером угольном слое вместе с лепной керамикой, ниже, в следующем пласте начинается материк. Монета ал-Аббасии 792/3 г. най-

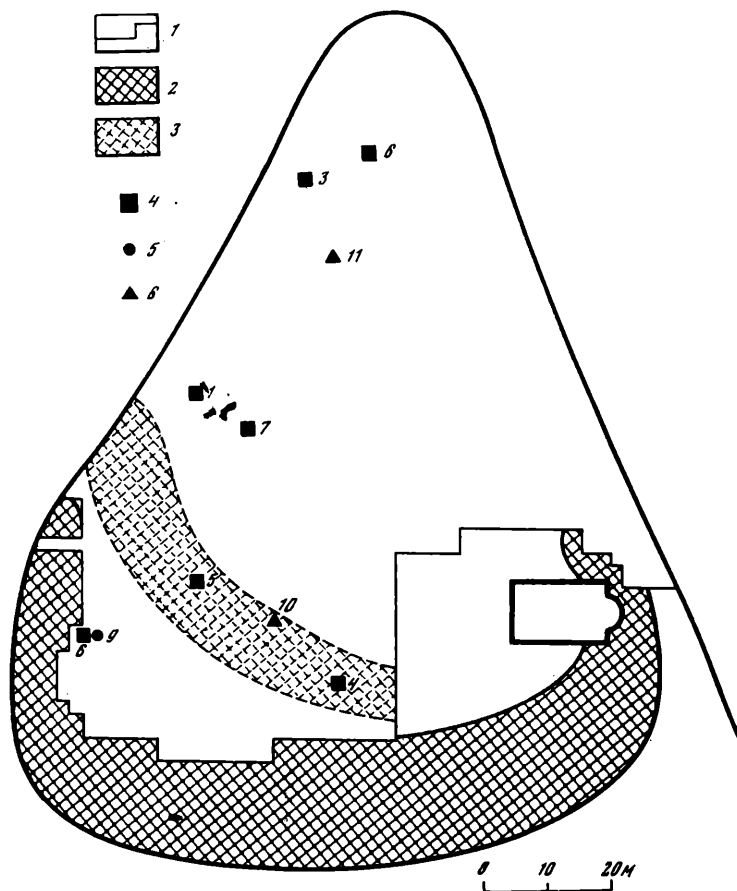


Рис. 2. Топография раннесредневековых монет и торгового инвентаря Изборского городища

1 — раскопы 1971—1982 гг.; 2 — вал X—XIII вв.; 3 — вал IX в.; 4 — арабские дирхемы VIII—X вв.; 5 — западноевропейский денарий конца X—начала XI в.; 6 — весовые гирьки

дена в предматериковом слое. Дирхем Аррана 805 г. встречен в темно-буrom слое, граничащем с материком. Там же найдена «исключительно лепная керамика». Самаркандский дирхем 811/2 г. залегал в предматериковом слое черного цвета, вторая самаркандская монета найдена в буром слое вместе с лепной керамикой. В следующем пласте бурый слой переходит в черный, который залегает на материке.

Сопоставление хронологии монет и положения слоев позволяет сделать вывод о том, что бурый и черный горелый слой являются на городище древнейшими и отложились одновременно. Бурая окраска нижнего слоя может объясняться неравномерностью пожара. Нумизматические данные позволяют датировать образование ранних слоев городища в пределах первой—третьей четверти IX в. Однако монеты не дают основания для вывода о том, что жизнь на городище началась в IX в., а не ранее. Куфические дирхемы начали поступать в Европу около 800 г., поэтому более ранний период может датироваться другими археологическими материалами, например, керамикой. Характерно то, что в названных слоях не встречено монет X в. Единственное исключение составляет обрeзок дирхема рубежа VIII—IX в., который был найден в древнейшей части поселения в сером слое.

Остальные монеты — два дирхема X в. и западноевропейский денарий рубежа X—XI в. обнаружены в слое серого цвета, что дает основание для его более поздней датировки. Последней дате не противоречат

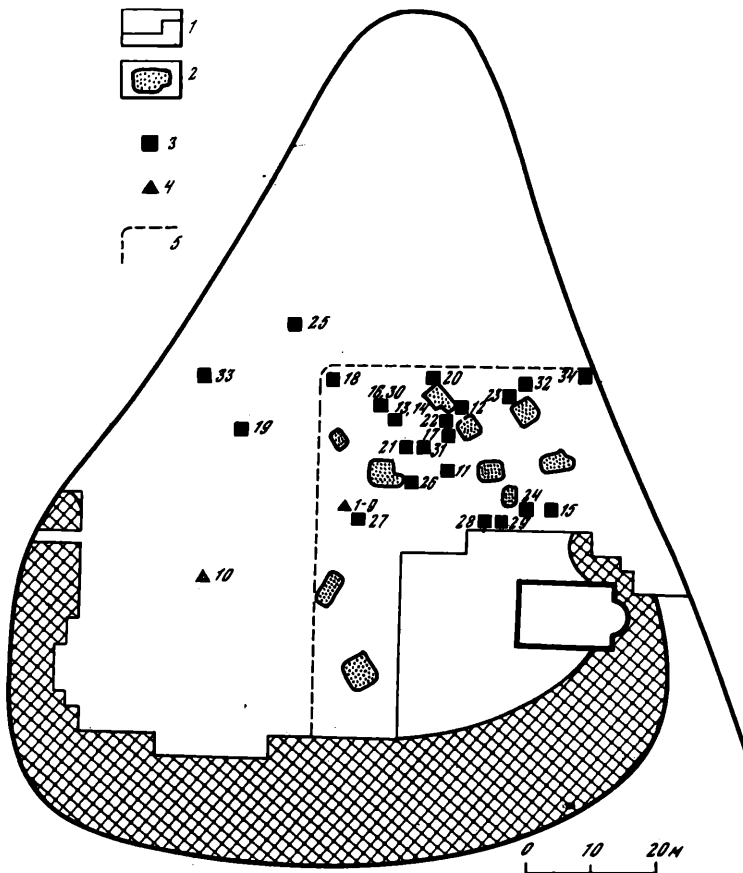


Рис. 3. Топография монет XV—XVIII вв. Изборского городища

1 — раскопы 1971—1982 гг.; 2 — каменные монастырские постройки XIV—XVIII вв.; 3 — русские монеты; 4 — прибалтийские монеты; 5 — предполагаемая граница территории Никольского монастыря

находки двух весовых гирек, тоже залежавших в сером слое (см. Приложение 1, № 10. Время их появления на Руси датируется серединой X в.)¹³.

Во времени существования на Изборском городище Никольского монастыря относятся 34 монеты: 10 прибалтийских XVI—XVII вв.¹⁴ и 24 русских XV—XVIII вв. (см. Приложение 2).

Чрезвычайно интересна находка девяти пфеннигов Тартуского епископства, чеканенных в начале XVI в. в промежуток времени до избрания епископа. Все они найдены в одном месте. Восемь монет одного типа, одна совсем стерта, но по внешнему виду ее можно отнести к подобным монетам. Все это наводит на мысль о том, что это клад. Монеты могли храниться в кожаном или матерчатом кошельке, который не сохранился. Рижский шиллинг, найденный на городище, изготовлен в период оккупации этого города шведами. Он отчеканен на шведском монетном дворе в Рижском монастыре в период правления короля Карла X Густава (1654—1662). В XVI—XVII вв. Изборск был западной пограничной крепостью и монеты соседних прибалтийских государств могли проникать на окраинные русские земли.

Наиболее ранние русские монеты — это две псковские четверетцы. Хронология их чекана не изучена и датируются они широко: 1425—1510 гг. (время существования независимой псковской чеканки). На городище они могли попасть в первой трети XVI в. Во второй половине 30-х годов XVI в. в Московском государстве была проведена денежная

реформа, по которой паряду с учреждением новой монеты было объявлено о запрещении обращения и изъятии любых старых денег. Монеты XVI в. представлены полушкой, двумя денгами и копейкой Ивана IV (1533—1584). Монеты XVII в. — копейкой Михаила Федоровича (1613—1645) и серебряной копейкой Алексея Михайловича (1645—1676). Кроме того, обнаружено три неопределимых серебряных монеты XVI—XVII вв. Монет XVIII в. — 13. В основном это мелкие медные монеты: полушки, денги и копейки, которые довольно часто встречаются при раскопках. Среди монет XVIII в. самая крупная — рубль 1880 г. Около половины всех монет относится ко времени правления Анны Ивановны (1730—1740). Кроме них, найдены монеты Петра I (1682—1725), Елизаветы Петровны (1741—1761) и Екатерины II (1762—1796)¹⁵.

Из 34 монет монастырского времени семь найдено в первом, 22 во втором, три в третьем и по одной в пятом и шестом пластах. Это свидетельствует об относительной чистоте поздних культурных напластований. Интересную картину показывает топография монет XVI—XVIII вв. При раскопках вскрыты остатки десяти каменных монастырских построек, которые расположены к северо-западу, западу и юго-западу от Никольской церкви (жилые кельи, погребя, хозяйственные постройки, склепы). Все постройки находятся неподалеку от церкви (см. рис. 3). Почти все монеты концентрируются в непосредственной близости от монастырских построек. Лишь четыре монеты (№ 10, 19, 25, 33) найдены вдали от них. Ни одной монеты не найдено на мысовой части городища. Вероятно, в монастырское время не вся площадка городища была обжита. По распространению построек и монет можно примерно наметить территорию монастыря. Он занимал юго-восточную часть городища.

¹ *Седов В. В.* Изборск. — В кн.: Тез. докл. сов. делегации на IV Междунар. конгр. славянской археологии. М., 1980. с. 45, 46.

² Приносим благодарность В. В. Седову за представленный для публикации материал.

³ *Потин В. М.* Монеты из раскопок в Новгороде и нумизматическая хронология. — В кн.: Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам работы Гос. Эрмитажа за 1966 год. Л., 1967, с. 45.

⁴ Западноевропейский денарий определен А. С. Беляковым. По литературе известно о находке в 1924 г. еще двух раннесредневековых монет: германского денария Оттона и Адельгейды и бувейхидского дирхема (*Потин В. М.* Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Древней Руси. — Труды Гос. Эрмитажа, Л., 1967, т. IX, № 168, с. 133).

⁵ *Фасмер Р. Р.* Об издании новой топографии куфических монет в Восточной Европе. — Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук, 1933, № 6/7, с. 473—480; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 86—99, табл. II.

⁶ *Фасмер Р. Р.* Об издании новой топографии... с. 478.

⁷ *Фомин А. В.* Источниковедение кладов с куфическими монетами IX—X веков (по материалам Восточной Европы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982, с. 10, 14.

⁸ *Фомин А. В.* Источниковедение кладов... с. 10.

⁹ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы... с. 145.

¹⁰ Там же, с. 147.

¹¹ Там же, с. 160.

¹² Там же, с. 153.

¹³ Там же, с. 175.

¹⁴ Прибалтийские монеты определены В. А. Соколовским.

¹⁵ Кроме перечисленных монет, на городище найдено еще пять монет конца XVIII—XIX вв. 3 копейки 1873 г. найдены в погребении XIX в. на грудных костях скелета. Это археологическое подтверждение обряда бросания в могилу или в гроб при захоронении мелких медных монет, зафиксированном в XIX в. этнографами во многих губерниях Европейской России.

Приложение 1
Стратиграфия раннесредневековых монет и торгового инвентаря
Изборского городища

№ п/п	Монета	Паспортные данные	Характер слоя	Сопутствующая керамика и сооружения
1	Губернаторы Тудги. Халеф б. Мода, Тудга 176 г. х. (792/3 г.), дирхем, вес — 2,82 г	1977, IV—P29	Черно-серый с углем, ниже в 5-м пласту материк (с. 35, 36)	В кв. Н-31, О-28, 29, П-28, Р-28, 29, С-27, 29 встречены фрагменты исключительно лепной керамики (с. 37)
2	Аббасиды, Харун ар-Рашид, ал-Аббасия, 176 г. х. (792/3 г.), 1/2 дирхема (обломок), вес — 1,36 г	1977, III—X29	Предматерик (с. 35)	
3	Аббасиды, Харун ар-Рашид, Арран, 190 г. х. (805 г.), дирхем, вес — 2,14 г	1975, VI—Ж12	Темно-бурый со значительными примесями песка, глины, меньше — золы и углей (с. 19)	В пл. 7 в кв. Д-9, Ж-12, И-13 встречается исключительно лепная керамика: (с. 21), Отметки материка в кв. Ж-12: —147, —152. Находок нет
4	Аббасиды, ал-Мамун, Самарканд, 196 г. х. (811/2 г.), дирхем (обломок), вес — 1,29 г	1974, X—Д52	Предматериковый слой черно-серого цвета (с. 15)	
5	Аббасиды, ал-Мамун, Самарканд, 203 г. х. (818/9 г.), дирхем	1972, IV—P44	Светло-бурый слой с мелкими угольками. Пл. 5 — черно-серый слой, насыщенный угольной пылью, основание пласта материк (с. 41, 43, 44)	В пл. 5 в кв. Р-44, Т-45, Ч-45 найдена исключительно лепная керамика (с. 44)*
6	Обрезок дирхема в 1/3 рубежа VIII—IX в., вес — 0,81 г	1975, III—Б10	Темно-серый слой с мелким-углем и вкраплениями обожженной глины (с. 11)	Печь каменка в кв. Б-10, среди камней много фрагментов древнерусской керамики (с. 12)
7	Дирхем X в., обрезан в кружок, дважды пробит, вес — 0,61 г	1976, II—M32	Темно-серый слой средней плотности, ниже светло-серый слой (с. 9)	Постройка в кв. Л-32, 33, М-32, 33, Н-32, 33. С напластованием связываются находки древнерусской керамики и шиферные пряслица (с. 9)
8	Подражание саманидскому дирхему 1 пол. X в., с медным ушком (обломком), вес — 1,47 г	1973, IV—Щ48	Серый слой с включениями глины, ниже материк (с. 78)	Керамика малочисленна, состоит из древнерусской гончарной и лепной (с. 78)
9	Германия, Оттон III (983—1002 гг.) или Генрих II (1002—1024 гг.), Шпейер, денарий, вес — 0,87 г	1973, IV—Щ48	Темно-серый слой с глиной и большим количеством камней (с. 75)	
10	Весовая гирька, бронза, кратность — 3, на обеих сторонах, вес — 22,22 г	1973, II—K47	Светло-серый слой средней плотности с интенсивным включением угля (с. 20, 21)	
11	Весовая гирька, железо обтянутое бронзой, кратность — 5, на одной стороне, вторая корродирована, вес — 32,9 г	1982, III—Д18	Темно-серый слой с примесью мелких угольков, с середины пласта почти по всей поверхности квадрата — материк (с. 38)	

* Этот дирхем ошибочно опубликован В. В. Седовым среди вещей из кургана 3 Мальского кургано-жальничного могильника. В кургане 3 на самом деле найдена «привеска из западноевропейской монеты». См.: Седов В. В. Отчет о работах Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1973 г. — Арх. ИА АН СССР, Р-1, № 5079, л. 85. (В альбоме к отчету на рис. 173, 174 изображен аббасидский дирхем, найденный на Изборском городище в 1972 г.); Седов В. В. Мальский кургано-жальничник могильник близ Изборска. — КСИА, 1976, вып. 146, с. 92, рис. на с. 93. Примечание: номера страниц см. в отчетах соответствующего года.

Приложение 2
Монеты XV—XIX вв. Изборского городища

№ п/п	Номинал	Правитель	Датировка	Металл	Паспортные данные	Примечание
Тартуское епископство						
1—9	Пфенниги	Период седис- факанации	Начало XVI в.	Серебро	1971, II—Д38	Одна монета со- вершенно стерта
Рига						
10	Шиллинг	Карл X, Густав	1654—1662	Серебро	1972, III—P44	Год чеканки не просматривается
Россия						
11	Псковская четвертьца	—	1425—1510	Серебро	1979, II—IV35	—
12	Псковская четвертьца	—	1425—1510	»	1979, III—V30	—
13	Денга	В. к. Иван IV	1533—1547	»	1978, II—A31	Московский денеж- ный двор
14	Денга	В. к. Иван IV	1533—1547	»	1978, II—A31	Московский де- нежный двор
15	Полушка	В. к. Иван IV	1533—1547	»	1980, II—XII38	Московский де- нежный двор (?)
16	Копейка	Ц. Иван IV (1547—1584)	1560-е годы	»	1978, III—B30	Под конем буквы С/МИ. Псков- ский или Новго- родский денеж- ный двор
17	Копейка	Михаил Федорович	1613—1645	»	1979, I—IV32	—
18	Копейка	Алексей Мikhailович	1645—1676	»	1977, I—E28	—
19	Копейка	Петр I (1682—1725)	1682—1718	Серебро	1977, II—H32	—
20	?	?	XVI— XVII вв.	»	1979, V—III28	Плохой сохрान- ности
21	?	?	XVI— XVII вв.	»	1979, VI—133	Плохой сохрान- ности
22	?	?	XVI— XVII в в.	»	1979, II—IV31	Плохой сохрान- ности
23	Денга	Петр I (1682—1725)	1700	Медь	1981, I—IX29	—
24	Копейка	То же	1713	»	1980, I—X38	—
25	Денга	Анна Ивановна (1730—1740)	1731	»	1978, I—И24	—
26	Полушка	Анна Ивановна (1730—1740)	1734	»	1979, II—136	—
27	Полушка	То же	1735	»	1974— II—Г39	—
28	Денга	» »	1736	»	1980, II—VII139	—
29	Денга	» »	1736	»	1980, II—VII139	—
30	Полушка	» »	1736	»	1978, II—B30	—
31	Денга	Анна Ивановна (1730—1740) или Елизавета Петровна (1741—1761)	1730-е— 1750-е годы	»	1979, II—II33	Год чеканки не просматривается
32	Денга	Елизавета Петровна (1741—1761)	1746	»	1981, II—X28	—
33	2 копейки	То же	1760	»	1977, I—P28	—
34	Рубль	Екатерина II (1762—1796)	1780	Серебро	1981, I—XV27	—

Приложение 2 (окончание)

№ п/п	Номинал	Правитель	Датировка	Металл	Паспортные данные	Примечание
35	Денга	Павел I (1796—1804)	?	Медь	1979, III—IV36	Год чеканки не просматривается
36	2 копейки	Александр I (1801—1825)	1812	»	1980, I—VI34	—
37	1/4 копейки серебром	Николай I (1825—1855)	1840	»	1979, II—III35	—
38	1 копейка серебром	То же	1841	»	1981, VI—XVI41	Связана с погребением XIX в.
39	3 копейки	Александр II (1855—1881)	1873	»	1979, V—III40	Найдена в погребении XIX в. на грудной части скелета

Приложение 3

Таблица для определения времени выпадения единичных монет в культурный слой поселений

Хронологические периоды	Закавказские клады	Восточноевропейские клады	
	Средний % монет Аррана и Арминии 2 пол. VIII—1 четверти IX в. в составе кладов	Средний % монет Аррана и Арминии 2 пол. VIII—1 четверти IX в. в составе кладов	Средний % монет Самарканда 179—209 гг. х. (795—825 гг.) в составе кладов
780-е годы	7,49 (1) *	4,2 (1)	Нет (1)
790-е годы	15,5 (1)	—	—
800-е годы	10,3 (3)	0,9 (5)	Нет (6)
810-е годы	19,5 (1)	2,3 (8)	0,9 (9)
820-е годы	3,6 (4)	2,1 (3)	2,6 (5)
830-е годы	5,8 (1)	0,75 (4)	5,5 (5)
840-е годы	5,6 (1)	1,4 (5)	3,4 (4)
850-е годы	нет (1)	нет (2)	9,7 (3)
860-е годы	—	0,7 (5)	2,2 (7)
870-е годы	—	0,01 (5)	3,9 (5)
880-е годы	—	1,2 (1)	0,1 (1)

* В скобках указано количество кладов данного десятилетия, изученных по составу.

В. И. КИЛЬДЮШЕВСКИЙ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПЕЧАТИ И ТОРГОВЫЕ ПЛОМБЫ ИЗ РАСКОПОК КРЕПОСТИ ОРЕШЕК

В 1972—1975 гг. во время раскопок средневековой новгородской крепости Орешек (г. Петрокрепость, Ленинградская обл.) была собрана небольшая коллекция сфрагистического материала, состоящая из 4 вислых печатей, 3 заготовок для печатей и 3 торговых пломб *. Почти все они происходят из довольно четко датированных по дендрохронологии и стратиграфии слоев.

В нижнем горизонте культурного слоя (2-я четверть XIV в.) при разборке горелой прослойки у сруба была найдена самая ранняя печать этой коллекции с четким оттиском. Диаметр ее 26×28 мм. На лицевой

* Раскопки проводились отрядом Ленинградской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством автора статьи. Материал хранится в археологическом отделе Государственного музея истории Ленинграда.

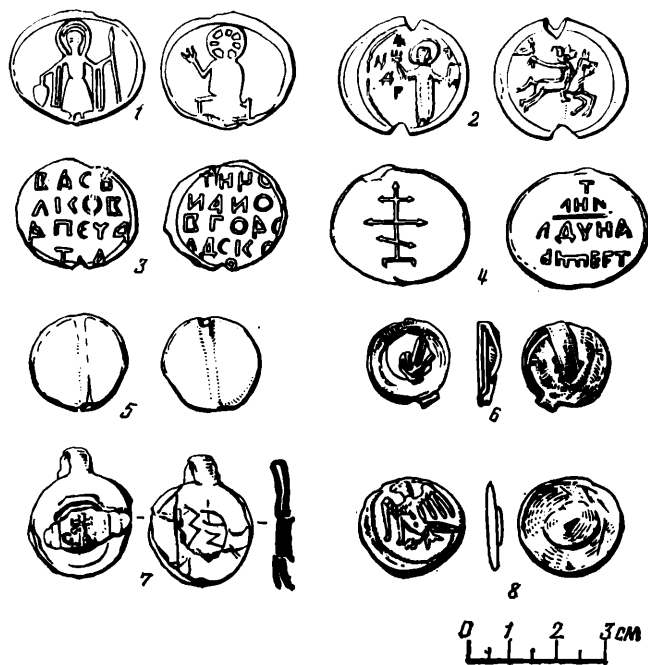


Рис. 1. Печати и пломбы из крепости Орешек
1—4 — печати; 5 — заготовка печати; 6—8 — торговые пломбы

стороне — изображение святого воина со щитом в правой руке и копьём в левой. На оборотной — изображение Вседержителя, правая рука которого поднята в благославляющем жесте (рис. 1, 1).

Печать принадлежала князю Ярославу Всеволодовичу, патрональным святым которого был св. Федор. Ярослав Всеволодович княжил в Новгороде с перерывами с 1215 по 1236 г., в общей сложности 11 лет. От периода его княжения до нас дошло 15 булл, разделяемых на четыре разновидности. Наша печать принадлежит к четвертой из них, встреченной лишь в двух экземплярах¹.

Вторая печать, относящаяся к разряду княжеских булл, обнаружена в 1975 г. в слое середины XIV в. при разборке горелой прослойки. Диаметр ее 26×28 мм, на лицевой стороне — изображение св. Андрея в полный рост; правая рука в благославляющем жесте, в левой — кодекс. С правой стороны фигуры, которая несколько смещена влево, надпись: ANDP, а вокруг нее линейный ободок. На оборотной стороне печати — изображение сокольника на коне, вправо (рис. 1, 2).

Известны два варианта печатей с изображением св. Андрея и сокольника. Они принадлежат князю Андрею Александровичу, княжившему в Новгороде в 1281—1288 и 1294—1304 гг. Один из них обнаружен на грамоте 1302 г. от великого князя Андрея Александровича и от всего Новгорода к мужам Датского короля в Ревель². Вторым вариантом известен по находкам в Новгороде (2 экз.).

Печать из крепости Орешек по манере исполнения напоминает экземпляр второго варианта, но отличается от него наличием линейного ободка на лицевой стороне и несколько иным расположением букв надписи. Обратные стороны их идентичны. Вместе с этой печатью была обнаружена и заготовка свинцовой вислой печати диаметром 22 мм.

Третья булла найдена в 1972 г., в слое 3-й четверти XIV в. при расчистке бревна сруба. Диаметр ее 25×27 мм. На лицевой стороне надпись в четыре строки: «Василисова печать», а на оборотной — «тиуна новгородского» (рис. 1, 3). Она относится к большой группе (102 экз.) именных тиунских печатей, 14 из которых носят имя «Василько»³.

В. Л. Янин считает, что они связаны с каким-то административным институтом власти Новгородской земли и не имеют прямого отношения к окраинным пунктам Новгородской земли, так как все печати тиунов собраны в Новгороде. По мнению В. Л. Янина, должность тиуна нужно отождествлять с купеческими старостами, которые занимали важное место в администрации и ведали торговыми сношениями и торговым судом⁴.

В настоящее время известны три разновидности «Васильковых» печатей. Описываемый экземпляр принадлежит к наиболее распространенному варианту матриц (11 экз.). Все они относятся к случайным находкам и датируются суммарно XIV в.⁵ Данная печать встречена в датированном слое при расчистке бревна сруба и является первым экземпляром, найденным за пределами Новгорода. Интересно отметить, что в этом комплексе обнаружены также две заготовки для печатей диаметром 22 мм (рис. 1, 5).

Четвертая булла найдена в 1973 г. при расчистке верхнего настила мостовой, который, судя по стратиграфии, вероятно, может быть отнесен к середине XV—2-й половине XV в. Диаметр печати 27×28 мм (рис. 1, 4). На лицевой стороне изображен восьмиконечный крест на простом подножии. Концы креста имеют копьевидные завершения. На оборотной стороне — плохо читаемая надпись — «владычная». По своим особенностям (изображение креста, расположение надписи) — эта печать относится к кругу булл владычных наместников⁶. Она отличается от всех известных в настоящее время и, возможно, принадлежит к неизвестному типу булл владычных наместников⁷.

Вторая часть коллекции состоит из свинцовых торговых пломб (3 экз.). По своему характеру и способу крепления эти пломбы отличаются от так называемых «дрогичинских пломб»⁸. Они изготавливались из двух пластин свинца, соединенных перемычкой. В пластине лицевой стороны делалось круглое отверстие, в которое при сдавливании обеих половин входил свинец оборотной стороны, имевшей в центре утолщение. Подобного рода заготовка была найдена в 1980 г. в Новгороде в слое XVI в.⁹ Это обычные товарные пломбы, выполненные в технике, широко распространенной в Западной Европе. Они встречены в Новгороде, Старой Ладогe¹⁰.

Первая пломба из крепости Орешек имеет диаметр 19×20 мм, на лицевой ее стороне отгиснуто изображение руки в благославляющем жесте. Найдена она в 1974 г. в слое 2-й четверти XIV в. Любопытно отметить следы ремонта пломбы. Видимо, при сгибании обе половинки распались, и тогда на оборотной пластинке в центре было сделано отверстие, куда и был выпущен хвостик лицевой пластины (рис. 1, 6).

Две пломбы с изображением руки в перчатке, ладонью к зрителю, найдены в слое 1 половины XIV в. в Новгороде, на Михайловском раскопе¹¹.

В материалах из раскопок 1975 г. имеется изготовленная таким же способом пломба, диаметром 22×23 мм, сохранившаяся целиком. Происходит она из случайных находок на территории крепости (рис. 1, 7). На лицевой ее стороне отгиснут крест на подножии, с буквами С и N по сторонам. Интересна оборотная сторона пломбы, на которой уже после того как было отгиснуто изображение, были прочерчены буквы и знаки. В центре — в две строки буквы INM, подчеркнутые прямой линией, обрезанной с двух сторон черточками, а по краю ободка — также следы каких-то знаков. Подобная пломба с датой 1628 г. и изображением креста найдена в Новгороде в 1980 г.¹² При раскопках в г. Турку также найдены две свинцовые пломбы с отгиснутыми геометрическими знаками¹³. Значительное число подобных геометрических знаков, вырезанных на деревянных дощечках и других деревянных предметах из слоев XIV—XV вв., представлено в Новгороде, особенно при раскопках Готского двора. Исследователи связывают их со знаками собственности, распространенными в Западной Европе и особенно на немецких землях¹⁴.

Судя по аналогиям, данная пломба имеет западноевропейское происхождение и скорее всего относится к XVI в.

Третья пломба, встреченная в 1973 г. при расчистке настила мостовой 1-й половины XV в., по своему характеру несколько отличается от предшествующих. Диаметр ее 22×23 мм, толщина — 2 мм, что значительно больше, чем у остальных. В центре — утолщение диаметром 10—12 мм. Сохранилась лишь одна половинка пломбы, вторая была утеряна еще в древности. Поэтому для ее привешивания в центре были пробиты два отверстия (рис. 1, 8). По всей плоскости сохранившейся части пломбы изображения птицы (орла?), с распущенными крыльями и хвостом. По краю — точечный ободок. Атрибутация ее затруднена. Пломбы с изображением орла в значительном количестве представлены в Дрогичине. Но они меньше по размерам и несколько отличаются по форме и изображениям¹⁵.

Изображения орла широко представлены на монетах польского короля Казимира, на клейме на куске польского свинца, найденного в Новгороде в слое XIV в.¹⁶ В то же время на печатях Великого Новгорода XV в. также помещено изображение орла, который был эмблемой Неревского конца¹⁷.

Находки вислых печатей и торговых пломб позволяют нам высказать ряд предложений, связанных с их появлением в Орешке. В 1323 г. новгородцы с князем Юрием «поставиша город на устье Невы, на Ореховом острове»¹⁸. Археологические раскопки на основе дендрохронологии и стратиграфии подтвердили дату основания крепости и отсутствие на территории острова более ранних слоев.

С момента основания новая новгородская крепость становится важным военным торговым пунктом Новгорода. В том же году там был заключен Ореховский мирный договор между Новгородом и Швецией, по которому были установлены границы, а также гарантирована свобода торговли на Неве. Крепость стала административным центром Ореховского уезда Вотской пятины и была отдана в «кормление» наряду с Ладогой, Корелой и половиной Копорья выходцам из Литвы — Гедиминовичам. Так, в 1333 г. в Орешке «сидел» князь Наримонт, а в 1338 г. — его сын Александр¹⁹. Во время событий 1348 г. крепость была захвачена шведами, а посольский корпус Новгорода, во главе с Авраамом тысяцким и Кузьмой Твердиславичем, находившийся там после неудачных переговоров с королем Швеции Магнусом, был пленен и увезен в Швецию. В феврале 1349 г. новгородцы отбили крепость, сгоревшую при штурме²⁰.

Вероятно, самые ранние печати коллекции (Ярослава Всеволодовича и Андрея Александровича), относящиеся к значительно более раннему времени, чем дата основания Орешка, попали в культурный слой в период событий 2-й четверти XIV в., что подтверждается и стратиграфией их находки. Эти печати, а также печать владычного наместника и заготовки для печатей подтверждают сведения летописи об административном и политическом значении Орешка.

Остальной сфрагистический материал (тиунская печать, торговые пломбы) свидетельствуют о том, что Орешек стоял на важном торговом пути, по которому новгородские купцы вели торговлю со Швецией, Ливонией, Ганзейским союзом, и был не только портом, но, вероятно, и таможенным пунктом, где товары подвергались осмотру и собиралась таможенная пошлина. Кроме того, в случае запрета торговли или военных действий через этот порт на Неве шла запрещенная торговля товарами, необходимыми для Новгорода²¹.

¹ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. II, с. 19, 20, табл. I, 371.

² Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфраги-

стики. — Тр. музея палеографии, Л., 1928, вып. I, II, с. 47, 48; Арх. ЛОИА, ф. 35, оп. 2, д. 444, табл. IX, 12.

³ Янин В. Л. Актовые печати... с. 105—110, табл. 28, 618.

- ⁴ Янин В. Л. Печати новгородских тиунов как исторический источник. — КСИИМК, вып. 59, с. 107—110.
- ⁵ Янин В. Л. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. — МИА, 1956, № 55, с. 144.
- ⁶ Шахматов А. А. Исследования о двинских грамотах XV в. СПб., 1903.
- ⁷ Янин В. Л. Актовые печати..., табл. 20, 21.
- ⁸ Болсуновский К. В. Дрогиченские пломбы. Киев, 1894, ч. I.
- ⁹ Пескова А. А. Отчет о работе Новгородского отряда архитектурно-археологической экспедиции в 1980 г. — Арх. ИА АН СССР, рис. 14.
- ¹⁰ Лихачев Н. П. Материалы для истории..., с. 84, 85, рис. 68, 69; Петренко В. П., Незаева А. А., Шилова Т. Б. Раскопки в Старой Ладого близ Варяжской улицы. — АО 1972 г., М., 1973, с. 27.
- ¹¹ Колчин Б. А., Хорошев А. С. Михайловский раскоп. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 158.
- ¹² Пескова А. А. Отчет..., рис. 10.
- ¹³ Sigrid Rinne. Jordfund i Abo slott. — Finskt Museum, XXXVII, 1930. Helsingfors, 1931, S. 72, fig. 48, 49.
- ¹⁴ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978, с. 142, рис. 29, 30.
- ¹⁵ Лихачев Н. П. Материалы для истории..., с. 73, 74, рис. 53.
- ¹⁶ Янин В. Л. Находка польского свинца в Новгороде. — СА, 1968, № 2, с. 326, рис. 3.
- ¹⁷ Янин В. Л. Актовые печати..., т. 2, с. 105—111.
- ¹⁸ ПСРЛ, 1841, т. III, с. 73.
- ¹⁹ НПЛ, 1950, с. 326, 349.
- ²⁰ ПСРЛ, 1841, с. 83, 84.
- ²¹ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-гензейские отношения. М., 1975, с. 87, 121.

П. А. ШОРИН

КЛАД МОНЕТ XVII в. ИЗ РАСКОПОК 1983 г. В ПСКОВЕ

В июле 1983 г. в Запсковье, недалеко от стены Окольного города, в раскопе на ул. Первомайская, 3 (начальник раскопа С. В. Белецкий), был найден клад, содержащий 263 русские серебряные монеты. Обнаружен он на глубине около 0,6 м в слое, содержащем материалы XVI—XVII вв. Никаких следов сосуда, кошелька или мешочка, в котором мог быть помещен клад, не обнаружено. Все монеты клада — копейки: монеты Бориса Федоровича Годунова (1598—1605) — 1 экз. (0,41 г), монеты Василия Ивановича Шуйского (1606—1610) — 1 экз. (0,49 г), монеты Владислава Жигимонтовича (1612 г.) — 1 экз., монеты Михаила Федоровича (1613—1645) — 257 экз., монеты стертые — 3 экз.

Предварительное изучение монетных штемпелей и их соотношений показывает, что подавляющее большинство монет клада является продукцией московского денежного двора. Новгородский и псковский денежные дворы представлены соответственно 7 и 25 экз.

Древнейшая монета клада — копейка Бориса Федоровича Годунова имеет на лицевой стороне монограмму М — знак московского денежного двора. Монета Василия Ивановича Шуйского чеканена в Новгороде¹. На ее лицевой стороне под изображением коня буквы: РIII, означающие дату 1610 г. Судя по весу монеты (0,49 г), она отчеканена шведами подлинными штемпелями в оккупированном городе около 1615 г.

Монеты Михаила Федоровича — копейки трех денежных дворов — новгородского, псковского и московского. Число монет, отчеканенных одной парой штемпелей, колеблется от 1 до 38, а их вес от 0,36 до 0,49 г.

Новгородские монеты отчеканены двумя парами штемпелей, не связанных между собой. Эти монеты датируются А. С. Мельниковой² соответственно — февралем-мартом 1617 г. (2 экз.) и временем после 1625 г. (5 экз.). Одна монета — новгородского чекана предположительно³.

Монет псковского денежного двора (с буквами ПС под изображением всадника) в клада 25 экз., происходящих от трех пар, не связанных между собой штемпелей⁴. Это монеты 1, 3 и 4 типов, по классификации А. С. Мельниковой. Они представлены соответственно 3, 21 и 1 экз. Монеты первого типа чеканились после 1617 г. и имели четкую весовую норму 0,48 г. Средний вес трех монет исследуемого клада —

0,485 г полностью соответствует этой норме. Монеты третьего типа чеканились после 1620 г. по весовой норме 0,48 г, а после 1626 г. — по 0,46 г⁵. Средний вес всех монет этого типа в кладе (21 экз.) — 0,472 г.

Особого внимания заслуживает единственная монета 4-го типа. До недавнего времени такие монеты относились к псковскому чекану и датировались 1626—1645 гг. А. С. Мельникова привела вес восьми известных ей экземпляров монет — 0,49; 0,48; 0,46 (3 экз.); 0,45; 0,43 и 0,35 г. Вес монет из псковского клада — 0,45 г.

В 1972 г. А. С. Мельникова, изучая клад русских и западноевропейских монет, найденный в хут. Пэнтсаку (Тартуский р-н Эстонской ССР), обнаружила одну необычную монету, представляющую собой сочетание «лицевого штемпеля со знаком ПС и оборотного — с именем Василия Ивановича, хорошо знакомого нам, встречающегося обычно с лицевым штемпелем НРГІ»⁶. Так как этот лицевой штемпель не выявлен среди всех известных новгородских и псковских монет Василия Шуйского, монета из Эстонии связала 4-й тип «псковских» монет Михаила Федоровича с монетами, чеканенными шведами в оккупированном Новгороде после 1615 г. Вес монет этого типа и связанного с ним общим штемпелем лицевой стороны 5-го типа (в рассматриваемом кладе отсутствуют) показывает, что шведы чеканили монеты по заниженной весовой норме — 0,47—0,46 г, вместо законной для этого времени нормы в 0,51—0,50 г (4-х рублевая монетная стопа)⁷.

Одна монета клада отчеканена шведами или в 1615—1617 гг. в Новгороде, или после 1617 г. в каком-то другом месте, когда они вывезли русских денежников и часть монетных штемпелей со знаками ПС, М и МО из Новгорода и продолжили чеканку за пределами России. Предположительно к шведскому чекану можно отнести еще несколько монет.

Большой интерес вызывает группа так называемых фальшивых монет с именем Михаила Федоровича. В кладе их обнаружено 7 экз. (вес — 0,44; 0,42; 0,41; 0,37; 0,35; 0,33; одна монета не взвешена). Эти монеты остаются неизданными. Две монеты из клада идентичны по лицевой стороне подобным монетам из коллекции Отдела нумизматики ГИМ (№ 266). Такие фальшивые монеты заслуживают специального изучения, но вполне вероятно, что и они чеканились шведами в 1611—1617 гг. в Новгороде, или после 1617 г. где-то еще. Если это предположение окажется верным, то найденный при раскопках клад окажется первым на территории Псковской обл., в котором присутствуют такие монеты, а число самих монет значительно увеличится.

Как уже отмечено, абсолютное большинство монет клада является продукцией московского денежного двора. Все монеты с обозначениями: МО/СКВА и МОС/КВА (15 экз.) хорошо известны и классифицированы А. С. Мельниковой. 11 монет связываются между собой общими штемпелями — три общих штемпеля л. с. и пять — о. с. Две монеты связаны общим штемпелем л. с. — с буквой «К» над крупом коня под плащом всадника⁸. Две монеты связаны общим штемпелем о. с. с группой монет со знаком М. Монеты с этой монограммой представлены почти 200 экз., как минимум, от 27—30 штемпелей л. с. и около 30 штемпелей о. с.

В кладе отсутствуют поздние монеты с монограммой М⁹, что дает предварительно датировать его рубежом 30—40-х годов XVII в. Датировка подтверждается и тем, что массовое распространение на русской территории шведских подделок приходится на 30—40-е годы XVII в.¹⁰

¹ Спасский И. Г. Денежное обращение в русском государстве с 1533 по 1617 г. — МИА, 1955, № 44, табл. III.

² Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича. — Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960, т. 2, № 7, 14.

³ Мельникова А. С. Систематизация..., № 3.

⁴ Там же, № 1, 3 и 4.

⁵ Там же, с. 82.

⁶ Мельникова А. С. Новые данные о чекане монет в Новгороде в 1611—1617 гг. — Труды ГИМ, 1977, вып. 49, с. 182.

⁷ Мельникова А. С. Новые данные..., с. 183.

⁸ Мельникова А. С. Систематизация..., № 78, 85.

⁹ Там же, № 144.

¹⁰ Мельникова А. С. Новые данные..., с. 188.

ХРОНИКА

К. В. ПАВЛОВА

РАБОТА СЕКТОРА
СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА АН СССР
В 1982—1983 гг.

Сектор славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР в составе 5 старших научных сотрудников (1 доктор, 2 консультанта и 2 кандидата) и 10 младших научных сотрудников (3 кандидата, 7 без степени) продолжал работу по трем основным проблемам: «История и культура ранних славян» (В. М. Горюнова), «История, технология и культура средневековой Руси» (руководитель П. А. Раппопорт) и «Финно-угорские племена в составе Северо-Западной Руси (этнос и культура)» под руководством заведующего сектором А. Н. Киригичникова. Работа проводилась по 16 конкретным темам, 10 из которых посвящены изучению средневековых древностей Северо-Запада РСФСР, в том числе семь — непосредственно финно-угорской тематике. Продолжая кропотливую работу по сбору, критическому пересмотру и обобщению археологических материалов и письменных источников, накопленных в предшествующее время русскими и советскими исследователями этого региона, сотрудники сектора уделяют большое внимание розысканию и исследованию новых средневековых памятников на Северо-Западе РСФСР, результаты изучения которых позволят по-новому и более достоверно осветить материальную и духовную культуру финно-угорских племен и их взаимоотношения со славянскими племенами. Этим вопросам в истекший период были посвящены работы Е. А. Рябина «Этапы развития средневековой культуры на северо-западе Новгородской земли (по материалам Ижорской экспедиции)» и «Водь и ижора», в которых автор подводит итоги историко-археологического изучения прибалтийско-финских племен, обитавших на северо-западе Новгородской земли. А. И. Савса выполнил историко-археологический очерк о племени корела и составил каталог памятников карельской культуры на территории Финляндии. Н. В. Хвоцинская закончила работу «Курганы второй половины I тысячелетия н. э. восточного побережья Чудского озера», в которой выявлена структура упомянутых памятников, проведено сравнение с погребальными сооружениями соседних территорий, что, в частности, позволяет ставить вопрос о формировании длинных курганов и на данной территории. Материальной культуре приладожской чуди X—XI вв., по материалам погребальных памятников, посвящается начатая в 1982 г. работа В. А. Назаренко. Е. Н. Носов завершил работу о Новгородском (Рюриковом) городище, в которой большое внимание уделяется стратегической, хронологии и топографии поселения, его материальной культуре, определяется место городища среди археологических памятников Приильменья и его отношение к Новгороду. В. П. Петренко работает над темой «Итоги изучения сопки северного Поволжья в 1970—1981 гг.»

Проблемы истории, технологии и культуры средневековой Руси посвящена работа П. А. Раппопорта «Очерк истории русского зодчества X—XIII вв.», в которой обосновываются этапы развития архитектуры

X—XIII вв., дается характеристика архитектурных школ в их взаимосвязи, показана тесная связь развития архитектуры с социальной историей Руси, а также связь древнерусских строительных артелей с определенными княжескими династиями. О. В. Овсянников закончил работу «Очерки истории и культуры средневекового города на русском Севере» об укрепленных поселениях XIV—XV вв. и эпохи Московского государства XVI—XVII вв. на русском Севере; анализируется их топография, планировка, оборонительные сооружения, материальная культура, ремесло, его организация, монументальное строительство, социальная организация, определяется значение города в освоении русскими Севера.

Интересна работа А. Н. Кирпичникова «Иностранцы — путешественники о Пскове и России XVI—XVII вв.», в которой приводятся неизвестные в отечественной литературе тексты и изображения Пскова XVI—XVII вв. и источниковедчески оцениваются некоторые сведения иностранных путешественников о России того времени. А. Л. Якобсон написал исследование о хачкарах (крестных камнях) Армении и работу «Памятники средневековой архитектуры Малой Азии по материалам академика Я. И. Смирнова». М. В. Малевская завершила работу «Галлицкая архитектура второй половины XIII—XIV вв.» и приступила к разработке темы «Оборонительные сооружения западнорусских земель второй половины XIII—XIV вв.» В. А. Тюленев представил работу об оборонительных сооружениях древнего Выборга. В. И. Кильдюшевский — работу «Керамика Пскова и Псковской земли XIII—XVII вв.», а К. В. Павлова — «Керамика южных городов Смоленской земли XII—XIII вв.».

Проблемам истории и культуры ранних славян посвящается работа В. М. Горюновой «Комплекс раннесредневековых памятников у с. Великие Будки и его место в культурно-хронологической стратификации Днепровского Левобережья по вопросам колочинской культуры».

Сотрудники сектора добились значительных успехов и в полевой деятельности, где главнейшее место занимает начатая с октября 1982 г. подготовка материалов для археологической карты Ленинградской области. Работа, часть которой возложена на В. А. Лапшина, рассчитана на ряд лет. За истекший период собраны данные о ранее известных археологических объектах на этой территории, и составлена картотека более чем на 800 памятников области. В основном закончены работы по сплошному обследованию археологических объектов Лужского и Сланцевского районов Ленинградской области. К этой работе привлечены сотрудники сектора, занимающиеся изучением северо-запада РСФСР. В Кингисеппском районе Ленинградской области Е. А. Рябинин ведет успешные раскопки городища у д. Кайболово, которое является редчайшим средневековым поселением, выявленным на территории Водской земли. В зоне расселения летописной води Е. А. Рябининым открыто 5 новых могильников и одно селище. На двух из этих кладбищ проведены раскопки, вскрыто 52 погребения XIII—XIV вв. Это, в сущности, первые археологически документированные памятники средневековой води, до последнего времени оставшиеся неизвестными. А. И. Сакса продолжает изыскания на территории Приозерского района по исследованию «каменных куч» и жертвенных камней с выемками эпохи средневековья, а также осуществляет поиски древних поселений. В. А. Тюленев на территории замка древнего Выборга исследовал слои XIII—XIV вв., в которых обнаружены и древности, принадлежащие коренному карельскому населению. В окрестностях Выборга установлено местоположение многочисленных островных крепостей, зафиксированы новые группы «каменных куч» — культовых или погребальных сооружений дославянского населения этого края. В. В. Петренко продолжает изучение многослойных культурных отложений Ивангородской крепости в Кингисеппском районе Ленинградской области. Вскрыты участки застройки конца XV—XVIII вв., впервые прослежено основание угловых башен и фрагменты стен крепости 1492 г. в Ивангороде. Разведывательными работами в Кингисеппском и Бокситогорском районах Ленинград-

ской области выявлено 5 новых средневековых могильников жалыничного типа и позднее средневековое поселение с остатками железодельного производства. Е. Н. Носов исследовал слои IX—XIII вв. на Новгородском (Рюриковом) городище. Получен богатый вещевой материал, подтверждающий заключение о торгово-ремесленном облике поселения, являющегося одним из предшественников Новгорода уже во второй половине IX в. Н. В. Хвоцинская продолжала исследование средневекового могильника у д. Залахтовье Гдовского района Псковской области, оставленного финно-угорским населением. В более ранней части могильника прослежены остатки длинных курганов. Начато исследование городища «Стороженец» XIII—XIV вв. О. В. Овсянников проводил археологические разведки в Мурманской и Архангельской областях. Открыто 25 стоянок эпохи раннего неолита на побережье Белого моря и на о. Морженец, зафиксирован целый ряд поморских крестов позднего времени. На левом берегу р. Варзуга, на дюнах, исследованы остатки разрушающегося могильника XII—XIII вв., собрано большое количество женских украшений финского облика. Это первый могильник финского населения на этой территории. В Вельском районе Архангельской области исследовались новгородские боярские усадьбы XIV—XV вв., осуществлены раскопки городища близ г. Вельск.

А. Н. Кирпичников проводил архитектурно-археологические исследования в Николо-Перыньском монастыре Псковской области: вскрыты остатки церкви Николая Чудотворца XVI в., сохранившейся на высоту 8 м. Это уникальное для храмовой архитектуры Пскова прямоугольное сооружение 6×10 м без специально выделенной апсиды. Интересные результаты получены архитектурно-археологической экспедицией П. А. Раппопорта, в состав которой входят 4 отряда. Отрядом А. А. Пескова проводились исследования во Владимире Волынском. Здесь, на урочище Ануфриевщина при поисках деревянной церкви обнаружена площадка, выложенная поливными плитками. Кроме того, А. А. Пескова произвела раскопки за пределами валов городища у д. Городище у Шепетовки, где открыта печь производственного назначения. В. А. Булкин исследовал собор XII в. Хутынского монастыря, определены контуры этого сооружения. Под так называемым Хутыньским столпом найдены фундаменты более ранней церкви. В Белой Церкви Киевской области он же открыл фундаменты небольшого, неизвестного ранее храма домонгольского периода, входившего в состав Юрьевской епископии. О. М. Иоаннисяном открыт ряд архитектурных памятников в Галиче и выявлены фундаменты собора XII в. под церковью XVI в. в г. Ярославль. Л. Н. Большаков в 1983 г. исследовал неизвестный храм в Чернигове, а в 1982 г. вел раскопки собора XII в. в Новгороде Северском. П. А. Раппопорт исследовал руины Благовещенской церкви в г. Витебске, выявил ряд ранее неизвестных особенностей храма, связанных, в частности, с его декором. М. В. Малевская осуществила раскопки около пьесты действующей Покровской церкви в г. Луцке, под которой открыты фундаменты церкви XIII—XIV вв. того же названия, выяснена ее планировка. В Луцком замке с помощью метода биолокации найдено место расположения церкви Иоанна Богослова (вторая половина XIII в.) и выявлена ее конфигурация, остатки фундаментов и стен дворца.

Сектор славяно-финской археологии работает в тесном контакте с археологами Прибалтийских республик, Украины, Белоруссии, с коллегами многих городов нашей страны, поддерживает деловые дружественные связи с археологами Финляндии. Они выражаются во взаимном обмене научной информацией, организации и проведении симпозиумов, помощи в подготовке археологических кадров. Сдан в печать сборник «Новое в археологии СССР и Финляндии». По инициативе Б. А. Рыбакова впервые создается совместная с финляндскими археологами книга «Финны в Европе (VI—XIV вв.)». В секторе проходят стажировку молодые ученые из Риги, Таллина, Минска, Гродно. 30 ноября—1 декабря 1983 г. проведены дни творческого содружества между археологами сек-

тора и археологами отдела первобытной истории Института истории АН ЭССР. На заседании сектора были заслушаны и обсуждены доклады Ю. Я. Селиранда «Организация археологических работ в Эстонии», Т. Тамла «Проблемы изучения позднего железного века в Эстонии», В. Соколовского «Поселения железного века в Олустре», П. Лиги «Погребальный обряд в курганном могильнике Йууга». Эстонские археологи познакомились с материалами, добытыми во время раскопок на Северо-Западе РСФСР, ознакомились с лабораториями и библиотекой ЛОИА, совершили экскурсию в Старую Ладугу. Между Институтом истории АН Эстонской ССР и ЛОИА АН СССР заключен договор о сотрудничестве.

Существенную роль в деятельности сектора играют заседания сектора, на которых заслушиваются и обсуждаются доклады и сообщения сотрудников и аспирантов сектора и решаются научно-организационные вопросы. Кроме того, в 1982—1983 гг. на заседаниях сектора заслушано и обсуждено 40 докладов наших коллег из различных городов страны. Среди них отметим доклады Л. В. Чижовой (Москва) «Культовое литье Урала и Западной Сибири», Н. И. Платоновой (Ленинград) «Каменная насыпь у д. Удрай — погребальный памятник XI в.». Вопросом этнической истории ранних славян было посвящено выступление Г. И. Матвеевой (г. Куйбышев) «Городище Лбище и вопрос происхождения Именьковской культуры». Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли осветил в своем сообщении В. Я. Конецкий (Новгород). Курганному погребальному обряду латгалов и культовым памятникам Латвии были посвящены доклады А. А. Радиныша и Ю. В. Уртанса (Рига). Т. Б. Шишкина (Одесса) рассказала о древнерусских колоколах, разобрала некоторые технологические аспекты их изготовления. Об археологических открытиях немецких археологов сообщил Д. Варнике (ГДР). По тематике, связанной с изучением памятников древнерусской архитектуры, следует назвать доклады: Л. Н. Большаков «Метрический анализ древнерусских храмов XI—XII вв.», О. М. Иоаннисян «Успенский собор древнего Галича», В. Г. Васильев «Фрески ц. Климента XII в. в Старой Ладуге», Г. А. Богуславский «Новые данные о памятниках Соловецкого монастыря». На специальном заседании, посвященном 70-летию П. А. Раппопорта, заслушаны доклады А. И. Комеча «Специфические черты художественного языка древнерусской архитектуры XI—XIV вв.», С. С. Подъяпольского «Столп Ивана Великого в Москве. Итальянские истоки его архитектуры» и Г. М. Штендера «Строительно-технические методы в изучении памятников архитектуры».

В 1982—1983 гг. сектором обсуждены и рекомендованы к защите, а впоследствии были успешно защищены кандидатские диссертации Л. В. Чижовой «Культовое литье Урала и Западной Сибири», В. А. Тюленев «Каменные сооружения Выборга XV—XVI вв.», В. А. Назаренко «Погребальная обрядность Приладужской Чуди». Подготовлены отзывы на авторефераты докторских диссертаций И. В. Дубова «Средневековая Русь в период раннего средневековья (IX—XII вв.)», М. Б. Свердлова «Генезис и структура феодального общества в древней Руси», Э. С. Мугуревича «Замки и сельские поселения средневековой Ливонии (по археологическим материалам и письменным сведениям Латвии конца XII—середины XVI вв.)», Б. А. Тимощука «Общинный строй восточных славян IV—X вв. (по археологическим данным Северной Буковины)» Предметом обсуждения явились главы докторской диссертации об оборонительных сооружениях городов Белоруссии XIV—XVII вв., М. А. Ткачева (Гродно).

Сотрудники сектора принимают активное участие в региональных, всесоюзных и международных конференциях и симпозиумах. В мае 1983 г. на очередном Советско-Финляндском симпозиуме были представлены следующие работы: Е. Н. Носов «Исторические связи населения центра Новгородской земли IX—X вв. со странами Балтийского региона», Е. А. Рябинин — «Характер и направление культурных связей в зоне славяно-финских культурных контактов (по материалам металлической пластики)», А. И. Сакса — «Средневековая Карелия на путях европейской

торговли», А. Н. Кирпичников — «Известия иностранцев писателей и путешественников о Пскове и России XVI века», О. В. Овсянников — «О торговых путях в Заволочье в XI—XIV вв.», Н. В. Хвоцкая — «Одежда финского населения начала II тыс. н. э. западных районов новгородской земли в связи с историей народного костюма народов Прибалтики и Финляндии», В. А. Тюленев — «Подписной средневековый меч из раскопок в Выборге (к вопросу о вооружении древних карел)». С докладами обобщающего характера выступили на конференции, посвященной 1500-летию Киева, А. Н. Кирпичников, П. А. Раппопорт, Е. Н. Носов, М. В. Малевская, Ф. Д. Гуревич. В IX Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии приняли участие О. В. Овсянников, Е. Н. Носов, А. И. Сакса и Н. В. Хвоцкая. Е. А. Рябинин и Н. В. Хвоцкая выступили с докладами на конференции «Проблемы хронологии археологических памятников периода образования древнерусского государства» в Москве. А. Н. Кирпичников и Е. Н. Носов участвовали в конференции «Новгород древний — Новгород социалистический», В. А. Назаренко выступил с докладом на пленуме ИА АН СССР, посвященной полевым исследованиям 1982 г. в Москве. На межреспубликанском симпозиуме по вопросам домостроительства на Северо-Западе в Риге выступали семь сотрудников сектора, П. А. Раппопорт и Ф. Д. Гуревич — с докладами на сессии византистов в Севастополе, А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов, А. И. Сакса, Н. В. Хвоцкая — на конференции в Таллине. Сотрудники сектора — частые гости на семинаре «Археология Пскова и Псковской земли», где выступают с докладами и в прениях. В 1982—1983 гг. опубликовано 4 книги, 2 брошюры и 90 статей общим объемом 100 печатных листов. Подготовлены к изданию 7 монографий.

Нельзя не отметить большую научно-популяризационную работу сотрудников сектора. За 2 года в лекториях ЛОИА, Русского музея, Географического общества сотрудниками сектора прочитано более 30 популярных лекций и более 100 лекций и бесед в экспедициях. Сектор продолжает организацию в с. Старая Ладога Ленинградской области историко-архитектурного и археологического заповедника республиканского значения. Проводятся и консультируются спасательные и реставрационные работы (Выборг, Копорье, Ивангород, Старая Ладога, Архангельск).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКУ — Археологический кабинет Казанского университета
 АО — Археологические открытия
 АС — Археологический съезд
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 ВГО — Всесоюзное Географическое общество
 ВИС — Вспомогательные исторические дисциплины
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ГМТР — Государственный музей Татарской АССР
 ГПБ — Государственная публичная библиотека
 ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 ЛОИА — Ленинградское отделение института археологии
 МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции

МАР — Материалы по археологии России
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МИСО — Материалы по истории Смоленской области
 НИИ — Научно-исследовательского института
 ОАК — Отчет Археологической комиссии
 ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
 ПАО — Псковское археологическое общество
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
 ПЛ — Псковские летописи
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СЭ — Советская этнография
 Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЧКМ — Чувашский республиканский краеведческий музей
 ЛМ — Шифр фондов Музея истории г. Лиепая

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>А. Е. Леонтьев.</i> Волжско-Балтийский торговый путь в IX в.	3
<i>В. В. Седов.</i> Жилища словенско-кривичского региона VIII—X вв.	10
<i>Ю. А. Краснов.</i> Пахотные орудия Волжской Болгарии	16
<i>Н. А. Макаров.</i> О некоторых комплексах середины — 3 четверти I тысячелетия н. э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне	23
<i>А. В. Келятковская.</i> Каменные могильники белорусского Понеманья	32
<i>И. А. Озере.</i> Привески-амулеты из могильников Курземе X—XV вв.	41
<i>А. В. Чернецов.</i> Резная рукоять сабли XV в. из Твери	49
<i>Г. А. Федоров-Давыдов.</i> Клад серебряных монет XIII в. из Болгар	55

Публикации

<i>Н. В. Жилина.</i> Укрепления средневековой Твери	66
<i>Б. Н. Харлашов.</i> Археологическое изучение селищ Изборской округи	70
<i>А. Г. Векслер, А. К. Станюкович.</i> Раннесредневековое поселение у Боровского перевоза в Подмоскowie	76
<i>З. М. Сергеева.</i> Курганы у д. Запирино в Полоцком Подвинье	80
<i>Г. Н. Пронин.</i> Раскопки курганно-жальничного могильника у д. Новинка	83
<i>Р. Ф. Воронина.</i> Финский могильник у с. Никитино	92
<i>В. А. Кореняко, А. Г. Агавин.</i> Позднеочевнические погребения в курганах у с. Новоселицкое (Ставропольский край)	95
<i>П. Г. Гайдуков, А. В. Фомин.</i> Монетные находки Изборска	101
<i>В. И. Кильдюшевский.</i> Средневековые печати и торговые пломбы из раскопок крепости Орешек	110
<i>П. А. Шорин.</i> Клад монет XVII в. из раскопок 1983 г. в Пскове	114

Хроника

<i>К. В. Павлова.</i> Работа сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР в 1982—1983 гг.	116
Список сокращений	120